

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

SI 2V 3222.011 (1435)
39

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

IV
-16058/2np

ЗОРЯ

Г А Д И Ц К А Я,

Л И С Т Ъ П О В Р Е М Е Н Н Ы Й,

посвященный

ЛИТЕРАТУРНОМУ, ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНИЮ,

издаваемый под редакцією, сперва:

ЮАННА ГУШАЛЕВИЧА,

потомъ:

БОГДАНА А. ДЪДИЦКОГО.

Г О Д Ъ VI.

Круніcki

ЛВОВЪ,

Изданіемъ в типографіи Староуниверситетскаго Института.

1853.

5-8

Slav 3222.897 $\left(\frac{1853}{2-7, 30-31, 37-39} \right)$

"ZORIA HALYTSKA"

Wes. St.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Поэзіи.

- Где домъ есть мой? Б. А. Д. Число 1.
- На смерть А. Балудянского. — Къ сближающей
веснѣ. Б. А. Д. ч. 2.
- Сайна. — Поетъ. — Къ горожанцѣ. Б. А. Д. ч. 3.
- Сдвардъ, (баллада). Б. А. Д. ч. 4.
- Кена, (романъ). Б. А. Д. ч. 5.
- Слава во вышнихъ Богу! Б. А. Д. ч. 6.
- Юліи. — Чулакъ. Б. А. Д. ч. 7.
- Воспоминаніе Наддѣстровья. И. Г. Н. ч. 8.
- Ослѣпленный Василько, (историческая дума) Б. А.
Д. ч. 9.
- Горе и благодать Ѳ. Глин. ч. 11.
- Къ невѣрной. Б. А. Д. ч. 12.
- Кодящій звонъ, (сказка). Б. А. Д. ч. 13.
- Близость влюбленного. Б. А. Д. ч. 14.
- Цоя молитва. Б. А. Д. ч. 15.
- О память усопшого Фр. С. гр. Стадіона. Б. А. Д.
ч. 16.
- Судъ закона и милость благодати Ѳ. Глин. ч. 17.
- Саревичъ и двѣ Русалки, (баллада I. II.) Б. А. Д.
ч. 18—19.
- Е умивай! И. С. ч. 20.
- Гѣшитель. Ѳ. Глин. ч. 21.
- Сребель, ракъ и щука, (басня). К. ч. 22.
- Смѣль русскаго кобзаря. I. II. Б. А. Д. ч. 23 и 31.
- Ослѣдняя борьба. А. К. ч. 24.

- Беззаботность птички. А. П. — Листокъ. Ж. ч. 25.
- Жаворонокъ, Н. Б. ч. 26.
- Оправданіе. Б. А. Д. — Розбитая скрипка (басня).
Дм. ч. 27.
- На кладбищѣ, И. Г. Наум. — Первая утрата. О.
ч. 28.
- Вечерній звонъ. Михайла Петренка. — Любовь. Б.
А. Д. ч. 29.
- Да будетъ миръ! Б. А. Д. ч. 30.
- Словенское племя. — Большинство голосовъ. — Два
листика. Б. А. Д. ч. 32.
- Вспоминка о Петрѣ Головацкомъ — Къ нашимъ
Народолюбпямъ. Б. А. Д. ч. 33.
- Молитва спротки К. П. — Золото и булатъ. А. П. ч. 34.
- Хвали Творца. З. — Советъ Коляра. Б. А. Д. ч. 35.
- Къ другу. Я. съ Я. ч. 36.
- Встрѣча съ Оленою. Б. А. Д. ч. 37.
- Смотръ крестовъ. Б. А. Д. ч. 38.
- Чего намъ недостаетъ. Б. А. Д. — Вишневый
кустъ, (басня). Дм. ч. 39.
- Ежедневное испытаніе самого себе — Жизнь при-
мѣрна. Я. съ Я. ч. 40.
- Зимовый вечеръ. А. П. ч. 41.
- Схватка. А. П. — Къ Емпіи Ѳ. М. ч. 42.
- Стихъ привѣтственный Его В. Архикнязю Каролу
Людвигу. Б. А. Д. ч. 43.

Науковыи и историческіи статьи.

- Осланіе о первомъ нашемъ письменномъ языкѣ.
ч. 1—4.
- Селетристка. Туряна. ч. 1.
- Сороткая Исторія Черной Горы. ч. 2 и 4.
- Способъ воеванія Черногорцевъ. ч. 2 и 3.
- Сорисмы о народной словесности. Туряна ч. 5, 6, и 8.
- Сначаткахъ перваго епископства въ Галицко-рус-
скомъ княжествѣ. А. Петрушевича. ч. 6—11.

- Битва на Куликовскомъ полѣ. ч. 6
- Козаки въ Царьградѣ. I. Левичкого. ч. 8 и 9.
- Паденіе Царяграда. I. Левичкого. ч. 11—13.
- Обзоръ важѣйшихъ политическихъ и церковныхъ
происшествій въ Галицкомъ княжествѣ съ по-
ловины XII до конца XIII вѣка. А. Петруше-
вича. ч. 12—19, 21, 24, 37—41.
- Вспоминки Старословенскіи. Гв. Ц. ч. 24—30.

- О невіжествѣ галицкихъ селянъ. М. Малиновского. ч. 25.
 Историческія извѣстія о коронѣ св. Стефана. ч. 30.
 Короткая исторія литературы всѣхъ словенскихъ нарѣчій. I. Исторія старословенской литературы. ч. 31—35.
 II. Короткая исторія чешско-словацкой литературы. ч. 37—38.
 Омеръ-паша. ч. 35.
 Слово къ нашимъ почт. Читателямъ, отъ Редакціи ч. 37.
 Вѣроисповѣданіе христіанскихъ возстанцевъ. ч. 37.
 Новый мостъ въ Кіевѣ. ч. 40.

Справозданія галицко-русскихъ обществъ.

- Отъ строительной Комиссіи Н. Дома ч. 5, 8, 10, 13, 17.
 О выборахъ въ Ставропигіанскомъ Институтѣ. ч. 10.
 Промова Вч. Г. М. Куземского, на засѣданіи Выдѣла Галицко-русской Матцы ч. 20.
 Вступное Слово Вч. Г. М. Куземского на засѣданіи Комиссіи, управляющей строеніемъ Нар. Дома. ч. 21 и 22.
 Засѣданіе выдѣла Галицко-русской Матцы. ч. 23.
 Даръ г. Министра Баха для книгохранилища Народ. Дома. ч. 24.

Повѣсти и драма.

- Отецъ Игнатій, русскій приходникъ изъ Соломянки. ч. 1—22.
 Такъ иногда люди женятся. Е. Гр. ч. 23 и 24.
 Змій Ногайскій. Хохолушка ч. 25—28.
 Мачиха и Пяночка. Е. Гр. 29 и 30.
 Чайковскій. Е. Гр. ч. 31—43.
 Ночь зимовая. С. ч. 31 и 32.
 Краса села. ч. 33 и 34.
 Доброе общество. ч. 36.
 Бережливость и скупость. ч. 37.
 Немира, трагедія С. Онуфріевича ч. 14, 16—21, 23—28.

Дописи.

- Изъ Самбора. Г. ч. 1.
 Изъ Вѣдня. Р. ч. 1 и 2.
 Изъ Тернополя. Н. ч. 3.
 Изъ Перемишля, I. Левецкого. ч. 5.
 Изъ Львова Б. А. Д. ч. 12.
 Изъ Львова. Ф. Ф. ч. 14.
 Изъ Будина. Ар. А. Радлинского. ч. 16.
 Изъ западной Галичины. М. изъ Д. (—ій) ч. 21 и 40.
 Довѣрительныя письма съ Будина. ч. 23, 25, 28, 29.
 Изъ Пряшева. Туряна ч. 26.
 Изъ Коломыйского. И. ч. 27.
 Изъ Пряшева, А. Д. — Изъ Кошиць. В. Д. ч. 32,
 Изъ Пряшева, Духновича. — Изъ Жолковского, И. ч. 33.
 Изъ Коломыйского, Андрея Ивановича К. ч. 35, 38, 39.
 Изъ Яворова, I. Лозиньского. ч. 36.
 Изъ Покутья, Юсіа съ Болшова. ч. 40—42.

Извѣстія науковыя и Вслчина

находятся едва не въ каждомъ числѣ; замѣчанія господарскія и двѣкарскія, потому извѣстія седмичныя и торговельныя въ нѣкоторыхъ. Ко всякому числу приложены „Поученія Церковныя.“

Надзобыкновенныя прилоги.

- Тебе Бога хвалимъ! стихъ Б. А. Д. ч. 1.
 Молитва за Его Апостольское Величество. ч. 11.
 Вовнаніе къ предплатѣ на 3 четвертьгодіе ч. 30.
 Справозданіе комиссіи Нар. Дома. ч. 36.
 Заглавыи Листы и Оглавленія къ „Зорѣ“ и „Поученіяиъ Церковныиъ.“ ч. 43.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся ежеседмично въ Середу два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверьочно получить платятъ въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ГДЕ ДОМЪ ЕСТЬ МОЙ?

(поется по напѣву известной чешской пѣсни.)

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Тамъ где Дибстеръ быстротечный

Безпредѣльный, безконечный,—

Тамъ где Сянъ и Бугъ и Прутъ

Серебромъ въ руслахъ текутъ:

Тамъ страна моя родная,

Тамъ мой домъ и жизнь моя!

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Тамъ где храмы вѣковыи,

И памятники святыи,

И церковный нашъ обрядъ

О минувшемъ говорятъ:

Тамъ страна моя родная

И мой домъ, и жизнь моя!

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Где курганы и могилы,

Городища старожилы

Прахъ богатырей хранить,

Где Бояны наши спать:

Тамъ страна моя родная

И мой домъ, и жизнь моя!

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Где, Мстиславъ, Романъ, Данило,

Левъ, последнее свѣтло,

Край и Вѣру стерегли

Отъ враговъ и гибели:

Тамъ страна моя родная,

И мой домъ, и жизнь моя!

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Где народъ сердечный, добрый,

Въ битвахъ сильный и хоробрый.

Вѣрный Славъ прежнихъ дней,

Всякій часъ поетъ о ней:

Ахъ, межъ тѣмъ народомъ милымъ

Домъ есть мой и жизнь моя!

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Тамъ где мать, отецъ старенькій,

Сестры, братчикъ молоденькій

Въ смирной хижинѣ живутъ:

И мене съ тоскою ждуть:

Тамъ ахъ, тамъ страна родная

И мой домъ, и жизнь моя!

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Тамъ где Русиня младая,

Заунывно припѣвая,

Золотое жито жнетъ,

Где краса моя живетъ:

Тамъ страна моя родная,

Тамъ мой домъ и жизнь моя!

Богданъ А. Д.

ПОСЛАНИЕ О ПЕРВОМЪ НАШОМЪ ПИСЬ- МЕННОМЪ ЯЗЫЦѢ.

Друзе!

Мило заговорило до моего сердца твое
воззваніе, „щобымъ по моимъ силамъ при-
чинялся до воздвиженія народного слова.
Я радовался, получивши купно и извѣстіе,
що наше повременное письмо снова будетъ
намъ просвѣщати. Въ Зорѣ видишь укра-

сербски); 11) Федоръ и Марица, повѣсть Лафон-тена; перев. Рашичезъ (по сербски).

грамматическаго содержанія: 12) Грамматика чешскаго языка для Нѣмцевъ, спис. А. Терельскимъ (по нѣмецки); 13) Грамматика польскаго языка тогоже (по нѣм.); 14) Грамматика нѣмецкаго языка для Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ (по чешски); 15) Чешско нѣмецкіи разговоры съ сокращенною грамматикою чешскою соч. Конечнымъ изд. втор.; 16) Грамматика болгарскаго языка соч. Кир. Цанковимъ (по нѣмецки); 17) Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ соч. Фр. Микловичезъ; часть I. (по нѣмецки).

Словари: 18) Правничо-политическая терминологія для славянскихъ языковъ въ Австріи: *Словарь нѣмецко рускій*; 19) Сербскій словарь Стефана Вука Караджича.

Читанки: 20) Читанка для низшихъ школъ гимназійныхъ состав. А. Веберомъ (по хорватски) 21) *Руская Читанка для низшой гимназіи; часть I. сост. В. Ковальскій*; 22) Сербска читанка для гимназіи сост. I. Суботичезъ; книга I.

Или школьныя книжки: 23) *Начальное основаніе зеврословія соч. Волкомъ* (по руски); 24) Малая читанка для каѳ. школъ въ Австріи (по чешски); 25) Рахункова книжка для 2 и 3. класъ школъ нормальныхъ. Кромъ того вышло надъ 50. школьныхъ книгъ, будь новыхъ, будь ново отпечатанныхъ и то: 6. чешско-словацкихъ, 3. чешско нѣмецкихъ, 13. польскихъ, 4. рускихъ, 2. хорватскихъ, 7. италіянско дальматскихъ и 20. словенскихъ.

господарскаго содержанія: 77) Юрія В... книжечка о средствахъ противу слабости будъ (по чешски).

Мѣсяцословъ; Войводянинъ на г. 1853. сербскій.

Вѣстники законовъ державныхъ и правительства: Годъ 1852 ч. IV. во всѣхъ австрійскихъ славянскихъ языкахъ.

Часописи: 85) Весна (чешская выходила до конца I. полгодія) 86) Словацкіи Новины; 87) Вѣстникъ для Русиновъ австр. державы.— Кромъ того 4. гудебныхъ твореній по напѣву словянскому.—

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЕЛЬНЫЯ И ГОСПОДАРСКІЯ.

— Для 14. Января с. г. приплылъ до англійской пристани въ Сутгамтонъ корабель „Австралія“

квотый привезъ съ тамошнихъ новооткрытыхъ копальной золота въ цѣвѣ 9. миліоновъ р. вр.

— Профессоръ Бетхеръ въ Базелю, изобрѣтатель стрѣльчой баволны, получилъ отъ Его Величества Цѣсаря Францъ Юсифа отличительный крестъ ордена Леопольдова.

— Найглубшіи копальни въ цѣломъ свѣтѣ суть безсомнительно *копальни мѣди* близъ англійскаго мѣстечка *Боталекъ*; они ростираются поподъ глубиною сосѣднаго моря, и страхъ наполняетъ посвящающаго ихъ, когда проводникъ окажется ему: „теперь находимся мы на 30- сяжней подъ моремъ, а на 300 сяжней отдалены отъ его берега.“ Подъ землею стучать молотки работниковъ, когда межъ тѣмъ понадъ его головою плывиють то тамъ то сямъ купеческіи корабли.

— Средняя температура мѣсяца Декабря бываетъ въ средней Европѣ обыкновенно низша 3 степеней Реомпра (3. степеней зима); минувшаго года однакожъ подступила она на три степени теплоты; случай надзвычайный, якій не бывасть ниже въ нѣсколько столѣтіяхъ. Таже сама температура грѣвала и въ первой половинѣ мѣсяца Января 1853. года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Перемышлянскіи [Мѣсяцословъ] на годъ 1853. въ Перемышли. Типомъ и накладомъ книгопечатни кантульной. Цѣна 24. крайц. серебромъ. Страницъ отъ 1 — 200. Годъ издаванія четвертый. Въ осмериць.

Покоренія Новгорода. Повѣсть историческая издавъ К. Меруновичъ. Львѣградъ 1852. Типомъ Института Ставропигіанскаго. Страницъ 1 — 100.

Руска Читанка для низшой Гимназіи составлена Василіемъ Ковальскимъ ц. к. министріальнымъ концертномъ и редакторомъ Законника державнаго и правительства. Въ Вѣдню 1852. Тископечатана въ ц. к. печатнѣ. Цѣна 41. крайц. серебромъ.

Комошій, повѣсть въ двоухъ пѣсняхъ сочиненная Богданомъ А. Д. Въ Львовѣ 1853. Типомъ Института Ставропигіанскаго Страницъ 1 — 54.

Изданіемъ и типомъ Института Ставропигіанскаго.
Отвѣтательный Редакторъ Іоаннъ Гушалевичъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся еженедельно въ Середу два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четвертью получати платати въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

НА СМЕРТЬ АНДРЕЯ БАЛУДЯНСКОГО.

сочинителя
„ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ
Новаго Завѣта.“

Печальныйъ годосъ къ намъ отбился
Изъ поза сумрачныхъ Карпатъ:
Огекъ Андрей упокоился,
Нашъ однородный Русинъ — Братъ!
Погасло снова одно свѣтило
Что величаво такъ и мило
Нашъ озаряло небосклонъ!

Онъ сороботникъ пригвѣтнѣйшій
Во вертоградѣ былъ Христа,
Теперь пошелъ во свѣтъ краснѣйшій,
Въ тотъ край, где Вѣра пресвята
Прійметъ его и скажетъ Богу:
Якъ жизненну свершалъ дорогу,
Якъ все для ней трудился онъ.

Якими украсилъ плодами
Спасительный, Господній Храмы;
Съ якими подавалъ чувствами
Душеву пищу Русинамъ.
И занесетъ его сказанья,
Его дѣла, его страданья
Свята любовь предъ Божій тронъ.

Такъ не смущайтесь мила братья
Утратою оною снова;
Его приняли во объятя
Надежда, Вѣра и Любовь;
Онъ не во вѣкъ упокоился,
Лишь въ иній мѣръ переселился,
Где вѣчно жити будетъ онъ!
Богданъ А. Д.

КЪ СБЛИЖАЮЩЕЙСЯ ВЕСНѢ.

Весно! ты красная Богиня,
Ты дочь наймильшадъ небесъ!
Ты вѣчно — юная княгиня
Во областяхъ любви, чудесъ!
Прійди, прійди скорѣйше къ намъ,
И радость принеси сердцама!

Зима дождливая и влажна
Не выстелила путь саяль;
Она такъ скучна и протяжна,
И не понравилась ужъ намъ:
Тому мы тужимъ за весною
Веселою и молодою!

Когда - то и народъ нашъ милый
Тыкъ за весною все тужилъ;
Но снѣгъ скрываетъ Отцевъ могилы
Вождовъ не стало замъ и силъ!
На Руси всей была зима,
И нужда, и глубока тьма!

И долго плачешъ и мольбами
Весны просили мы съ Небесъ:
И отъ, предъ нѣскольکو годами
Она прійшла — народъ воскресъ!
И къ новой жизни онъ отжилъ,
И древній вѣкъ возсталъ съ могилъ!

Такъ пребывай - же между нами
Ты вѣчно - юная Весна!
Твоими разбудивъ пѣснями
Насъ отъ дремоты и отъ сна;
Да будетъ власть у насъ твоя
Несокрушима, вѣчная!

Б. А. Д.

ПОСЛАНИЕ О ПЕРВОМЪ НАШОМЪ ПИСЬ- МЕННОМЪ ЯЗЫЦѢ

(Продолженіе.)

Глубоко троняють насъ известія о древнихъ великихъ характерахъ, и мимовольно производятъ въ души удивленіе и поважаніе для нихъ; мы любимъ и поважаемъ тыхъ мужей еще тымъ больше, если видимъ на нихъ добродѣтель, безкористолюбіе и истинно христіанское житіе. Тымъ отличился и нашъ первый изобрѣтатель словянскаго алфавита. Исторія передала намъ, що передъ усовершеніемъ сего подвига онъ постился сорокъ дней, ибо онъ вѣрно понималъ якъ многоважнѣесть ость сей трудъ. Поглянемъ якъ онъ собѣ въ томъ поступилъ дѣлъ. Двадцать четыре буквы греческаго языка, благозвучнаго и художественнаго, были недостаточныя для того, чтобы восприняти въ себѣ все разнообразіе, всю полноту звуковъ языка Словянскаго. Константинъ долженъ былъ прибѣгнуть для того къ алфавитамъ другихъ племенъ. Ученый Добровскій гово-

рить, що мудрый изобрѣтатель Словенскон азбуки, принялъ въ основу письма греческія, за другими же недоставшими обратился къ письменамъ восточнымъ: Еврейскимъ, Армянскимъ и Коптскимъ. Къ сему онъ нашель средства въ Византіи самой, котора, кромя духовныхъ сношеній, и политическія вела на письмъ тыхъ народовъ, съ которыми сносилася. Соборная Софійская Библиотека, конечно могла предложить Константину грамоту всѣхъ племенъ, тогда писавшихъ. Сорокъ четыре буквы потребовалось для того, чтобы выразити все огтыкии звуковъ Словянскаго языка. Въ 855 году, тыи звуки были начертаны. Чымъ больше ученые выикали и выикають въ нашу азбуку, тымъ больше изумлялися и изумляють ся премудрому ея составленію. Послухаемъ, що безпристрастный Нѣмецъ ученый Шлецеръ говоритъ къ нашимъ первоучителямъ: „Привѣтствую Васъ здѣсь, бессмертныи изобрѣтатели Словенскон грамоты! Вы, первыи, дерзнули грубыи *) языкъ имѣющіи множество ему только свойственныхъ звуковъ, взяти, такъ сказати, изъ устъ народа, и писати греческими буквами; но въ томъ дѣлѣ поступили вы, якъ люди отличнѣе уможъ одаренныи, и для каждаго особеннаго звука, котораго Грекъ не имѣлъ въ своемъ языкѣ, изобрѣли вы новыи особенныи знаки или буквы. Якъ малъ противу васъ Ельзасскій монахъ Отфридъ, или кто бы не былъ тотъ Нѣмецъ, который первый осмѣлился писати въ своемъ языкѣ, но для сего рабски только снялъ латинскую азбуку“

Придивьмъя теперъ тому, що наиперво передожено было съ Греческаго языка на

*) Слово: грубыи неужѣстно употреблено Шлецеромъ. Тотъ языкъ не могъ быти грубъ, въ которомъ нашлися уже силы для того, чтобы собственными словами передати всю глубину Священнаго Писанія.

Словенскій Константинонь и Меѳодіемъ. „Искони бѣ Слово и Слово бѣ отъ Бога и Богъ бѣ Слово: се бѣ искони у Бога?“. *) То суть первыя слова, написанныя близько нашихъ языкомъ — или церкви, благовѣствуетъ въ праздникъ Воскресенія Спасителя, выражаючи основную мысль христовой Вѣры; — то суть слова Апостола Любви, который возлежалъ на персахъ у Христа и которому Спаситель умиравши на крестѣ поручилъ Матерь Свою. Старшихъ отъ тыхъ словъ не имѣемъ. Тогда предложено было благовѣстіе отъ Іоанна, Константины и Меѳодія показали Царю, Патриарху и всему Собору и все о томъ съ радостію прославили Бога. За тѣмъ переведены были все Евангеліе, Апостолъ, Литургія, Псалмы и все необходимыя богослужебныя книги. Греческія и Болгарскія Словене, съ восторгомъ приняли даръ Слова Божія въ народномъ языкѣ отъ своихъ Первоучителей. **) Въ 862. году, Меѳодій крестилъ Болгарскаго Царя, Бориса. Такимъ образомъ отъ 855. до 861. года, Словенская литургія распространилася сначала у Словенъ Греческихъ, потомъ Болгарскихъ, которые по берегамъ Дуная, къ северу, граничили съ другими своими соплеменниками.

Между тѣмъ и до Моравовъ дошли слухи о томъ, що братья ихъ послеменички совершаютъ Богослуженіе въ языкѣ врозумительномъ. Потому Моравскій князь могъ обратитися къ Императору Михаилу и про-

*) Текстъ приведенъ по Остромирову Евангелію, которое могло быти третьимъ или четвертымъ спискомъ съ первоначальной рукописи Константины и Меѳодія.

**) Извѣстіе о томъ, що Болгарскія Словене пользовались Словенскимъ богослуженіемъ прежде, чѣмъ Моравскія, принадлежитъ Греческой біографіи Болгарскаго Архіепископа Климента. —

сити его, чтобы онъ прислалъ для его народа Словенскихъ учителей. Михаилъ отправилъ къ нему немедленно Константина и Меѳодія съ другими помощниками, между которыми позднѣе прославился Климентъ, Епископъ Болгарскій въ Македоніи. Ростиславъ съ восторгомъ принялъ Словенскихъ Апостоловъ въ своей столицѣ въ Моравскомъ Велеградѣ, нынѣшнемъ Градищѣ, и народъ раздѣлилъ съ княземъ его радость. Первымъ трудомъ Константина и Меѳодія было строити церкви, переводити дальше Священное Писаніе, вводити Словенское богослуженіе въ предѣлахъ цѣлой Моравы. Скоро разошлася вѣсть о томъ, що Словенское богослуженіе раздается дальше и дальше. О томъ услышалъ и Папскій легатъ съ Петра. Тогда Папскою тіарою украшался Николай I. Онъ позвалъ обонхъ братьевъ въ Римъ въ 867. году.

Въ житію Меѳодія сказано, когда братья пришли въ Венецію, и съ собою Словенскія богослужебныя книги и мощи св. Климента несли — они встрѣтили съ тамошними священниками прѣіе. Они говорили имъ: „Якъ же сотворимъ Словенамъ книги и обучаемъ ихъ тому, чего не позволили ни Апостолъ, ни Пана Римскій, ни Григорій Богословъ, ни Іеронимъ ни Августинъ? Мы знаемъ только три языки, въ которыхъ можно славити Бога. Еврейскій, Греческій, Латинскій.“ Философъ отвѣчалъ имъ: „Не льется ли дождь отъ Бога на все? Солнце не сіяетъ ли ровню на весь міръ? Не все ли мы дышемъ однимъ и тѣмъ же воздухомъ? Якъ не стыдитесь вы принимать только три языки, а прочимъ племенамъ велите быти слѣпыми и глухими? Богъ по вашему, или немощенъ, що не можетъ дати того, или завистливъ, що не хочетъ? Намъ извѣстно, що многіи народы умѣютъ воздавати славу Богу, каждый своимъ языкомъ: Аряно, Персы, Абазги,

Иворійци . Готы . Обры , Турки . Козары , Аравляне , Египтяне , Сиріане и еще други . Если не хотите уразумѣти того : изъ писанія познайте Судію . Давидъ вопієтъ , глаголя : пойте Господеви вся земля , пойте Господеви пѣснь нову .” — Въ такомъ видѣ преданіе сохранило намъ прѣвнѣ Константиана съ предрозсужденіями .

Братья идутъ въ Римъ . Туда несутъ они ноши св . Климента и словенскіи книги . Между тѣмъ , Папа Адріанъ сѣдѣлъ умершаго Николая . Со всѣмъ духовнымъ соборомъ . Папа Римскій , выходитъ на встрѣчу св . мощамъ , принимаетъ ихъ въ церкви св . Маріи . Въ храмъ св . Петра и въ храмъ великаго учителя языковъ . Апостола Павла , и въ другихъ церквахъ Рима , пѣли литургію въ языкѣ Словенскомъ . На гробницахъ первоверховныхъ Апостоловъ лежало Словенское Евангеліе .

Наслѣдникъ св . Петра умный Адріанъ не принялъ возраженій противниковъ , враждебныхъ народному богослуженію Словенъ , а тыхъ , которымъ утверждали , що священныи книги могутъ быти писанныи только въ трехъ языкахъ : Еврейскомъ , Греческомъ и Латинскомъ будто **Ѹ** ; що въ нихъ только , повелѣніемъ Пилата , написано было на крестѣ ния распятаго Спасителя , проклятъ и нарекъ пилатиньями и трезычниками .

Продолженіе слѣдуетъ .

Короткая исторія Черной Горы .

Событія , которыи въ нынѣшномъ времени обратили на Черногорцевъ вниманіе всей Европы . осуждиваемы бывають различно , будь во пользу хороброго сего славянскаго племени , будь на его вредъ и обиду . Даже тѣи , которыи до сихъ поръ и незнали , существуетъ ли акій Черногорскій край , смотрять явнѣ прилѣжно за извѣстіями . относящимися къ исторіи Черной Горы и розсуждаютъ ,

якъ имъ захочется . Думаемъ , що сдѣлаемъ ч . читателямъ нашихъ не малую прислугу , подавая имъ короткое обзорнѣ исторіи Черногорцевъ .

Исторія Черной Горы и такъ званого Сербскаго Пригорья начинается съ четырнадцатымъ столѣтіемъ ; о событіяхъ . случившихся прежде того времени , извѣстно дуже мало . Тое только неоспоримо , що якъ у всѣхъ славянскихъ племенъ такъ и у Сербовъ были многіи удѣльными князья (господари) . Роздѣленіе державы и такъ не дуже великою на множан области было головною причиною упадка сербскаго Царства . которое разрушено было въ 1389 . году во время владѣнія Царя Лазара на Косовомъ полѣ .

Въ то же время владѣли въ Зетѣ*) и въ Черной Горѣ особныи князья . Кроме тѣхъ было еще больше князей (господаревъ) въ оныхъ сторонахъ , именно : въ Герцоговинѣ , Приморію и Альбашии и всѣ они стояли между собою въ сродствѣ . Найстаршій между ними былъ Балша . сынъ бана Страница . Когда Турки преодолѣли Сербскаго Царя на Косовомъ полѣ . не спѣшили тѣи поменьшии князья съ помощію . котору нести ему будь не могли . будь не хотѣли По разрушеніи Сербскаго Царства владѣли тѣи князья въ своихъ удѣлахъ самостоятельно и уважали Балшу за наслѣдника Сербскихъ Царей , найвысшаго господара Сербской державы .

Турки нападали иногда и на княжескіи области , но не могли тамъ осягнути жела-

*) Зета есть рѣка втекающая недалеко Подгорицы въ рѣку Морачъ . Тутъ подроуивается подгѣтъ именовъ край лежащій понадъ рѣкою Зетою межи Герцоговиною , Албашию , Черною Горю и озеромъ Скадерскимъ . Кроме города Подгорицы суть въ Зетѣ еще двѣ крѣпости : Стужъ и извѣстнѣйшій имѣ Жаблякъ .

тельного успѣха. Ажъ тогда, коли ноосто-
рожныи Господарово Боснійскіи улегшии
Туркамъ приступъ до Босніи, могли тіиже
реченымъ областямъ больше вреда наноси-
ти. Жители Герцоговины, Албаніи и Зеты
бородись за свой бытъ и независимость свою
почти полтора вѣка; но наконецъ истощи-
лись и поддались Туркамъ. Въ продолженіи
тогожь времени отступилъ князь Черной Го-
ры и Приморья Дюрядъ важный по своему
мѣстоположенію и инымъ выгодамъ городъ
Скадаръ неблагодарной и испасыщенной Ве-
нетской (Бенатской) республицы. Република тая
была тогда сильна и могуча: на противъ Серб-
ская держава упала съ дня на день. Такъ и
не дивно, що Дюрдо, сынъ бана Странича от-
далъ Венетамъ реченный городъ желая по
крайней мѣрѣ съ той стороны имѣти нѣкую
помочь прогнѣвъ Туркамъ. И воистину, ког-
да потомъ Турки хотѣли слобыти Скадаръ,
боронили его Сербы и Венеты.

По смерти Балша послѣдовалъ братъ
его Стефанъ, которого попомки назывались
по его прозвищу Черноевичи. Стефанъ, со-
юзившись съ тестемъ своимъ Скандеръ — бе-
смъ, высупалъ, по свидѣтельству нѣкото-
рыхъ летописцевъ, 66. разы на поле бит-
вы противъ Туркамъ. Сынъ его Иванъ во-
евалъ также безъустанио противъ Маго-
метанамъ, которые всѣ свои силы обрати-
ли на подбитіе Иванова удѣла. Но успія
ихъ были неуспѣшны Иванъ, яко независи-
мый Господарь, оженилъ сына своего съ
дочерью Бенатского дожи и такимъ обра-
зомъ вошелъ въ дружескіи отношенія съ Ита-
лією. Онъ создалъ въ Венеціи (Бенаткахъ)
для себе и своихъ подданныхъ сербскую цер-
ковь. Бенатскій дожа выдалъ дочь свою за
сына Иванова по той лише причинѣ, по-
неже надѣялся съ такового союза различныхъ
для себе корыстей. И надѣя не обманула его;
оба бо тіи князья были со своимъ народомъ

для Бенатчанъ правою рукою. Однакожь Бе-
натчане имѣли звычайно тупую память и
отплачевали за то Сербямъ неблагодарно-
стію. За тотъ грѣхъ преслѣдовала ихъ по-
томъ судьба многократно.

Дюрядъ, сынъ Ивановъ, пребывалъ яко
зять Бенатского дожи. долгое время въ Бе-
наткахъ. Онъ пріѣзжалъ частыйше на Чер-
ную Гору и основалъ тамъ типографію. А
таки мильше было ему жити въ Италиіи и съ
той причины отдалъ онъ княжескую власть
своему сроднику Ивану, который также
оженился съ Италянкою. Сію власть препо-
ручилъ Иванъ сыну своему Дюрядю а тотъ,
проживая съ дѣтствія въ Италиіи, изрекся
правленія и передавши оно въ г. 1516. серб-
скому Митрополиту Герману, повхалъ опять
до Италиіи.

Мимо того потомки Странича владѣли
независимо; и въ Исторіи Черной Горы
нѣтъ даже слѣдовъ, абы они когда либо
Туркамъ дащъ платили; сказано только, що
города, въ которыхъ не могли остоятися,
уступали одинъ за другимъ магометанскимъ
наездникамъ, которые во время княженія
Дюрядя Черноевича такъ ихъ уже обсадили,
що Дюрядъ принужденъ былъ отдать власть
свою Митрополиту. Тотже Дюрядъ оставилъ
ему и державную печать съ двома орлами,
котора до нынѣ сохраняется у Черногорцевъ.

Князья владѣвшіи во время Сербского
Царства, правили Черною Горю и ея об-
ластями 127. лѣтъ по битвѣ на Косовомъ
полѣ супокійно. Турки отнимали вправдѣ то
одну часть ихъ края то другую, но Чер-
ная Гора оставала для нихъ пріютомъ, на
которую Турки долго еще не отважались
нападати.

Въ г. 1450 пльнили Турки въ битвѣ
на Ченовскомъ полѣ брата Иванова, Петра
Черноевича, неопытного и слабого молод-
ца. Онъ потурчился и потомки его владѣли

въ Альбанин и шьли столицу въ Скадаръ до г. 1834. Тойже самъ Петро, борючись почти всю жизнь со своими соплеменниками, отправился въ старости своей яко Турокъ въ году 1522. когда княжеская власть Черной Горы перешла въ руки тамошнихъ Владыкъ, на Черную Гору съ тѣмъ намѣреніемъ, абы край тотъ яко свое наслѣдіе себѣ покорити и прилучити его къ своимъ областямъ. Однакожь не много скорысталъ онъ въ сей походъ, занявши только незначительнѣйшїи части Черной Горы.

Продолженіе слѣдуетъ.

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ.

*русскій приходникъ изъ Соломянки.
Повѣсть, нимъ самымъ написанна.*

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Единымъ еще утѣшеніемъ для моей родины была теперь тая мысль, що може вѣсть о несчастіи нашемъ злонамѣренно выдуманна или розголошена съ пересадю; вскорѣ однакожь получили мы письмо съ города отъ одного съ нашихъ друзей, которымъ подтвердилось все несчастное оно приключеніе.

Для мене самого убытокъ нѣвнїа былъ дѣломъ дуже маловажнымъ, и только мысль о моей родинѣ, угроженной бѣдностію во будущемъ, — о родинѣ, котора не пользовалась даже тѣмъ высшимъ просвѣщеніемъ ума, для коего не такъ болестною бываетъ утрата благъ вещественныхъ, не такъ болестнымъ презрѣніе холодного свѣта, — тая мысль наполняла сердце мое великою скорбію.

Почти двѣ недѣль прошло, закъмъ покусился я печаль ихъ словами усмирят: боялся бо, щобы поспѣшными мои утѣшенія не умножали тѣмъ больше ихъ горести. Въ тоже

время раздумывалъ я надъ средствами, якими бы можно было ущербъ сей хотя отъ части исправити; наконецъ посовѣтовали менѣ друзья мои податись на одно упрямное тогда и весьма выгодное приходское мѣстце, о десять миль отъ Романовки отдаленное, сирѣчь на село Соломянку. Подавшись, получалъ я оное безъ великихъ трудностей.

Передъ выездомъ нашимъ съ Романовки, занимался я обчисленіемъ всего моего движимаго и недвижимаго нѣвнїа, котораго по сплаченіи долговъ не было выше цѣны трехъ сотъ черванцовъ. Для того головною для мене задачею было теперь, усмирят гордость родины моей о столько, о сколько неприятныя обстоятельства къ тому насъ принуждали. Зналъ бо я, що горделивая бѣдностію крайнее несчастье. „Вы пересвѣдитесь, мои дѣти, говоритъ я, що нїякъ не могли мы отвратити отъ себе непредвидимое злополучіе: можемъ однакожь во многомъ заповѣгчи его слѣдствїямъ. Мы теперь бѣдны, и розсудокъ повелѣваетъ жити соотвѣтно нашему состоянію. Для того откажмса безъ горести отъ вишнего блеску, въ которомъ такъ многіи бывають несчастливими, и въ лихихъ обстоятельствахъ нашихъ да ищемъ лучше того внутреннаго супокоя, въ которомъ всякіи счастливычъ бити можетъ. Тажъ убогіи люди живутъ весело и безъ нашей помочи, чемужь не жити бы намъ такъ само? Дѣти мои любезныи, съ тѣхъ поръ оставилъ всякіи покушенія на выставное житье, довольно еще осталось намъ на тое, абы бити счастливыми, если только не опуститъ насъ разумъ; и где не достанеть намъ средствъ вещественныхъ, тамъ да пособитъ намъ руское наше сердце и веселое радушіе.”

Вскорѣ сближился день, въ которомъ нѣзли мы розстатись — Богъ знаетъ, на

якое время, а може на всегда розстатсь съ найстаршимъ нашимъ сыномъ. Розлука съ друзьями и сродными есть однимъ съ найгорестнѣйшихъ случаевъ въ жизни людей убогихъ. Для богатыхъ не бываетъ она столь болестною, бо они рѣдко принуждены розлучатись на долгое время. Во прѣки бѣдакъ не находя содержанія въ отеческой хатѣ, уже скоро опускаетъ ю съ болестнымъ сердцемъ — на долго — можетъ и на вѣки! Попрощавшись съ матерью и прочими родными, которые съ слезами прильнули къ груди любезного брата, приступилъ сынъ мой къ мнѣ и просилъ благословенія. Изъ глубины сердца благословилъ я его и слезы и червонцы. — вотъ все приданное, якимъ могъ я теперь его надѣлать. И къ отходящему сказалъ я трогательнымъ голосомъ: „Вдешь теперь, сыну мой, въ свѣтъ широкіи нескати самобытной доли; гдѣ и возьми на дорогу слова твоего дѣда, сказанныи менѣ при такомъ же случаѣ: *„Я былъ молодъ и состарился и никогда не видѣлъ, дабы праведный человекъ лишенъ былъ всякой помощи, или дабы семья его ходила за милостынями хлѣбомъ.“*” Та мысль да будетъ тебѣ утѣшеніемъ и укрѣпленіемъ на жизненной пути, да будетъ она тебѣ всегда и всюду сопутною звездою! Иди съ бодрымъ духомъ прямою дорогою, и якъ бы ни велось тебѣ въ житіи, не унывай, а трудись — и прїѣдъ до насъ свиданія ради хоть одинъ разъ въ году. Такъ съ Богомъ сыну! — прощай, прощай!” И онъ повхалъ, — въ родимой хижѣ оставилъ жаль, тугу и слезы!

Пересвѣдченъ о высокихъ его дарованіяхъ и благородномъ сердцѣ, я не печалился чрезмѣрно тѣмъ, що выславъ его безъ всякихъ почти пособіи въ неизвѣстную путь жизни; къ тому зналъ я наилучше, що будъ

въ счастью будъ въ бѣдѣ, онъ ролю свою отограетъ съ честію.

Въ нѣсколько дней по его отъѣздѣ стали мы думать о нашемъ переселеніи, которое и наступило въ двѣ недѣли по Великодни. Прощанье съ сосѣдами, съ которыми столько веселыхъ часовъ прожили мы въ Романовцѣ, не обошлось безъ слезъ и сердечного жалю; самыи даже твердого нрава люди не могли ихъ угантн. Десятимилевая просторонь, якую надобно намъ было перѣхати, смущала особенно мои дѣти, которыи доселѣ едва на четыре миль отдалялись отъ Романовки. Волни сиротъ и убогихъ людей, сопутствовавшихъ намъ почти цѣлу милю за Романовкою, не причинялись во все къ тому, щобы смущеніе оно розсѣяти.

Первого дня совершили мы половину нашей дороги, и захали на ночь до неозаказаной корчмы, стоящей неподалеку маленького села. Жидъ корчмарь завелъ насъ въ особенную комнату, где розгостившись, стали мы распытывать свѣдущаго еврея про стороны, въ которыхи едемъ и про будущихъ сосѣдъ. На тии вопросы зналъ онъ весьма подробно отвѣчати, именно же описалъ онъ будущаго моего властелина, яко человекъ, для котораго нѣтъ въ свѣтъ иныхъ заботъ кромѣ собственныхъ увеселеній, и который лихо слыветъ своею пристрастною наклонностію къ женскому полу. „Пѣтъ майже дѣвчины такой” говорилъ онъ съ таинственнымъ видомъ, „котора опертись бы могла его ласкательнымъ словамъ и кознямъ; и на нѣсколько миль вокругъ рѣдко уже найти такой, котору бы онъ не проельстилъ и послѣ не оставилъ на леду.” Хотя вѣсть тая не мало мене поразила, во все однакожь не такъ подѣйствовала на мою жену, котора столь же много полагала на добрый нравъ своихъ дѣтей, сколько и на

силу ихъ прелестей. Межи тѣмъ, вбѣгла до насъ корчмарка и розсказала мужу, будь-то молодой Панъ, который отъ вчера у нихъ обьтаетъ, хочеть отъѣзжати не заплативши за постой, понеже, кажетъ онъ, не имѣю при себѣ, ани слоканного гроша. „Якъ то не имѣеть гроша!“ воскликнулъ корчмаръ, „якъ то не имѣеть гроша! я самъ видѣлъ вчера, якъ подалъ онъ убогому цѣлого сороковца, и приказалъ ему за то купити новую шапку.“ Когда однакъ корчмарка повторила признанье молодого Пана, а озлобленный корчмаръ спѣшилъ уже къ дверямъ, тогда заступилъ я ему дорогу и попросилъ его, чтобы зазнакомилъ мене съ тѣмъ холодымъ Паномъ, который по сказанію самого корчмара казался быти добродѣтельнымъ человѣкомъ. Сему не противился онъ и вскорѣ потомъ привелъ въ нашу комнату челоука, не больше двадцати пяти лѣтъ числящего, одѣтого въ черное платье, которое хотя сношено, показывало, що молодець сей принадлежалъ къ высшему сословію. Онъ былъ хорошъ собою, и лице его являло мыслящаго челоука. Розговоръ его былъ рѣзкій; въ обхожденіи не заховывалъ онъ свѣтскихъ церемоній, будь съ несвѣдомости, будь съ презрѣнія дныхъ.

Когда корчмаръ вышелъ изъ комнаты, не могъ я воздержатись отъ того, чтобы не изъявити молодцу свое сожалѣніе надъ его неутѣшнымъ положеніемъ; къ тому объявилъ ему, що гроши мои ради подѣлюся съ нимъ. „Съ охотою принимаю я ваше предложеніе.“ сказалъ онъ. „и дуже радуюсь, що моя легкомысленность, съ якую посбывался монхъ грошей, подала менѣ случай удостовѣрится, що суть еще въ свѣтъ благородныи люди, въ которыхъ числѣ и Вы, честный Отче. Межъ тѣмъ хотѣлъ бы я узнать имя и мѣсто пребыванія мо-

его добродѣтеля, егоже должникомъ я стала-ея отъ той поры.“ Я удовлетворилъ его желанію, извѣщая ему не только имя и приключившееся менѣ нещастье, но и мѣстце моего пребыванія. „Ахъ, тожъ лучше ведется менѣ, нежели якъ самъ того надѣялся,“ воскликнулъ онъ, „я бо тоюже вѣду дорогою. Возбранная рѣка не дозволяла менѣ черезъ два дни путь продолжати; нынѣ однакъ, якъ довѣдался я, упала она о столько, що можемъ завтра ѣхати разомъ дальше.“ Я увѣрилъ его, що милымъ менѣ будетъ его товарищество, и просилъ умильно, дабы ѣлъ съ нами вечеру. Онъ согласился на тое только тогда, коли сіеже запрошеніе повторилъ жена и мои дѣвчата. Розговоръ его ставался такъ пріятнымъ, що слухалъ бы я былъ его до поздней ночи, кобы не помнилъ на тое, що нынѣшнимъ сноу надобно покрѣпити силы къ завтрашнимъ трудамъ.

Съ утра пустились мы разомъ въ дорогу. Моя родина ѣхала тремя брычками, однакъ такъ, що въ третей наибольше отягощенной сидѣла только Аналія съ маленькимъ извощикомъ. Я же и господинъ Раевичъ, пріятель нашъ отъ вчера, ѣхали за ними верхомъ. Хотя зналъ я, що така ѣзда моя не совсѣмъ отвѣчаетъ рускому обычаю; но бывши уже съ юности самымъ пристрастнымъ охотникомъ до такой ѣзды, къ тому уважая на молодого друга, которого скучно менѣ было оставити самого и которого бесѣда менѣ такъ понравилась, рѣшился я сопутствовать ему на моемъ ворономъ. Съ радостію узналъ я на пути, що Раевичъ занимается прилжно и рускою словесностію; мы говорили о всѣхъ ея корифеяхъ, начавъ отъ Нестора и слѣдуя даже до Котляревского, которого то послѣднего онъ умно защищалъ противъ моихъ нападеній. Менѣ то дуже понравилось, що

онъ, хотя мой должникъ, не отрекался предо мною своего мнѣнія.

Иногда рассказывалъ менѣ снова про окрестныя селенія, мимо которыхъ или близъ которыхъ мы переезжали. „Вотъ дворецъ.“ говорилъ онъ, всказывая на хорошии дворъ, принадлежащій теперь Пану Долинскому, властелину вапего прихода Соломянки.“ Желая где-то больше доведаться о будущемъ властелинѣ, сталъ я выпытыватись г. Раевича про его нравы, житье-бытье и про его обхождение съ народомъ; хотя бы говорилъ менѣ много о немъ непотышного корчиарь на послѣдпомъ ночлягу, но все таки не доверялъ я признаніямъ тесного еврея. По нѣякомъ размысленіи сталъ говорить мой спутникъ: „Панъ Долинскій богатый властелинъ, кажется однакожъ, щонимъ не на долго уже будетъ; о добра бо его ведется больше дванадцать лѣтъ великая тяжба, которая три раза рываема была во пользу его противника; но онъ подалъ еще до найвысшей инстанціи, для того власть его можетъ продолжаться еще пайдалѣй два года. Онъ самъ знаетъ о томъ добре, и для того приходы свои рсточаетъ на собственныи или тѣхъ людей увеселенія: которы лстятъ его самолюбію. Житье его не отличается благоправіемъ; въ общежитіи бываетъ онъ обыкновенно солодкій, но се ищетъ свои причины; для простого же народа онъ безилосердный.“ Такии образъ моего властелина опечалилъ мене надсвычайно. Имѣя однакожъ нѣкую надежду, що по уврѣнію моего спутника, власть его не потреваеть долго, хотѣлъ я узнать еще гдещо про его наследника. „Наследникъ его или лучше правый властитель сихъ добръ скитался черезъ 12. лѣтъ по далекихъ краямъ. Во время скиталческой жизни познавалъ онъ свѣтъ и людей и удостоверялся: що между ними не много добрыхъ, а еще менше счастливыхъ, що при-

чиною жалкихъ отношеній въ ихъ жизни бываетъ иногда недостатокъ полнѣйшого посвященія. найчаще же самолюбіе; що истинное счастье состоитъ въ доброй совѣсти и въ удовольствіи при иврныхъ средствахъ. Набывши такого убѣжденія, опустил онъ чужіи стороны, вернулъ въ отечество и весь предался трудамъ во области исторіи и словесности словенской. Если же Господь Богъ подалъ бы ему большіи средства, которыи выдерты ему неправостию, онъ употребилъ бы ихъ только къ добру отечества и того народа, которого любить всею душою и всемъ сердцемъ.“ Получивши столь прекрасное изображеніе второго моего властелина, я такъ возрадовался, що въ забытіи едва не упалъ съ вороного.

Когда такимъ образомъ занимался я своимъ любопытнымъ разговоромъ, ударилъ насъ неожиданно ужасный крикъ моей Амаліи, котору сполошении конь уносили съ горы по бездорожію и прямо гнали къ возбранной рѣцѣ. Едва могъ я опамятатись отъ нечаяннаго впечатлѣнія; уже Раевичъ стрѣлюю пустился на своемъ буланомъ и въ одинъ мигъ догнавши пологихъ коней, обернулъ своимъ поперѣдъ нихъ и ухвативши счастливымъ случаемъ за узды, принудилъ ихъ остановитись на мѣстцѣ. Я поспѣшилъ за нимъ на ворономъ, прочіи же члены моей родины, вхавшии въ переднихъ брычкахъ, сбѣглись чѣмъ скорше на мѣсце спасенія любимой Амаліи, и выдачи ю и неосторожнаго извозчика неповрежденными, благодарили Бога и молодого друга, который съ пренебреженіемъ собственной жизни спасъ двое людей отъ очевидной гибели. Що чувствовала тогда Амалія, тое не дастся описати словами, она благодарила своего избавителя воззрѣнемъ, въ которомъ созерцались все ивжныи чувства благороднаго сердца, и когда Раевичъ приблизился къ

ней, приклонилась она на его рамя, какъ бы еще требовала его помощи.

Продолженіе слѣдуетъ.

О СПОСОБѢ ВОЕВАНЬЯ ЧЕРНОГОРЦЕВЪ.

Закъясъ станемъ говорить о томъ, какъ Черногорцы борются, познакомимъ прежде ч. читателей нашихъ не много близше съ географическимъ мѣстоположеніемъ Черной Горы. И такъ границы ей окружены отъ сѣвера, востока и юга турецкими областями: Герцоговиною, Альбаніею и Босніею; отъ запада австрійскою Далматіею. Весь край обсягающій только 65 квадратныхъ миль, раздѣленъ на 2 головныя части: Черногору и Бердо (Верховины), тѣмъ снова на 8 нагій (областей), по 4 на каждую. Наибольшая изъ всѣхъ нагій есть нагія Катунска, въ которой лежитъ престольный городъ Цетинье. Кругомъ цѣлаго краю стоятъ великанскіи горы и допускаютъ легшій приступъ до него только изъ семи сторонъ, именно на юго-востоцъ отъ турецкой крѣпости Жаблякъ, откуда тянется единственная большая дорога черногорскимъ краемъ черезъ Негушь и Цетинье ажъ до Котору, лежащаго на югозападной границѣ. Главная рѣка есть пограничная Морача, которая приаши въ себе Зету и Ситницу съ черныхъ горъ втекаетъ въ скадерское озеро. Путешествіе по краѣ семь отбывается ради великихъ горъ будь пѣшки, будь на маломъ словннскимъ конику. Единственный на европейскій ладъ сбудованный городъ есть Негушь; престольный же городъ Цетинье, въ которомъ кромѣ княжескаго дворца находится еще только 10 мннхъ домовъ. Всѣхъ жителей счтается до 120,000 душъ обоего пола, и тѣмъ подѣлены на 39

племень. Каждое племя имѣетъ въ одной изъ нагій особый свой округъ.

Постояннаго войска не имѣютъ Черногорцы; но каждый кто только силенъ мечъ подвигнути, во время нужды не исключая даже женщинъ, беретъ за оружіе; изнѣженность уважается за наибольшій истыдъ. Обыкновенно считается однакожь до 20,000 воинныхъ людей. Оружіемъ ихъ есть: ганджаръ (великій ножъ), два пистолеты, стрѣльба 3 — 6 стопъ долгая, наконецъ калитка на порохъ. На челѣ ихъ стоитъ 8 сердаровъ или полковниковъ съ прапорщиками (баряктарами), которыи въ опасное время, востремляють на якомъ холмѣ прапоръ (хоругвь) и тѣмъ знакомъ сзываютъ вооруженныхъ мужей, въ окрестности находящихся. Если Турокъ намѣряетъ вторгнуты въ черногорскіи предѣлы, поспѣшають всѣ муми къ тому мѣстцу, откуда грозитъ опасность. Турки ступають обыкновенно въ двоухъ отрядахъ и то сперва такъ, же мадиого недосягнуть черногорскіи кули; когда однакожь сблизатся къ горамъ, острѣываютъ ихъ Черногорцы со всѣхъ сторонъ, причаиваясь то въ ущелинхъ скаль то за деревомъ или въ гущахъ, въ которомъ то случаѣ закидають они фезы свои (червоныи шапки) на вѣтви выстихъ деревъ, такъ же Турокъ стрѣля въ шапку, думаетъ же вцѣмилъ въ голову. Турки ударяють обыкновенно съ наибольшею яростию на горянъ; що угодно бывастъ Черногорцамъ понеже любятъ такую борьбу, где мужъ на мужа бьетъ изъ близка. Тогда начинается ужасная битва. Тутъ нѣтъ отпочинку, нѣтъ помилованья; увидить ли Черногорець упадающаго Турка, прискочитъ къ нему стрѣлою и отрѣзуетъ голову. Своихъ же раннхъ или мертвыхъ уносятъ Черногорцы чѣмъ скорше съ поля битвы; абы не допустити Туркамъ, такимъ

же способом утинати головы упавшимъ Черногорцамъ. Головы Турковъ несутъ они потомъ яко найдорожшій добытокъ до княжеской столицѣ въ Цетинѣ, где вѣшаютъ ихъ на башни. Одна съ найяростнѣйшихъ битвъ яку когда либо Черногорцы имѣли съ Турками, была въ 1708.

Конецъ слѣдуетъ.

КОРЕСПОНДЕНЦІЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Прибавительно къ моему донесенію первому о печатаемыхъ книгахъ въ Вѣднѣ поспѣшаю еще съ одною вѣстію, що Христоматія для вышней Гимназіи составлена Вч. Г. Профессоромъ Головацкимъ будетъ принята В. Министерствомъ просвѣщенія. Такожъ чути, що и Грамматика для школъ нормальныхъ сочинена симъ трудолюбивымъ мужемъ уже одобрена. Вся тѣшимся тѣмъ, ибо знаемъ, що Вч. Г. Головацкій своимъ глубокимъ знаніемъ нашего языка, удовлетворитъ достойно всемъ ожиданіямъ. Въ концѣ мило мнѣ и гове донести, яко и рускій Букварь Всеч. Г. І. Кульчицкого министерство одобрило, и якъ здався сими днями начнется уже печатати первый листъ. —

Вѣднѣ . . . . . Р.

ИЗВѢСТІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

— Якъ довѣдуемся, собираетъ многоученый Г. Шамбера профессоръ чешского языка въ Вѣднѣ старинныя историческія и топографическія матеріалы, изъ которыхъ нахѣтаетъ доказати, що первобытными жителями чешско-словенскихъ краевъ былъ Словене, яко о томъ свидѣтельствуютъ Пражскій летописецъ Косма и нашъ Несторъ; а не Кельты и Нѣмцы, яко то утверждаютъ новѣйшіи писатели, слѣдующіи свидѣтельству Римлянъ и Нѣмцевъ.

— Господинъ И Р. властитель добръ въ *Баголинѣ* въ Угорщинѣ подалъ по причинѣ злопамятного приключенія, сбывшагося дня 18 февр. с. г. въ Вѣднѣ сіе разумное предложеніе: абы добровольными жертвами заводити по всей Угорщинѣ „*съмѣница для воспитанія учителей народа*;" понеже только черезъ доброе воспитаніе народа запобѣжится подобнымъ огненнымъ слѣдствіямъ во будущемъ.

— Якъ высокую надгороду нужно давати лѣкарямъ въ Калифорніи, видно изъ того що ни одинъ лѣкаръ не посѣтитъ больного скорше поки тотъ же не заплатитъ ему 12 долларовъ (долларъ стоитъ 2 р. 6кр. ср.); за посѣщеніе въ ночи платится 100, за хирургическую операцію 1000 долларовъ!

— Годъ 1852 похитилъ соплеменникамъ нашимъ Чехамъ двоухъ кайзнакомитшихъ поетовъ. Въ началѣ года умеръ І. Коляръ, при концѣ Фр. Челяковский. Память сего послѣднего повинна бы дорогою быти и для Русиновъ. Не говоря о многихъ его сочиненіяхъ чешскихъ, скажемъ только шо онъ написалъ „Мудрословіе славянского народа въ проповѣдахъ," гдѣ глубокоумно разобралъ такожъ народнымъ рускимъ поговорки и познакомилъ съ ними ближе своихъ соотечественниковъ. Къ тому составилъ онъ прекрасное поетическое дѣлце подъ заглавіемъ „Отголосъ пѣсень русскихъ" межъ которыхъ есть нѣсколько удачныхъ подражаній думъ и пѣсень малорусскихъ. Для сохраненія памяти Челяковского препоручило корол. Общество Наукъ въ Прагѣ Дру. Гаупту, абы составилъ его жизнеописаніе, по которой то причинѣ др. Гауптъ собираетъ всѣ событія, касающіяся жизни безсмертнаго пѣвца.

— Въ концѣ года 1851 имѣла Чешская Матица 3,690 членовъ и 107 громадъ, или обществъ. Для того всякое сочиненіе надобно было печатати тогда въ 5 000 экземплярахъ. Въ томъ же 1851 году прибыло до Матицной кассы 16,774 рс. 55. кр. ср.

— Въ началѣ минувшаго года выходило въ Австріи 50 славянскихъ часописей, однакожъ въ теченіи года перестали нѣкоторыи изъ нихъ существовати такъ шо при концѣ 1852. года было ихъ только 43 Съ новымъ 1853 годомъ выйдуть въ Австріи — числяя къ тому и нашу не много опозненую Зору 38 славянскихъ часописей. —

— Въ Франціи выйдуть современно — не вчисляя къ тому Парижъ — 300 политическихъ часописей. Съ тѣхъ похѣстило 250 занимательную повѣсть Американки Генриеты Стове подъ заглавіемъ „Хижна стрія Фолми." Бсть то новая повѣсть, которая удостоилась всеобщихъ похвалъ и дѣлать нынѣ почти такое же впечатлѣніе, яко нѣкогда „Вѣчный жидъ" Евгения Си. Со временемъ поговоримъ и мы о ней больше.

— Весною с. г. начнеть печататися въ Стрѣльцахъ въ *Мекленбургскомъ клѣжествѣ*, пространное сочиненіе І Коляра подъ заглавіемъ „О ретранскихъ

старожитностей" Оно написано въ немецкомъ языкѣ и будетъ обнимати изображенія всѣхъ въ Петрѣ изобрѣтенныхъ божищъ славянскихъ. Дѣло тогоже сочинителя „Старо Италия славянская" печатается современно коштомъ ц. к. Академіи Наукъ.

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЕЛЬНЫЯ И ГОСПОДАРСКІЯ.

Якъ розсылати овощи въ дальшую дорогу?

Два головныя условія, которыхъ при посылкѣ овощей въ дальшую дорогу наблюдать нужно, суть, абы къ обложенію ихъ не употреблялись мокрыя вещества а потомъ такім, которыми вредити бы могла пригодной вони овощей. Найлучшее къ тому средство есть *дробнекій, чистый, сухой пѣсокъ*, которымъ овощи обсыпыватися повинны въ такой способъ: на двѣ бочки, опредѣленной для ихъ посылки, насыплется верства чистого пѣску, потомъ верства овощей, которыя засыпуются пѣскомъ такъ, абы не было между овощами порожнихъ мѣстцъ: потомъ слѣдуетъ новая верства овощей и снова верства пѣску и т. д. ажъ пока не наполнится бочка: послѣднюю верству въ горѣ занимаетъ также пѣсокъ, бочку же потреба добре покрыти вѣкомъ. Такъ посылаются овощи съ южныхъ сторонъ Россіи до Петрограда, куда и въ тамошней зимѣ приходятъ они такъ свѣжи и красны, якъ бы не давно снятыи съ дерева. Въ недостатку добраго пѣску можна употребити *сырку съ пшеничном соломы*, добре высушеную, котора и наименьше мокроты стаетъ въ себе изъ воздуха и не отбираетъ овощамъ пріятной вони: Къ тойже цѣли *можно* уживати не совѣтуемъ, для того, же прородною своєю мокротою вредити овощамъ и надаетъ имъ вонь силснѣйшю. Когдаже овощи посылаются въ паперѣ, да изберецца къ тому паперѣ чистый, незаписанный или непечатанный, понеже чернило потомъ растаиваетъ и вредитъ овощамъ.

— *Золото въ Австраліи и Калифорніи.* О приобращеніи золота въ тѣхъ двохъ краяхъ сообщаютъ почти всѣ часописы дуже занимательныя извѣстія. Количество добываемаго золота помнажается, особливо въ Австраліи съ дня на день чрезвычайно. Съ Австраліи пишутъ, що если оно и дальше будетъ такъ само помнажаться, то *ежедневно* прибавитъ до 20 миліоновъ золота. Наибольшую користь имѣетъ при той способности Англіи. Якин же будутъ изъ того слѣдства? — Англичане радуются, о отъ части такожъ боятся. Первое слѣдство есть

що цѣна золота упадетъ, и тое уже частію наступило; бо дукаты не стоятъ уже нынѣ такъ высоко якъ стояли въ теченіи послѣднихъ лѣтъ. Другое слѣдство будетъ, що Англія возростетъ, хоть бы на нѣкое время, и укрѣпитъ свои силы. Примѣръ сего имѣемъ на средновечной Ишпаніи. Передъ тремя, четырма ста лѣтъ, когда изобрѣтено Америку и когда Ишпанцы съ оттамъ иножество золота и серебра получали, возмоглась Ишпанія въ короткомъ времени такъ, що сталась тогда найсильнѣйшою державою въ Европѣ. Но сіе великое богатство принесло потомъ Ишпаніи вредъ и упадокъ. Въ слѣдствіе своего богатства Ишпанцы злѣнивили; все стремилось лишь до Америки и каждый хотѣлъ легкимъ способомъ, безъ труда обогатиться. Тѣмъ дѣломъ уменьшался народъ, упалъ и упадетъ даже до нынѣ. О Ишпанцахъ мало нынѣ чутя. Ихъ можно бы нынѣ сровнати съ тѣмъ паннчѣмъ, который рости чилъ имѣнне родичей и оставилъ себѣ только хорошее платье, абы могъ въ чемъ свѣту показатися; но свѣтъ уже на него не уважаетъ. До сихъ поръ находится въ Ишпаніи много областей, въ которыхъ на нѣсколько миль не встрѣтишь ни кусень зоранного поля. А однакожь были тѣ области передъ 5 сотъ лѣтъ богато заселены, и хорошо обдѣланы. Такіи то бывають слѣдствія, если народъ скоро, легкимъ способомъ обогатѣть! *Легко прійшло, легко розойдется* Такому богатству нѣтъ благословенія изъ Выше. Въ прочее, якъ послужитъ Англичанамъ новое сіе приобращеніе богатства, о томъ еще не знаемъ, кажется однакожь, що лучше Англичане то народъ трудолюбивый, который не такъ скоро злѣниветъ. Наконецъ австральское золото подаетъ великую выгоду англійскимъ виробникамъ. Когда бо много изъ нихъ достаются на корабляхъ до Австраліи, уменьшается число рабочихъ рукъ въ Англіи, и въ слѣдствіе того принуждены промысленики и фабриканты лучше платити оставшимся въ краю виробникамъ, абы и тіи не порозбѣгались отъ нихъ за золотыми горами."

БИБЛІОГРАФІЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Исторія Церковная новаго завета написана Андрей Балудинскій въ лицѣ Угрозградскаго Исторіи и права церковнаго учитель, и кафедральна церкве Мукачевскаго каноникъ Изданіе третое исправленное и умноженное. Въ Вильнѣ 1852. Издательство Неана Ф. Головацкаго. Типомъ П. Ш. Оо. Мезитаристовъ. Продается по лавочной цѣнѣ 4 ренскихъ м. к.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся еженедельно въ Среду два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. и. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. и — Желающіи четвертьично получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. и. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. и.

ТАЙНА.

Я не вздыхаю, я не плачу,
А только смѣюсь иногда:
Уста жь мои, лице и очи
Не скажутъ тайны никогда.

Они и страшны всѣ мученья
На днѣ души моей лежать;
Хоть изліялись хочеть сердце,
Но все уста мои молчатъ.

Спроси дитину въ колибели,
Спроси гробовъ, спроси могилъ:
Такъ, чей они тебѣ розскажутъ,
Что все предъ тобою я крилъ.

ПОЕТЪ

На Руси пѣвчихъ осемь сотъ,
(А можетъ даже больше ихъ,) —
Которы поюгъ изъ нощь:
Я самъ зналъ шестьдесятъ такихъ.
Но и такого зналъ пѣвца,
Кой безъ начала, безъ конца,
И безъ разборовъ, безъ расчетовъ
Прекрасно пѣлъ съ чужихъ постовъ,
Или изъ стороннихъ газетъ.
Всѣ говорили: „то Поеть!“

КЪ ГОРОЖАНЦЪ.

Люблю твои прекрасны взоры,
Твои насмѣшки и укоры,
И серденько твое люблю,
И польску бесѣду твою.

Да, ты советъ така дѣвизи,
Якой мнѣ Русь, ни заграница
Не дастъ: во мнѣ - жь найшла и ты
Предметъ своей любви, мечты.

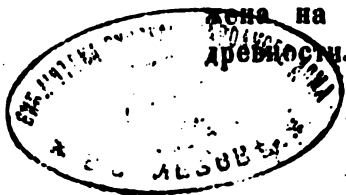
Ты мною самодержко править:
И иногда полюбишь тайно,
И утѣшишь, и забавишь —
Погомъ измѣнишь, — якъ звычайно!

~ Богданъ А. Д.

ПОСЛАНИЕ О ПЕРВОМЪ НАШОМЪ ПИСЬ- МЕННОМЪ ЯЗЫЦЪ.

(Продолженіе.)

Якъ цвѣты вянутъ люди, и оставляютъ только по собѣ дѣла, котры вѣчно живутъ, и благодарность потомности собираютъ. И нашъ Константицъ, изнуренный многими трудами предчувствовалъ свою кончину и облекся въ иноческіи ризы и принялъ въ Римъ имя Кирилла. Не долго по тому, минуло пятьдесятъ дней онъ скончался въ сорокъ и двоихъ лѣтахъ своего житія 14 Февруара 869. года. Еще и теперъ находится въ Римѣ церковь св. Климента хранящая его мощи пренесены Кирилломъ. Тая церковь расположена на три части, и все говоритъ о ея древности. Ту покоются и нетлѣнныи остан-

ки Первоучителя нашего письма, св. Кирилла, которому мы обязаны разумнымъ Словомъ Вары. — якбы залогомъ що колись весь племена соединятся въ одно стадо подь правленіемъ правдивого наслѣдника святого первоверховного Апостола Петра, о чемъ неперастаетъ ежедневно наша святая гр. к. церковь молитися. Передъ своею смертію напоминалъ святій Кириллъ своего брата, абы неоставлялъ дѣла начатого у Словенъ: „Мы съ тобою,“ говорилъ онъ, „якъ чета воловъ взрывали одну борозду. Я кончилъ свой дѣль и надаю на лѣхъ (грядцъ). А ты любишь гору, не покидай ради своего Олимпа, нашего ученія, которыми спасенся.“ Методій исполнялъ завѣщаніе брата.

Труды Славянскихъ Апостоловъ розширили борзо по Славянскихъ краяхъ Коцель. Князь части Моравіи лежащій за Дунаемъ посылаетъ пословъ къ Папѣ съ просьбою отпустить Методія. Адрианъ отвѣчалъ: „Не тобѣ одному но и всѣмъ тѣмъ Словенскимъ сторонамъ посылаю учителя отъ Бога и отъ святого Апостола Петра“ Въ своемъ письмѣ къ Моравскимъ Князьямъ, Адрианъ прибавилъ щобы святое Евангеліе читалось впередъ по Латини а потомъ по Славянски

Методій повернулся въ Моравію въ самы бурны времена войнъ меже Ростиславомъ и Святуполкомъ (869 — 870). Въ мирной землѣ онъ продолжалъ дѣйствовать. ввездилъ Словенскую литургію. Коли кончилась Моравская война, Методій въ 873 году крестилъ Чешского Князя Буривоя. Словенская литургія любезная народу, быстро розширилася въ сосѣднихъ сторонахъ въ Хорватіи, Сербіи, Чехахъ, Польщѣ и дальше.

Было время, коли весь наши соплеменники, разомъ съ нами въ Варѣ составляли одно и жились тѣмъ самымъ языкомъ; ко-

трымъ мы теперь молихся. Только недавно ученые розгадали тую духовную связь, соединившую въ началѣ весь племена Словенскіи. Но предки наши хранили о томъ всегдашнюю память. Въ одной русской рукописи 1494 года читаемъ: „Еще посланъ бысть Константинъ въ Мораву Михаиломъ Царемъ Моравскому князю, просившу философа, и тамо шедъ научи Мораву и Ляхи и Чехи и прочая языки и въру православную утверди въ нихъ, и книги написани Рускимъ гласомъ и добре научивъ.“ —

Последныи годы жизни Методія были весь омраченны. Его оклеветано предъ Римскимъ престоломъ, куда Иоанномъ VIII. наслѣдникомъ Адриана, возванъ былъ къ отвѣту. Методію явился къ Иоанну, оправдался передъ наслѣдникомъ св. Петра и снова снискалъ отъ него позволеніе служить общину въ языкѣ народномъ.

Въ 800 году пишетъ тотъ самъ Папа Римскій Иоаннъ къ Святуполку такъ: „Словенскіи письмена“ говоритъ онъ: „изобрѣтенныи нѣкиимъ Философомъ Константиномъ мы похваляемъ — Священное писаніе велитъ не трога языками, но весьма славити Господа; хвалите Господа весь языцы. Апостолы исполнясь Святого Духа, глаголали всеми языками величіе Божіе. Небесная труба Павла гремитъ въщая: всякъ языкъ да не похвасть, яко Господь нашъ Исусъ Христосъ въ славу Бога Отца, — и въ первомъ посланіи къ Коринтянамъ ясно увѣщаваетъ насъ, да, глаголя языками, созиждемъ Церковь Божію Нищо не препятствуетъ здоровой въру и ученію съвѣдати литургію въ Словенскомъ языкѣ, или читати святое Евангеліе или Божественныи поученія Нового и Ветхого Завета, хорошо переведенныи и истолкованныи, или весь другіи церковныи книги: ибо кто создалъ три главныхъ языки: Еврейскій, Греческій и Латинскій, тотъ же сотворилъ и весь прочіи во

славу и хвалу Свою. — Однакоже повелѣваемъ, що бы во всѣхъ церквахъ земли вашой, ради большой важности, Евангеліе читали въ Латинскомъ, а послѣ для нерозумѣющихъ переводили на Словенскій языкъ.”

Въ году 886, по иныя въ Римъ, куда былъ призванъ, но вѣроятнѣе въ Велеградѣ, скончался онъ, за три дни предсказавъ свою кончину и назначивши собою на мѣстникомъ ученика своего Горазда. Такъ довершилъ онъ великое дѣло, начатое разомъ съ братомъ: — но не для того народа, среди котораго дѣйствовалъ.

Межъ прочими Словенами въ Болгаріи и Сербіи процвѣтало Словенское Богослуженіе трудами новыхъ подвижниковъ. Климентъ Епископъ Болгарскій, Григорій Иеромонахъ, и самъ Князь Симеонъ, сынъ крестившагося Бориса, переводили святыхъ Отцевъ: высокіи творенія Іоанна Златоуста, Дамасія Александрійскаго, Іоанна Дамаскина, становились доступны для народа въ языкѣ словенскомъ. То продолжалось въ теченіи многихъ столѣтій; но въ послѣдствіи, у Болгаръ и у Сербовъ, распри ихъ съ Греками и вторженіе Турковъ, были причиною того, що книжны богатства не уцѣляли. Сохранити было предоставлено намъ, — и мы принимавши ихъ постоянно отъ нашихъ соплеменниковъ въ теченіи всей древней жизни, благодарно и вѣрно заховали, якъ для насъ самыхъ, такъ и для нихъ, той словесный памятникъ.

Всѣ извѣстія о введеніи Христіанства въ Русь можно принять за извѣстія, о расширеніи у насъ Словенскаго письма, потому, що Вѣра Христова не иначе дѣйствовала, якъ словомъ устнымъ и, письменнымъ, и повсюду къ народамъ необразованнымъ вносила съ собою письмо. Самъ отъ себе является вопросъ, яко было первоначальное нарѣчіе наиболее участвовавшее въ перево-

дѣ священныхъ книгъ? Несторъ говоритъ, що одно и то же письмо у Русей и у Болгаръ Дунайскихъ. Шлецеръ съ якимъ то предчувствіемъ обернулъ вниманіе на тѣ слова Нестора *). Добровскій назвалъ самое нарѣчіе Болгаро-Сербо-Македонскимъ, отдавши такимъ образомъ преимущество участію въ его образованію Болгарскимъ Словенамъ. Новыя изслѣдованія Шафарика окончательно утвердили то мнѣніе и оправдали слова летописца. Шафарикъ родилоу Церковнаго языка полагаетъ Словенію, которая занимала собою сѣверную часть Македоніи и прежнюю Мизію, а въ послѣдствіи Болгаріи. Имя Болгаръ, народа — побѣдителя вытѣснило названіе Словенівъ точно такъ якъ у насъ имя Русовъ пришлецевъ замѣнило Словенскіи именования племенъ. То древнее нарѣчіе должно быти совершенно отличено отъ средняго и новаго Болгарскаго.

Треба такожъ на тое памятовати, що многіи Словенскіи нарѣчія черезъ различныхъ ученыхъ, обивляли право на перве участіе въ языкѣ церковномъ. Всѣ мнѣнія были ошибочными, но такожъ имѣли свое основаніе. Треба допустити, що Словено — церковно нарѣчіе первоначально образовавшееся грамматически у Словенъ Болгарскихъ, по мѣрѣ того якъ проникало къ другимъ племенамъ, подвергалось вліянію ихъ нарѣчій и собирало въ себе отдѣльные черты ихъ. Такъ было во времена самыя первоначальныя, коли было единство Вѣры и слова. Въ томъ смыслѣ не совсѣмъ несправедливо думали тѣ, которые почитали языкъ церковно Словенскій первоначальнымъ общимъ язы-

*) Слова Шлецера: „Болгарія, которую Несторъ именно означаетъ, теперь дуже мало извѣстна; мы незнаемъ навітьъ Словено Болгарскаго нарѣчія. Можно надѣяться, що въ тамошнихъ монастыряхъ суть еще рукописи писанными древнимъ Кирилловскимъ письмомъ.“

комъ, простораючи тоє мнѣніе ажъ до того, що видѣли въ немъ источникъ всѣхъ нарѣчій Словенского языка, попадающися въ прочихъ нарѣчіяхъ только отдѣльно, по частямъ, словно обложки послѣ бури и наводненія, въ церковномъ все находятяся разомъ и въ цѣлости. Такимъ образомъ представляеть намъ Словено — Церковный языкъ избранный цвѣтъ всѣхъ Словенскихъ нарѣчій, изъ которыхъ каждое, во времена первоначальни, внесло въ него хотя одну черту свою.

Про тоє жительнымъ есть сровнительну Грамматику и такий Словаръ Словенскихъ нарѣчій составити. Исследованья нача-

лись у некоторыхъ Словенъ. Но у племенъ Словенскихъ движеніе въ науцѣ неможетъ остатися отвлеченнымъ. Оно находитъ прекрасныя отголоски и въ жизни.

Словакъ среди Мадяровъ, спѣваетъ теперь грустно — торжественную пѣсню соединяючи съ нею воспоминанія о святомъ первоучителю Слова Божого Методію. По пѣнямъ таа пѣснь древная; по другимъ сочиненна пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, коли возобновлена была наукою память великой минувшости. Она роздаеться и у Моравовъ, и у Чеховъ и у другихъ народовъ Словенскихъ. Отъ слѣдуетъ:

Нитра мила, Нитра, ты висока Нитра!
Кдѣже су те часы, въ которыхъ си ты квітла?
Нитра мила, Нитра ты Словенска мати!
Цо позремъ на тебе, мусимъ заплакати.
Ты си была вѣкды вѣнчикомъ краямъ глави,
Въ которыхъ тече Дунай, Висла и Морава;
Ты си была сидло краля Сватошлука,
Кдѣ ту пановала его мощна рука:
Ты си была свате мѣсто Методово,
Кдѣ ту напимъ отцомъ казавъ Божье слово.
Вчилекъ твоя слава въ томи скрита лежи:
Такъ са часы жєня, такъ тєпъ то свѣтъ бежи.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

рускій приходникъ изъ Соломянки.

Повѣсть, нимъ самимъ написанна.

(Продолженіе)

Послѣ того захали мы до поблизкомъ корчмы, где отпочивши и съѣвши скромный обѣдъ попрашалися честненько съ г. Раевичемъ, который обѣщавшися посѣтити насъ за недолгое время, отъ тонже корчмы въ лину пустился дорогу. Потомъ выѣхали и мы; въ третьей бричцѣ ѣхалъ теперь я съ женою и найменьшимъ сыномъ. На дорожъ открыла мєнъ жена, що Панъ Раевичъ дуже

ей понравился, и що, кобы былъ богатшій и достойного роду, она найсердечнѣйше желала бы наречи его своимъ зятземъ. Слышачи ю тако говорящую не могъ я сдержатись отъ смѣха; а таки признаюсь, никогда не былъ я непрітелемъ таковыхъ безвредныхъ обольщеній, которы не мало причиняются до нашего счастья.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Новое наше жилище стояло на концѣ села не далеко приходской церкви, которая построена на значительной возвышенности, придавала всей околлицѣ нѣкую то печать благовѣнія. Село Соломянка пороз-

кидано то по горбкамъ близкихъ горъ; то по окрестной долинь, осѣненное къ тому многими огородовыми деревьями, имѣло видъ дже пріятный и привлекательный.

Увѣдомлены о моемъ пріѣздѣ прихожане собрались численно у каменного креста, стоящего на краю села при дорогѣ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы на привѣтъ подати хлѣбъ-солъ новому приходнику. Одинъ поважный старикъ изъ числа собравшихъ, промовилъ при томъ случаѣ къ намъ нѣсколько похвальныхъ словъ въ шлюхъ горскому нарѣчію; я же отрекъ на тое короткою бесѣдою, приводя нѣкоторые соотвѣтныя мѣста изъ священнаго писанія. Погомъ вхали мы медленно, сопровождаемъ сельскимъ народомъ въ прихожанское загородье, где мы при помочи добрыхъ людей заполнили нашими вещами порожнее жилище.

Въ нѣсколько дней присмотрѣлся я ближе всему приходскому обыстью и всей окрестности; прехорошій видъ показался мнѣ особливо съ горы, на которой стояла церковь; съ одной стороны разстелилось смиренное село; съ другой представлялась великая долина, прорѣзана шумящимъ ручьемъ, произтекающимъ изъ окрестныхъ Карпатскихъ горъ. Въ той долинь находились мои поля и сѣножати, которые весь могъ я изъ той горы обнять однимъ взрѣніемъ. Познакомившись съ мѣстоположеніемъ Соломянки, старался я потомъ познати и ся жителей.

Хижинны того села, хотя весьма непоказны съ верху, но за то опрятны во внутрь; они изстили въ себя народъ богобоязливый, благоправный, довольный собою и малымъ своимъ господарствомъ; отдаленъ отъ большихъ городовъ, и не имѣя нужды посѣщати ихъ часто, переховалъ онъ въ чистотѣ добрыя природныя свойства души, откровенное, доврѣчивое, ко всякъ пріятное

сердце и языкъ свой найже въ большой неповредности, чѣмъ Подольяне. Наймилшмъ его утѣшеніемъ здавалась быти невпнана, бозъискусственная пѣсня или заунывная пригrywка на сопльць.

Якъ мило было мнѣ тутъ уже въ первыхъ дняхъ послѣ моего пріѣзда, когда для лучшаго познанья хлѣбородной земли прохаживаясь по полонинамъ или по долинь, слышалъ я съ различныхъ сторонъ тужливый отгласы родимыхъ нашихъ пѣсней! Тогда сѣдалъ я себя подъ конарыстымъ дубомъ или сумною березою и вслушиваясь въ солюдкіи звуки мимовольно вспоминалъ слова одного нѣмецкого пѣвца:

Wo man singt, da setz' dich nieder;

Boesa Menschen haben keine Lieder!

который то стихокъ мой сынъ Романко перевелъ въ послѣдніи вакаціи въ Романовцѣ слѣдующимъ образомъ:

Где поють, тамъ можешь отпочати;

Злыи люде не знаютъ спѣвати!

Такъ забавлялся я въ первыхъ дняхъ моего пребыванія въ Соломянцѣ. Межи тѣмъ родина моя занималась исправленіемъ и пристросненіемъ нашей хаты. Дѣвчата украшали внутренныя стѣны хорошими образами, которыхъ было у мене, яко великого ихъ любовника, цѣлая скриня. Жена пряталась въ пекарни, а хлопчики ставляли собѣ хатку въ садѣ.

Когда сталъ у насъ якій такіи порядокъ въ хатѣ, старался я вовести давній ладъ въ ежедневныхъ нашихъ занятіяхъ. Вставши со всходомъ солнца съ постели, собирались мы въ первой большой комнатѣ на утреннюю молитву, по свершеніи которой ишелъ я вразѣ съ племянникомъ нашимъ Федоромъ, сопѣвчимъ церковного крилоса и сотрудиномъ домашнаго нашего господарства, до церкви, где ожидали насъ уже обыкновенно дякъ и панамаръ приход-

скій. По окончаніи Службы Божіей, которой присутствовало довольно побожного народа даже въ будни, возвращались мы домой съядати. Для сяданья опредѣлилъ я четверть, для объѣда полъ години; въ то время забавлялись мы самымъ веселымъ разговоромъ: думалъ бо я всегда, що человекъ, наслаждаясь тѣмъ насущнымъ даромъ Божіимъ долженъ быти и самъ веселый и веселити другихъ; и шо къ тому объѣдъ, споживанный со скукою или печалью, бываетъ не вкусенъ и даже, по мнѣнію лѣкарей, вредливъ здоровію.

Со восходомъ солнца начинали, съ его западомъ кончили мы дневныи наши занятія. Вечеромъ сѣдали мы вокругъ стола и дѣвчата попеременно читали намъ будь духовныи, будь свѣтскіи сочиненія древной и новѣйшой словесности русской. Иногда зазѣжалъ до насъ вечеркомъ въ гостиницу приходникъ съ Верховинки, или кузь его, лѣсничій Пана Долинского, и подчивались остатками славного Романовского меду. Тѣ оба сосѣди забавляли насъ своими веселыми разговорами, или яко сыны романтическихъ верховинъ, прехоронимъ нѣнїемъ въ двоємъ при содѣйствіи которой съ дѣвчата, играющей на фортепьянъ. Послѣ вечери совершали мы вечернюю молитву; хлопчичи мои объязаны были при томъ читати нѣчто изъ руского молитвослова, и который изъ нихъ отличался добрымъ выразительнымъ чтеніемъ, получалъ еженедѣльно отъ мене и матери нагороду.

Такъ шло все по моимъ распорядженіямъ, и только въ Божію Недѣлю, когда я почти цѣлый день занятый былъ въ церкви, присвоила собѣ родина моя полное право реопорядкати собою свободно. Всякому извѣстно, шо женщина, хоть бы яка поважна и просвѣщенна, всегда таки имѣеть большую якъ мы склонность къ мірской суетѣ,

къ блескоткамъ; всегда больше преданна желанію, приподобатися свѣту. Отъ того порока не были свободны ни мои дѣвчата, ни даже (про шо скривати правду) — моя жена. Не разъ думалъ я, шо проповѣди мои противъ гордости и выставному житію навѣрнуть ихъ наконецъ къ смиренномудрію; но таки все замѣчалъ, шо сердца ихъ любовались въ прикраскахъ давнѣйшихъ временъ, въ перстеньяхъ, встѣжочкахъ и иныхъ ничтожныхъ блескоткахъ, оставшихся со дней минувшого нашего благосостоянія. Такъ и жена моя убиралась иногда въ праздничныи дни въ розовую сукню, для того понеже когда то — за давнихъ лѣтъ — сказалъ я былъ ей, шо она лежитъ на ней дуже хорошо.

Уже первой Недѣли возмутился духъ мой надъ ихъ легкомысленнымъ постоунованьемъ. Въ субботу вечеръ просилъ я ихъ, дабы завтра раненько одѣлись въ скромныи платья, и въ свое время пошли на службу Божію до церкви. Случалось бо не разъ еще въ Романовцѣ, шо припѣдипи въ слѣдствіе своего продолжительного страсенія поздно до церкви, мѣшали порядокъ и молитву приходжанъ а еще больше любопытливыхъ приходжанокъ. Сей же Недѣли совершивши утреню въ церквѣ и не могли потомъ ихъ дождатися, пошелъ я до нихъ самъ, дабы обвѣстити, шо вскорѣ стану на Службу Божію. Но шо узрѣлъ я тамъ! жена и дѣвчата въ самой пестротѣ, въ самыхъ суетныхъ блескоткахъ, въ сукняхъ широко фалдистыхъ и такъ опущенныхъ, шо съ шумомъ сметали порошокъ въ хатѣ. Я не могъ превозмогти себе, шо бы во внутрь сердца не засмѣялися надъ ихъ легкомысліемъ, особливо же надъ моею женою, у которой надѣялся найти больше здороваго розума. Желая укорити ихъ за тое доткливо, велѣлъ я моимъ паробкамъ приладити старинный по-

возъ, убрать коней хорошо въ шоры и сейчасъ везти Ейность съ панянками до церкви. Дѣвчата засмѣялись съ такого повелѣнія; но я повторилъ оно паробкамъ еще разъ, и то съ видомъ всей поваги, яку лишь во ту пору прибрать на себе возмогъ.

„Навѣрно ты жартуешь Игнатій,” сказала ко мнѣ жена, „не далека дорога, такъ не тяжело и пѣшки зайти; по що намъ ажъ повоза?”

— „Не жартую моя мила; до такого убранства потребно вамъ конечно поюза; иначе будутъ дѣти за вами бѣгати и смѣяться съ долгихъ вашихъ сарафановъ.” —

„Воистину,” отрѣкла жена. „я думала, що мой Игнатій всегда радъ дѣти свои видѣти хорошо и опрятно убранны...”

— „Но, убирайтесь,” сказалъ я. „хорошо и опрятно, убирайтесь. якъ лишь возможете, а я васъ только любить буду еще больше; — но се не опрятность, а самы пустыи вымыслы. Тѣ нестрии всѣяжки, тѣ ничтожныи блескотки, тѣ преширокии сарафаны подадутъ лишь причину къ ненависти вашимъ сосѣдкамъ. Такии суетныи уборы оставите городскимъ панямъ, гонящимъ за новыми медами; вамъ же, непыющимъ теперь ниже столько средствъ, чтобы пристойно и по вашей волѣ одѣться, они вовсе не приличны. Незнаю, уходятъ ли они даже богачамъ въ нашихъ уединенныхъ сторонахъ, а не то намъ, которы хотѣли бы неблагорозумно покрывать бѣдность свою плащемъ суеты и тщеславія!”

То представленіе подѣйствовало успѣшно; въ мнѣнута удалились они во свѣтлицу, чтобы перебраться, и на другій день радовался я не мало видѣчи, що дочери мои передѣлываютъ, по совѣту матери, сарафаны свои въ маленькии платья для братчиковъ, и що мене наибольше радовало: тѣ платья

казались въ слѣдствіе сей передачки далеко красивыми и пріятнѣйшими моему взору.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

За нашихъ огородомъ на краю возвышенности посадилъ мой предшественникъ четыре березы, которыи розрослись уже широко, и въ тѣни ихъ построилъ дерновни скамейки и столъ деревянный. Тутъ звыкли мы въ погодныи вечера сидѣти и наслаждаться красотой западающаго солнца и просторной околицы. Иногда ѣли мы тутъ и вечеру и забавлялись яко бы въ нашей комнатѣ. Дѣвчата пѣли при созвучіи гитары, на которой довольно знала играти Паталія народины, именно некоторыи украинскіи пѣсни, що научилась отъ покойной тетки Ростиславы, пребывавшей нѣсколько времени на Украинѣ и подарившей насъ богатимъ собраніемъ пѣсеней и повѣстей малорускихъ. Тогда восхищаясь вторилъ я ихъ пѣнію, или отступивши на нѣкое отдаленіе съ радостію прислухивался отгласу солодкихъ напѣвовъ. Вообще былъ я яко Русинъ самъ ревнѣйшій любитель гудьбы и пѣнія, и хотя по немуществу средствъ ни способности въ юныхъ лѣтахъ не изучилса самъ вкусно изъ ногъ играти, то за то не щадилъ средствъ для моихъ дѣтей, особливо дѣвчатъ, для которыхъ, по моему мнѣнію, почти необходимы суть гудьба и цѣние; тамъ бо не только облагородняется нравъ ихъ, но и нѣжнѣйшимъ становится дѣвственное сердце.

И такъ дознали мы, що во всякомъ случаѣ человеческой жизни можно найти свои занятія и свои увеселенія, каждого утра пробужались мы къ новой полезной работѣ; а каждый вечеръ вознаграждалъ насъ сладостію ничемъ невозмущеннаго отпочинка. Такъ прожили мы въ Соломянцѣ весну и первыи мѣсяцы погоднаго лѣта 1847: Мы не на-

дѣлалъ тогда еще, що и насъ ожидаютъ волненія жизни.

Было то середѣ лѣта въ день праздничный, коли пошли мы однажды въ прекрасное усторонье подъ лѣсомъ, где мои дѣвчата, взявши съ собою гитару, стали пѣти на свой ладъ розличными пѣснями. Такъ забавляясь узрѣли мы недалеко насъ бѣгущую серну, по еяже великой положости догадаться было можно, що знати убѣгала отъ преслѣдующихъ ю стрѣльцевъ. И такъ было вопетину; въ минуту выскочили изъ гущей дѣся гончій псы и конный стрѣлецъ, и погнали шо силъ за серною. Сейчасъ хотѣлъ я ити домовъ и велѣлъ мнѣ послѣдовать за собою; но будь любопытство, будь печальное впечатлѣніе, будь якій нивый поводъ сдержали жену мою и дѣвчата на мѣстцѣ. Стрѣлецъ вѣхавшій на передѣ, помчался мимо насъ стрѣлою, за нимъ послѣдовали съ такою скоростію четыре или пять нивыхъ. Съ задѣ показался молодецъ, оказавшійся якъ прочій поверхности, который узрѣвши насъ, вмѣсто шобы нивѣлъ вѣхати за другими, соскочилъ съ коня, и передавши его вѣдущимъ за нимъ слугамъ, сблизился къ намъ съ повагою великосѣтовца. Ему казалось не нужнымъ, познакомлѣти насъ съ своею достойною особою; онъ паче приступилъ съ значительнымъ уклономъ къ мнѣ дочерямъ и сталъ говорить съ такою смѣлостію, яко бы зналъ ихъ уже отъ дѣвѣтъ давна. Но они отвѣтствовали на таковыи разговоры его взоромъ презрѣніа. Потомъ объявилъ онъ намъ свое имя и свое достоинство; былъ то Панъ Долинскій властелинъ четырехъ селъ и одного мѣстечка. Узрѣвши въ рукахъ Наталіи гитару, сталъ онъ просити ю умильно, шобы заиграла ему и воспыла нѣзку хотьбы и рускую пѣсоньку. Не нивѣя охоты заходить съ нимъ въ близшее, къ тому неотвѣтное знакомство, далъ я дочерямъ мнѣ

знакъ, дабы не угодили его просьбѣ; но понука матери, противная моему желанію, подѣйствовала во пользу Пана Долинского, который по объявленіи имени своего и достоинства удостоился у женщинъ большого уваженія; такъ и стали свѣвати они одну изъ улюбленныхъ думокъ Оника Падурѣ и видно было по нихъ, шо пѣли съ великою охотою. Панъ Долинскій плескалъ въ долони и восторженно хвалилъ пѣніе и вѣборъ думки; потомъ взялъ въ свои руки гитару, и бряцалъ ни сякъ ни такъ, якъ бы отъ неволи; мимо того изъявила ему моя Наталія свою похвалу и увѣрѣла, шо игра его превосходить всѣ, якѣи она досель слышала. За то поклонился онъ низенько, и сталъ съ своей стороны хвалити вкусъ, а еще больше остроуміе ея. Жена моя оказала при томъ случаѣ найжившую радость почитая такую похвалу любимого дитяти за найвысше счастье.

Шо касается мене, во время всего того произшествія стоялъ я якъ не самовитый, и только полсловомъ отвѣчалъ на похвалительныи слова Пана Долинского.

Когда смеркалось, попрощался онъ съ нами, и просилъ о соизволеніи посѣтити насъ въ нашей хатѣ, шо, яко нашему властелину, не могли мы ему отказати. Потомъ розойшлися мы во свояси.

Еще того же вечера созвала жена моя тайный совѣтъ, въ которомъ розобратись нивѣли всѣ подробности нынѣшного приключенія и произойти оттуду могущи наследства. По ея мнѣнію, удался намъ нынѣ велими богатый половъ; „досвѣдчила го я.“ прибавила она, „шо приключаются въ свѣтъ еще не такіи рѣдкіи странности. Надѣюсь, шо прійдетъ время, коли и мы поставимся на ноги и сровнаемся съ богачами; не понимаю бо, дя чего и наши дѣти не могли бѣ достигнути такового счастья, яко

нашли дочери приходника съ Улаевницъ, которые повидали за дядичевъ?”

На тое сказалъ я ей, що и я не понимаю, и кажется такъ не пойму николи, для чего сосѣдъ нашъ съ Улаевницъ выигралъ два раза по двѣсти червонцовъ на лотерію, межъ тѣмъ, когда мы уже двѣсти разы проиграли.

„Оже, ты Игнатій.” отрекла она, „всегда такій, если стану утѣшатись нѣкою для дѣтей моихъ надеждою: ты сейчасъ отбираешь ю менѣ и оставляешь всѣхъ насъ въ бездѣйствіи.”

„Скажи, Амаленько моя, що думаешь ты о Пану Долинскомъ? Не здавался ли онъ тобѣ человекомъ добраго сердца?”

— „Такъ, Мамо. менѣ здавался онъ добрый, къ тому такъ пріятливый и разумный, що майже не видѣла я разумнѣйшого.” —

„Онъ такъ.” сказала Амалія съ нѣкимъ неудовольствіемъ, „похожій на мужчину; но менѣ такъ не понравился; онъ такъ несносенъ съ своими пресмѣлыми разговорами, за которыми скрываетъ гордость своего сердца.”

Изреченія моихъ дочерей толковалъ я собѣ въ смыслѣ совсѣмъ противномъ; узналъ бо я изъ того, що сколько презирала его Амалія, столько почитала Наталія. Таково то всегда женское еердце!

„Якъ вы ни думаете собѣ о Пану Долинскомъ,” сказалъ я потомъ къ моимъ дочерямъ, „я такъ признаюсь вамъ, що онъ вовсе не припалъ менѣ до сердца. Пріязнь между людьми неровного сословія кончится найчастше хлопотами, и мимо всего приличія, якое оказалъ онъ намъ при первой встрѣчѣ, замѣтилъ я однакожъ, що въ душѣ сязался надъ вашими простодушіемъ. Онъ сязался, що поповны такъ легко увѣрили лестными словамъ вельможного Пана, и для того радъ розставлялъ свои сѣти. Отъ, скажу правду, намъ искати дружества съ людъ-

ми собѣ равными. А и то скажу, що подлый у мене тотъ молодець, который иская жены, не старается познати ей особу, но пытается за ей богатствомъ; такъ же нехорошо для дѣвицы, меньше уважати на молодца самого, чѣмъ на его нязнѣ. И такъ, если бы намъреніе его было доброе, (о чемъ я однакожъ ниже думаю.) тогда оказали бы ся мы годными презрѣнія; если же нѣтъ! — ахъ, я дрожу на само вспомнѣнне!... Правда, що касательно моихъ дѣтей не боюсь ничего тому подобнаго; однакожъ правъ его о которомъ доведалься я отъ людей, наполняетъ мене страхомъ!”

Я хотѣлъ еще больше говорить, но рѣчь мою перервалъ дворахъ Пана Долинского, принесшій намъ отъ него съ поздоровленіемъ хорошій кусъ серны; къ тому извѣстилъ онъ намъ, що въ нѣсколько дней загоститъ до насъ Панъ Долинскій. Тое поздоровленіе, а еще больше тотъ даръ, принесенный въ самъ добрый часъ, проговорили такъ сильно въ его пользу, що все мое многорѣчіе не имѣло бы уже нѣякой поваги. Для того постановилъ я молчати и удовольнися въ крайней мѣрѣ тѣмъ, що указалъ опасность, которой дабы избѣгчи предъоставилъ я собственному ихъ благорозумію. Слава бо, котору безъустанно стеречи нужно, и недостойна стражи. *(Продолженіе слѣд.)*

О СПОСОБѢ ВОЕВАНЬЯ ЧЕРНОГОРЦЕВЪ.

(Заключеніе)

Турки наведеннымъ тогдашною бенатскою републикою, вторгнули подъ трема везирами трема шляками въ Черную гору, а между тѣмъ обсадили Бенатчане границу. Окруженнымъ со всѣхъ сторонъ врагами, Черногорцы взываютъ на помочъ Всевышняго Бога, кланутся, що хотять лучше пасти за вѣру

и свободу; чѣмъ поддались невѣрнымъ, и ставятся числомъ 10,000 противъ 100,000 Турковъ. Турки нахлынули на Черногорскую землю, палили мирныя села и убивали слабыхъ женъ и дѣтей; но тамъ, между горами ожидалъ ихъ непобѣдимый противникъ, хоробрый Черногорянинъ. Укрывшись въ ущелія скалъ разилъ онъ побѣднокими выстрѣлами враговъ. Надармо вызываютъ его Турки на широкое поле; онъ стрѣлялъ съ лоза скалъ своихъ девять недѣль. Но тутъ и пороху не стало; погибель недалека. Однакомъ небо умилосердилось надъ несчастливымъ народомъ: 4 новембрія дождь цѣлу ночь льялся ливцемъ; въ врагомъ таборѣ повстало замѣшательство, Черногорцы пользуются нимъ и отбирають Туркомъ всѣ zásобы пороху. И снова бьютъ турецкихъ везировъ, пока тѣ наконецъ незная якъ перезимовати съ войскомъ въ горахъ, уходятъ бездорожїями, покрывая ихъ трупами. Въ черногорскихъ яругахъ даже не возможно, абы лучшая военная тактика отнесла побѣду. Турки загнались уже неразъ ажь къ Цетинской долинь, николи однакомъ не пребывали тамъ долго. Въ новѣйшемъ времени захотѣлось и Французамъ Черной Горы, именно тогда, коли за Наполеона I обсадили Дальмацію. Тамошній маршалъ Мармонъ намѣрилъ сперва загорнути Черногору лестїю и уговорами; но Черногорцы отрекли, же почитали бы себѣ за велику честь, кобы самого Наполеона узрѣли въ своихъ горахъ, най однакомъ прїидеть яко гостя а свои планы най оставить дома. Тѣмъ отвѣтомъ розсердился Мармонъ такъ дуже, же поприсягъ собѣ що „Черная Гора“ не имѣеть на даль называтись черною, но „Червоною.“ И послалъ отрядъ французского войска на Черную Гору. Но Черногорцы розогнали ихъ на четыре вѣтры и Мармонъ изрекся дальшихъ предпрїатїй.

Народная черногорская пѣсня оцѣваетъ поражение Французовъ въ яругахъ и ущелїяхъ горскихъ.

В С Я Ч И Н А.

— Найдорожшїй фортепянь, икїй только коли существовалъ, всть тотъ, которого купилъ нынѣшній цѣсарь Франціи Людовикъ Наполеонъ для молодой своей сопруги за 40,000 франковъ (16,000 р. ср.). Фортепянь сей былъ уже подивлянный на славной Лондинской выставѣ, и що до полноты и прїятности збуковъ не имѣеть доселѣ собѣ ровного. Красная сопруга Наполеона цѣсарева Евгенїя играеть на немъ вжедневно.

— На послѣдней выставѣ домашнихъ птицъ въ Лондинѣ купилъ нѣкїй любитель дробью великого когута азїятской породы за 1000 р. ср. Тое когутище можеть теперь гордо пѣти кукуруку!

— Посля найновѣйшихъ статистическихъ датъ припадаеть на каждыхъ 100 душъ въ Австріи 1500 домашнихъ скотовъ, или на каждого жителя 15 штукъ. Наибольше домашнихъ скотовъ, въ размѣрѣ къ числу жителей, имѣеть Моравїя.

Отважность ученного. Знаменитый французскїй естествоиспытатель, проходилъ разъ въ сенарскомъ лѣсу и замѣтилъ гадюку, которая, по своей величинѣ, здавалося ему, принадлежала къ роду еще неизвѣстному во Франціи. Онъ взялъ ея рѣшительпо въ руки рочитиваючи убити ея, сломавши еи хребеть. Но не знати, или оттого, що животное было досыть сильнымъ, или оттого, що его схватилъ не за то мѣсце за которое слѣдовало бы, оно глубоко укусило противника. Шестъ послѣдовательныхъ ранъ въ руку немогли заставити профессора отпустить добычу и гадюка была заду-

шена и осталась въ его власти. Къ счастью съ почтеннымъ ученымъ былъ сынъ его, докторъ медицины. Онъ поспѣшилъ высосати раны и выпечи ихъ ланисомъ. Несмотрячи на тыи предосторожности и немедленные пособія, ядъ сдѣлалъ уже свое дѣйствіе. Ученый привезенъ домой, оставался подъ вліяніемъ яди черезъ два дни; но третого, коли опасность минула, началъ свои лекціи о пересмыкающихся животныхъ.

Живучесть жабы. Г. Дюмериль профессоръ въ Парижу, представилъ былъ разъ въ Академію жабу, найденную будто бы живую внутри камня. По поводу возникшихъ сомнѣній о возможности такого явленія одинъ изъ Академикомъ извѣстилъ, що онъ желаячи повѣрити на опытѣ достоверность розказовъ о подобномъ фактѣ, посадилъ десять жабъ въ глиняны горшки отъ 15 до 20 сантиметровъ вышиною и закрылъ ихъ слоємъ весьма твердой гипсовой замазки. Замѣтивъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, що нѣкоторые изъ тыхъ сосудовъ издавали запахъ гнили, онъ розбилъ замазку и нашель, що многіи животные были мертвы. (Открывши наконецъ въ одномъ горшку еще живую жабу, онъ оставилъ прочіи горшки нетронутыми и сохранялъ ихъ въ такомъ видѣ больше шести лѣтъ. По прошествію того времени, коли замазка была розбита, въ одномъ сосудѣ оказалась жаба живая и совершенно здоровая. Въ гипсъ наполнявшемъ всю пустоту горшка, былъ совершенно полный отпечатокъ жабы. Едва розбили тую твердую оболочку, животное сдѣлало усиліе щобы выскочити изъ своей тѣсной тюрьмы, но скачокъ неудался потому, що одна нога еще твердо держалася въ замазкѣ, а коли ея высвободили, жаба дѣйствовала всѣми своими членами, якъ будто ни на минуту не лишалася возможности управлять ими.

КОРЕСПОНДЕНЦІЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Всѣ узнають въ насъ потребу Словаря; а особливо учащіяся языки немогутъ безъ того обойтись. Первый Словарь терминологично правничій на полѣ нашей Словесности мы повитали радостно. Но онъ служитъ для употребленія только въ одномъ отношеніи. Слава и честь трудившемуся мужу изданіемъ оногоче! Не меншу заслугу положить каждый кто займется собраніемъ словъ изъ устъ нашего народа для выраженія всѣхъ понятій такъ домашнихъ, якъ и публичныхъ, торговельныхъ и промысельныхъ и проч. и проч. Я могу вамъ касательно такого Словаря дежо теперь довести. Свидѣвшись недавно съ нашимъ Отцемъ Скоморовскимъ дождуюся, що онъ надъ подобнымъ Словаремъ сидитъ, — словъ собралъ много, декотра часть есть систематическо уложена, но каждымъ часомъ роетъ очевидно тое сочиненіе поводе, для того Отецъ Скоморовскій не рѣшился еще уважати свой трудъ яко усовершенный. — О нихъ трудахъ литературныхъ немогу вамъ ничего сказати, скоро бы на мглістохъ литературномъ нашемъ горизонтѣ дежо заблисло исполняюся якъ найскорше съ извѣстіемъ поспѣшити. —

Тарнополь —

Н.

ИЗВѢСТІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ

— Въ теченіи лѣтнего полгодія 1853 преподаватися будутъ въ *Львовскомъ* всеучилищѣ слѣдующіи предметы :

А.) На выдѣль *богословскомъ*:

- 1.) Церковная Исторія преподаваемая проф. др. *Криницкимъ* по 9 часовъ еженедѣльно.
- 2.) Введеніе къ студіямъ *библии* ветхого завета, препод. проф. др. *Кухарскимъ* 4 часовъ.
- 3.) Языкъ еврейскій и египетскій препод. тѣмъ же 5 часовъ.
- 4.) Языкъ сирійскій, халдейскій и арабскій съ практическими упражненіями тѣмъ же 2 часы.
- 5.) Введеніе къ студіямъ *библии* нового завета преподаваетъ заступ. учит. префектъ студіевъ *Чаковскій* 4 часовъ.
- 6.) Языкъ греческій и толкованіе евангеліи святаго *Маея* и первого посланія святаго *Павла* къ *Коринтянамъ* тотъ же 5 часовъ.
- 7.) Бгзегетическіи преподаванія о посланіи къ *Римлянамъ* тотъ же 4 часовъ.
- 8.) Общая педагогика, преподаваемая заступ. учит. *Маликовскимъ* 2 часовъ.

9.) Догматика, заст. учт. др. *Пельцомъ* 9 часовъ въ латинскомъ языкѣ.

10.) Догматика, преподаваемая заст. учт. *Целановскимъ* 9 часовъ въ рускомъ языкѣ.

11.) Моральное богословіе, преподаваеъ заступ. учт. *Малиновскій* 9 часовъ.

12. Θεολογία пасторьяльная, *Васильевскій* 9 часовъ по польски.

13.) Θεολογία пасторьяльная, довременный приватный доцентъ *Юзичинскій* 9 часовъ по руски.

14.) Катихитика 2 часы } преподаваемы катихитомъ *Островскимъ*.

15.) Мееодика 2 часы }

16.) Катихитично — педагогическая наука, предметомъ студіевъ *Чайковскимъ* 5 часовъ по руски.

Б.) На правничомъ выдѣль.

а) Общій предметы науковыя.

17.) Обще право державы, преподаваеъ проф. др. *Гербстъ* 4 часовъ еженедѣльно.

18.) Общев и практическое европейское право народовъ, тотъ же 3 часы.

19.) Поученіе о финансахъ, проф. др. *Паздѣра* 4 часовъ.

20.) Политику культуры, тотъ же 1 часть (бесплатно).

21.) Европейскую статистику, проф. др. *Гаммеръ* 5 часовъ.

22.) О камеральной формѣ обчисленія имѣній во обще, и объ отношеніи ей къ приходамъ и экономіи Австрійской державы, до того и о правительской контроли и державныхъ кассахъ, проф. *Стаймеръ* 5 часовъ.

23.) Общую науку о финансахъ, о приходахъ и экономіи державы, яко и о установленныхъ на то властяхъ администраціи и пбняжного обороту, не менше о органахъ контроли тотъ же 4 часовъ.

б) Предметы администраційныя.

24.) Законъ церковный преподаеъ др. *Котеръ* 8 часовъ.

25.) Науку законовъ австр. администраціи проф. др. *Паздѣра* 4 часовъ.

26.) Карный законъ о приходахъ, проф. др. *Гаммеръ* 4 часовъ.

27.) Карную процедуру о преступленіяхъ уставовъ доходowychъ, тотъ же 1 часть.

28.) Химическіи опыты изъ области судовой медицины и медицинской полиціи, проф. др. *Гаммеръ* 2 часы.

в.) Предметы юдиціальныя.

29.) Законъ римскій, а именно право родины и облигаціи преподаеъ проф. др. *Котеръ* 4 часовъ.

30.) Уговоры супружества послѣ австр. цивильного кодексу и въ сравненіи съ римскимъ закономъ тотъ же 1 часть (бесплатно).

31.) Испыты австрійского карного закона, проф. др. *Гербстъ* 2 часы.

32. Австр общій законъ цивильный, второе отдѣленіе, проф. др. *Фангоръ* 9 часовъ.

33.) Процедуру издаванія и исполненія рѣшеній въ спорныхъ справахъ, проф. др. *Шольцъ*, 5 часовъ.

35.) Старинный законъ польскій, тотъ же 4 часовъ.

35.) Сумаричну процедуру въ спорныхъ справахъ цивильныхъ, тотъ же 1 часть (бесплатно).

В. На философическомъ выдѣль.

а) Предметы философично — историческіи.

36.) Нравственное любомудріе преподаеъ проф. др. *Липинскій* 3 часы.

37. Исторію любомудрія (старинны даже до второго вѣка по Христѣ), тотъ же 3 часы.

38.) Вѣдомственнаго развитіе начальныхъ наукъ логики, тотъ же 3 часы.

39.) Общую исторію середного вѣка проф. др. *Вазольцъ* 3 часы.

40.) Исторію Австріи за Цѣсаря Фридерика IV и Максимилиана I, тотъ же 3 часы.

Заключеніе слѣдуе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Исторія древняго Галицко — Руского княжества сочиненіе Дениса Зубрицкаго въ двоихъ частяхъ, съ приложеніемъ Родословной Картины. Львовъ. Типомъ Ставропигіанскимъ 1852. Продаеъ по лавочной цѣль 5 р. м. к. въ книжной лавцѣ Заведенія Ставропигіанского. —

Собраніе русскихъ Проповѣдей издаваемыхъ Дро. Андреемъ Андреевичемъ Радолинскимъ [Радолинскимъ.] Томъ первый. Буда, въ типографіи Мартина Баю 1852. Замѣчаемъ, что изъ Львовскихъ прекумерантовъ получили еще никто сего сочиненія. —

(Слѣдуеъ Прилога Поученій Церковныхъ Число 3.)

Изданіеніемъ и типоюъ Института Ставропигіанского
Отвѣчательный Редакторъ *Іоаннъ Гушалевичъ.*

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Середу два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четвертьрочно получить платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

Относительно до воззванія зъ дня 18го Лютого (2. Марта) т. г., въ которомъ изъяснено было заданіе нашего письма и речотъ меже нами и Вч. пренумерантами пригадуемъ, що для тыхъ Вч. Г. предплатителей, которыжь еще черезъ мѣсяць Мартъ належалася Зоря Галицкая изъ минуваго года, начинаеса предплата отъ 1го Цвѣтня т. г. по латинскому мѣсяччисленію. Про тое просимъ, щобы Г. Пр. прислали скоро предплату на Зорю, бо онакше неможемъ розмърити накладъ нашего письма. Если бы кто хотѣлъ отъ первого Марта получить нешое письмо, то будетъ заскавъ за Мартъ 30. крайнаровъ м. к. додати. При той случайности неможемъ тое замолчати, що первыи родимцы наши изъ многихъ сторонъ приславши принуерату изъявили искренне свое удовольствіе изъ нашего предпріятія. Тое будетъ всѣмъ намъ правдивымъ поощреніемъ до дальшого труда, абы наше письмо сдѣлати чимъ разъ полезнѣйшимъ и занимательнѣйшимъ. —

ЕДВАРДЪ.

(Старинная Шкотская баллада.)

Зачѣмъ твой мечъ весь кровью облить?

Едвардъ, Едвардъ!

Зачѣмъ твой мечъ весь кровью облить,

И ты смущенъ такъ и сердитъ? — Охъ!

О, я сокола моего убилъ,

Мати, ахъ мати моя!

О, я сокола моего убилъ

Онъ надовсе мнѣ милый былъ — О!

Кровь соколиная не такъ темна,

Едвардъ, Едвардъ!

Кровь соколиная не такъ темна,

Скажи мнѣ правду, чіа ова? — Охъ!

О, я коня убилъ моего

Мати, ахъ мати моя!

О, я коня убилъ моего

Того каштанка вѣрного — О!

Твой конь былъ старый и коровитъ,

Едвардъ, Едвардъ!

Твой конь былъ старый и коровитъ,

Скорбь ниа грудь твою тоитъ — Охъ!

О, я отца убилъ моего,

Мати, ахъ мати моя!

О, я отца убилъ моего
 И скорбь сія лишь отъ того — О!
 И якъ за грѣхъ покаешься твой,
 Едвардъ, Едвардъ!
 И якъ за грѣхъ покаешься твой,
 Скажи, скажи мнѣ сыну мой — Охъ!
 Оставлю домъ свой и отчину,
 Мати, ахъ мати моя!
 Оставлю домъ свой и отчину,
 Пойду за море — въ чужину — О!
 Тогда що будетъ съ теремомъ твоимъ,
 Едвардъ, Едвардъ!
 Тогда що будетъ съ теремомъ твоимъ
 Великолѣннымъ такимъ — Охъ!
 Да онъ розсыплется во прахъ,
 Мати, ахъ мати моя!
 Да онъ розсыплется во прахъ,
 Не жити мнѣ въ его стѣнахъ — О!
 Съ дѣтьми — жъ що будетъ и що съ женою,
 Едвардъ, Едвардъ!
 Съ дѣтьми — жъ що будетъ и що съ женою
 Когда розстанутся съ тобою? — Охъ!
 Най за кебраньемъ пойдуть онѣ
 Мати, ахъ мати моя!
 Най за кебраньемъ пойдуть онѣ
 Ихъ никогда не зрѣти мнѣ — О!
 Що матеря оставишь дорогой,
 Едвардъ, Едвардъ!
 Що матеря оставишь дорогой,
 Скажи, скажи мнѣ сыну мой — Охъ!
 Проклятье оставлю и ужась могилъ,
 Тебѣ, о мати моя!
 Проклятье оставлю и ужась могилъ,
 Съ твоей бо вины я отца убилъ — О!
 певецъ. Б. А. Д.

ПОСЛАНИЕ О ПЕРВОМЪ НАШОМЪ ПИСЬ- МЕННОМЪ ЯЗЫЦѢ.

(Продолженіе и заключеніе.)

Якъ велика сила слова живого видимъ изъ того, що Кирилломъ и Меѳодіемъ оно засяно межъ Славянскими племенами черезъ многіи дѣйствуетъ столѣтія, и вліяетъ снова на тѣ народы у которыхъ оно зачалось и такъ долго оставалось безжизнен-

но.*) Но нигде оно такъ постоянно не дѣйствовало, такъ не срослося съ жизнью всею народа якъ у насъ. Исторія церковного языка нерозривно связана съ Исторією языка руского. Черезъ первый мы приняли въ себе многіи сокровища древныхъ нарѣчій намъ соплеменныхъ. Словено церковный языкъ былъ всегда и можетъ быти еще живымъ посередникомъ въ общенію словесномъ. Словенскій языкъ въ насъ покорялся также и вліянію устной народной рѣчи. Правописанье давнѣйше и теперѣшне до сихъ поръ носить въ основахъ своихъ слѣды письма Словено — церковного

Такъ встрѣчаемъ особенное явленіе въ развитію руского слова, которымъ мы совершенно отличаемся отъ западныхъ народовъ. Мы съ изытіемъ формъ не можемъ потягнуги границу межъ чистымъ нашимъ и словенскимъ языкомъ, бо второй множество и множество изъ нашего народного принималъ — Языки Романскіи тамъ составились изъ двухъ стихій, враждебныхъ другъ другу: языка завоеванного и языка завоевателя. Первый даетъ словарь, второй насильно налагаетъ Грамматику. Все литературное развитіе языковъ народныхъ представляетъ борьбу съ языкомъ Латинскимъ, — и постепенное освобожденіе отъ него называется въ важнѣйшихъ произведеніяхъ словесности. Языкъ Италіанскій развивается въ

*) Ту пригадусь замѣчательныи слова Балдасе: „Дай Боже, чтобы Словено — церковное нарѣчіе якъ первый или по крайней мѣрѣ древнѣйшій намъ извѣстный источникъ Словенского языка, было изучасмо всеми народами Словенскими, — хотя не ради высшего ученого образованія, но ради сохраненія Словенской народности, для того чтобы намъ неотатаритися, неотуречитися, для того чтобы неотпасти отъ общаго источника народности, который не изсякъ не смотря на бури десятилѣткови.

борба съ латинскимъ, который подъ конецъ его одолеваетъ. Языкъ Германскій представляеть, конечно, единство въ своемъ образовании: ту нема двоухъ стихій враждующихъ, якъ въ Романскихъ языкахъ; но за тое въ синтаксическомъ отношеніи онъ подвергается Латинскому и до сихъ поръ носитъ на собѣ его вліяніе

У насъ совершенно иное. У насъ ни языкъ меча ни языкъ насилія долженъ дѣйствовать на устное слово народа; но языкъ духовный, языкъ Вѣры, родный по племени, и долженъ возместися надъ обыкновеннымъ, но при томъ быти понятнымъ для народа. Онъ имѣеть приносить съ собою сокровища Слова Божія и избранныи выраженія изъ другихъ нарѣчій. Онъ бо такъ слился съ новою живою: що самъ подвергается еи вліянію, хотя сохранилъ свои особыи грамматическіи формы. Сколько незабвенныхъ услугъ оказалъ той языкъ рускому слову и русской жизни!

Во времена удѣльныхъ усобиць, въ тяжкіи времена Татарского ига, онъ связывалъ всю древнюю Русь, онъ исполнялъ настоящее назначеніе языка по смыслу коренному того слова въ насъ, якъ силы связующей и соединялъ насъ духовно. Онъ служилъ отпоромъ противъ вліянія чужого.—

Рознати два языки: Словено-церковный и рускій, невозможно. Они срослися другъ съ другомъ во всей жизни нашего народа. Рознати ихъ значило бы, самую жизнь розорвати самую мизнь нашу на двѣ половини!—

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ.

рускій приходникъ изъ Соломянки.

Повѣсть, кимъ самымъ написанна.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Желая вчерашнюю соперечку нашу по доброму залагодити, постановили мы, уго-

стити себе на добрый обѣдъ серниною, и сой часть взялись дѣвчата мои за дѣло. „Жалью” сказалъ я, „що нѣтъ у насъ нинѣ якого гостя, или друга, чтобы подчптити его тѣмъ вкуснымъ яствіемъ! Такій обѣдъ бываетъ намъ въ десятеро пріятнѣйшій, когда поживаемъ его съ добрымъ другомъ.” — „Отъ, видите,” воскликнула жена моя, „о гостью мова, а гость у порога!” — И во истину захалъ передъ домъ нашъ г. Раевичъ, молодой другъ родины моей. Вошедши въ комнату и поздоровившись съ нами сердечно сталъ онъ извинятися, що обстоятельства не сонзволили ему посѣтити насъ скорѣйше. Пріязнь сего человека была для мене съ двоухъ причинъ дуже милою: во первыхъ, понеже зналъ я, що онъ яко убогій потребуеетъ моеи помочи, во вторыхъ, понеже казался онъ менѣ человекомъ якъ бы сотвореннымъ для дружества. Въ разговорахъ его проявлялось иногда истинное просвѣщеніе; манчастно однакожь любилъ онъ бавитися съ дѣтьми, которыми называлъ онъ непорочными сотворѣніями, и которыми розсказывалъ онъ народныи сказочки и байки или пѣлъ веселыи пѣсеньки; и рѣдко показывался онъ гдѣ либо безъ приниковъ, застяжокъ и иныхъ того рода подарковъ. Онъ обиталъ въ поблизкомъ мѣстечку у одного изъ своихъ друзей; часто однакожь вызжалъ на своемъ буланомъ куда ни будь къ добрымъ сосѣдамъ. Тѣмъ разомъ осталъ онъ у насъ на обѣдъ и повинуюсь нашимъ запросинамъ такожь на вечеръ; жена моя не щадила сего дня солодкого меду.

Послѣ вечера стали мы забавлятися разговорами; онъ спѣвалъ намъ потомъ козацкіи и наши народныи пѣсни, и розсказывалъ дѣтемъ забавныи и поучительныи повѣстки. Нашъ когутъ, который, всегда пѣлъ о одиннадцатомъ часу ночи, пригадалъ намъ, що уже время думать о отпочинку; но тутъ

зайшло одно невыгодное обстоятельство, о которомъ досель никто и ни поминалъ: шло именно о тое, где нашему гостю постелити? Въ свѣтлицѣ спали я, жена и машин дѣвчата; въ комнату оба хлопчики на одной ложѣ. Такъ и не стало мѣста для гостя, котораго на сѣно до стодола не радъ я былъ выслати. Наймолодшій сынъ нашъ Данилко избавилъ насъ скоро отъ того замѣшательства, предлагая, що онъ и съ братчикомъ спати будетъ сей ночи въ комнату на солому, котору можно бы для нихъ принести, а ихъ ложе, которое впрочемъ никому бы не отступили, да займетъ любилецъ ихъ, Панъ Раевичъ. Тое предложеніе мнѣ дуже понравилось. „Хорошо мои дѣтоньки!“ сказалъ я къ нимъ ласкаво, „гостепрѣимство есть одною изъ первыхъ обязанностей Христїанина; оно всегда было найкрасшимъ свойствомъ Русиновъ. Дикій звѣрь знаетъ свою пещеру, а птица летитъ въ свое гнѣздечко; только безпомощный человекъ принужденъ убѣжища искати у своего ближняго. Найбѣднѣйшій чужинецъ въ свѣтъ семъ былъ Тотъ, который низошелъ спасенія нашего радп. Никогда не имѣлъ Онъ собственной хаты, яко бы желая узнати, сколько гостепрѣимства остало еще между нами. Тетьянно! рекъ я къ моеи женѣ, дай хлопчикамъ нашимъ по два кусни сухару а Данилку дай и третій за то, що первый подаль сїю прекрасную думку.

На другій день рано, роздавши каждому паробку свою роботу, позвалъ я Федора, щобы шелъ со мною розгортати сѣно на поблизкой, позавчера скошенной сѣножатѣ. При такой работѣ люблю я самъ содѣйствовать а иногда идуть со мною даже мои дѣвчата. Тамъ разомъ напередисъ они конечно идти на сѣножати; было бо и утро прехорошее, и побуждалъ ихъ къ тому Панъ Раевичъ.

Съ такими сотрудинками работа шла намъ скоренько; только Амалія не всегда успѣвала съ нами сровнатисъ, оставая часто изъ заду. Но Панъ Раевичъ выбавлялъ ю тутъ отъ общаго посмѣха своею помощію; и при томъ случаѣ заивчалъ я не разъ, що моя Амалія благодарила своего помощника такимъ воззрѣніемъ, якимъ благодарила тогда, коли съ егоже помощію спаслась была отъ смертной гибели. Скончивши роботу въ полудне, мы возвращались домовъ; на пути осмѣлился я розпрашивати Пана Раевича про его родъ и отечество: досель бо не зналъ ничего болыно, якъ только имя его и благородное сердце. И ажъ теперъ дождався я отъ него, що онъ происходилъ отъ шляхоцкой родины; що бывши высланъ на воспитаніе въ чужій край, ничего тамъ не учился, а только росточалъ имѣніе своихъ родителей: що найкрасшимъ лѣта юности потерялъ въ распугствіи съ лихими друзьями и въ совершенномъ бездѣйствіи; що теперъ въ правдѣ опамятался, но опамятался надто поздно.

„И я вамъ откровенно скажу, честный Отче.“ продолжалъ онъ свою рѣчь съ нѣкимъ то видомъ горести: „нѣтъ у мене теперъ ни якихъ либо средствъ, ни даже надежды, пріобрѣсти ихъ моими силами. Я не знаю ни якового ремесла, ни якого полезного занятія, которымъ возмогъ бы найти пропитаніе и самостоятельство въ свѣтъ. Къ счастью нашель я доброго друга въ сей окрестности, который не имѣя родины, охотно роздѣляетъ со мною мѣрныи свои приходы. Къ счастью остались при мнѣ еще нѣкыи дружки — сопутницы страннаго моего житія, остались книжки въ большой части поетическаго содержания, въ которыхъ я отъ давна любовался. Чувствуочи въ собѣ великую склонность къ поезіи, я составилъ нѣсколько большыхъ твореній въ рускомъ

языцъ; и если подпомогутъ мнѣ ревныи соотечественники, напечатая ихъ въ мою пользу и пользу народа. Есть то одна звезда надъи, котора прельщала мене до нынѣ и отводила отъ совершенного отчаянiя!”

„Яко,” воскликнулъ я, „вы предаетесь надеждѣ, що поетическими плоды въ рускомъ языкѣ приобрьете средства къ пропитанiю, що заработаете ними на хлѣбъ насущный, и то заработаете въ нынѣшное время? О сколь жалью васъ! Великiй Шиллеръ омывалъ изъ голода подъ тѣнью нѣмецкихъ дубовъ, середъ высокопросвѣщенной Германiи, а вы рускiй, неизвѣстный поэтъ хотите жить утворами своего ума середъ руского народа, который не купитъ ни одной вашей книжочки, хотя бы была самая лучшая, бо якъ всю да такъ и въ насъ стихотворенiе ажъ познѣе отъвѣтну нагороду приобрьтасть! И я думалъ найти на Руси свою Аркадiю; но сколь обманулъ въ моеи надеждѣ! Цѣлую купу моихъ русскихъ сочиненiй грызутъ голодныи моли въ старой скринѣ. О, молодой друже! послушай совѣта опытнаго соотечественника; покинь обольстительную мечту, котора хотя прехороша и похвалительна, но не принесетъ тобѣ на Руси ни кусочка хлѣба. Если на правду хочешь приобрьсти вещественныи средства къ пропитанiю: такъ лучше иди въ широкии свѣтъ, и поки еще молодыи силы, учись якого ремесла; — или въ крайномъ случаю рубай дрова, толчи камени на публичной дорожѣ, будь простымъ паробкомъ, пастухомъ или дякомъ, — а не рускии поетомъ; бо истощишь силы свои въ нуждѣ и недостатку, погибнешь отъ голода и недоли! . . . Поезiею можно бавитися, если доспѣешь такового становища, на которомъ не нужно тобѣ заботитися о житейскихъ потребахъ; но представити ю себя за единственное занятiе, то безрозсудно и въ настоящее время — на Руси — бесполезно!”

Прознося тiи слова, подалъ я ему дружески руку, искренно желая чтобы послушалъ онъ моихъ совѣтовъ, и устремилъ силы свои на нынѣ полезнѣйшии занятiя; но онъ опустивши взоръ свой къ земли, молчалъ безъустанно и только на лицѣ его отбилась глубокая тоска, яко бы жаль ему было розставатися съ любимымъ сердца предметомъ, съ найкрасившими юношеской жизни мечтами. И мнѣ стало жаль его; для того перервалъ я печальную мою бесѣду, и завелъ рѣчь о иномъ предметѣ. Когда пришли мы домовъ, уже жена моя ждала насъ съ обѣдомъ; во время того Пауль Раевичъ былъ дуже засумованъ и отвѣчалъ на мои вопросы полусловами; вскорѣ послѣ обѣда попрощался съ нами, и поѣхалъ на буланомъ кони во своиа. Я отвелъ его за ворота, и видя печаль его, котору нию всѣхъ успiей не смогъ онъ предо мною скрыти, потышалъ надеждою на лучшую для словесности нашои будущность, котора однакъ по моему мнѣнiю еще далека. Возвратившись въ комнату замѣтилъ я у моихъ женщинъ нѣкосто неудовольство, которое особливо созерцалося на лицу Амалiи; понимая причину еи жалю, сталъ я разводитися надъ теперѣшнимъ направлениемъ юношества, которое предаваясь романтическимъ мечтанiямъ, забываетъ на существенность жизни и проводить младенческии лѣта въ сентиментальномъ бездѣйствiи, и заключилъ бесѣду мою не много огорченъ тыми словами: „Отъ, такимъ то житьемъ живеть и добросердечный, но легкомысленный другъ нашъ, Господинъ Раевичъ, который лишень теперь всякихъ средствъ къ пропитанiю гоняется за пустыми надѣями. Безъумный! не лучше было ему употребити за прежнихъ лѣтъ вещественныи достатки и помочь отъ своихъ родичей во свою пользу на будущее время? Кобы былъ чему ни будь полезно-

му научился, былъ бы и самъ счастливъ, и участвовали бы могъ другихъ; а такъ, при всемъ благородіи сердца, онъ теперь не доволенъ самъ собою и можетъ статися бременемъ для тыхъ даже друзей, съ которыми росточалъ онъ нѣкогда свое нѣніе. Мень жалъ его, но при томъ и гнѣваюсь на него. Онъ бѣдный, и не заслужилъ можетъ лучшей доли для того, понеже не только не желалъ быти независимымъ, но и не заботился о томъ, статися когда то истинно полезнымъ свѣту.”

Признаюсь, що были у мене тайныя причины, для которыхъ я мнѣніе свое о семъ достойномъ молодцѣ съ такимъ произнесъ огорченіемъ; мимо того опровергала оно моя Аналія слѣдующимъ образомъ: „Сколько ни достойно есть прежнее житіе его порицанія, то однакожь кажется менѣ любимый Отче, теперѣшніи его обстоятельства должны бы хранити его отъ горькихъ поруганій. Нынешняя бѣдность его есть уже и такъ строгий наказаньемъ за прежніи поблужденія, и не разъ говорили вы самъ добрый Отче, що не свободно разити новыми ударами несчастливую жертву, которую уже само небо наказываетъ бѣдствіями. Впрочемъ, мы даже не знаемъ ближе о его отношеніяхъ, которыми могутъ къ тому исправитися; мы только знаемъ о высокихъ души его достоинствахъ, которыя повинны бы усправедливити передъ нами всю жизнь его поручную.” Тѣ слова, изреченныя съ жаромъ, открыли благородное дочери моей сердце, они открыли и великую привязанность ей къ тому молодцу. Хотя любилъ я его отъ души, но еще больше любилъ я свои дѣти и желалъ истинного для нихъ счастья. И такъ, какъ предостерегалъ вчера Наталію отъ блистательной но пустой и безнадежной мечты; такъ отклонялъ я нынѣ пристрастное сердце Аналіи отъ раждающейся

безплодной любви. Но все тое предоставилъ я времени, думая, що оно наилучше изцѣлитъ любовныя ихъ раны.

ГЛАВА СЕМАЯ.

На другій день рано стали готовитися женщины наши къ пріятію вельможного гостя, который прирскъ вчера черезъ своего слугу быти нынѣ у насъ на обѣдъ. Жена и дочери выстроились какъ можно наилучше и шастались по покарни то по покоямъ. Около полудня захалъ передъ домъ нашъ Панъ Долинскій, съ своимъ тайникомъ и добрымъ своимъ управителемъ. Понеже однакожь изъяснилъ намъ вчера Раевичъ, що Панъ Долинскій намѣряетъ свататися съ Панною Юлією К..., съ которою имѣлъ былъ мой Левъ женитися; то пріятіе его изъ стороны самой господини и моей Наталіи не было такъ сердечно, какъ бы могло быти, кобы они о томъ не знали: но случай уволилъ насъ яко тако отъ сего замѣшанія; когда бо никто изъ нашего общества вспомнулъ случайно про красоту Панны Юліи, увѣрялъ Панъ Долинскій подъ клятвою, будь то не слышалъ еще такъ ложного утвержденія, якъ то: що Паниа Юліа хороша; „най съ мѣста не встану,” говорилъ онъ далѣе, „если не правду кажу? що волялъ бы я шукати собѣ невѣсти межъ сельскими дѣвками, какъ вычитатися съ дурною Панною Юлією.” Сказавъ сіе, засмѣялся громко, и все общество смѣялось съ нимъ; бо кто не нашель бы грубыя сказанія богатаго Пана остроумными и хорошими? Моя Наталія замѣтила при той способности съ нѣякою несмѣлостію, що Панъ Долинскій имѣетъ радкій вкусъ и хотя похваляетъ иногда сторонно и за много но осуждаетъ весьма справедливо. Не смотря на тое, я выступилъ въ оборонѣ честной Панны Юліи и изъяснилъ откровенно, що во всей окрестности Романовки, не

видѣлъ я нигдѣ такъ иной, такъ образованной дѣвицы, какъ есть Паниа Юлія.

„Воронъ ворону ока не выколетъ,” сказалъ Панъ Долинскій. „Попы какъ жиды свою вѣру боронятъ. Паниа Юлія Поповна, такъ и выпадають обстатн вамъ за нею честный Отче. А однакожь скажу правду, она и не умылась до вашихъ прекрасныхъ дочерей.”

На дерзкіи слова тѣи не отвѣтилъ я ничего, разъ, понеже не узналъ ихъ достойными отвѣта, во вторыхъ не ручилъ я собѣ за удержаніе своего хладнокровія, и въ томъ случаю боялся уже при первой встрѣчѣ оскорбить священное право гостепріимства. Когда однакожь сговорились гости наши потомъ и о обрядахъ церковныхъ, и Панъ Долинскій сталъ ругатись надъ пѣніемъ рускихъ дьяковъ, я снова произнесъ нѣсколько рѣшительныхъ словъ во ихъ защиту.

„За чѣмъ не позаводите въ церквахъ вашихъ органы?” спросилъ Панъ Долинскій. „При звукахъ поважной гудьбы выдали бы ся твердыи слова мертвого старословенского языка пріятнѣйшими слуху, когда жежь тѣмъ дьяки ваши блятъ какъ бараны. такъ що услышавши ихъ рыкъ я всегда принуужденъ былъ смѣяться на голосъ въ церквѣ.”

„Кому въ церквѣ смѣхъ, тому и весь грѣхъ,” отрекъ я съ огорченіемъ, „всякій языкъ да славить Господа, какъ знаеть и какъ сможетъ; мы не порицаемъ ваши органы ни пѣніе въ латинскомъ языкѣ, вовсе не понятномъ польскому народу; языкъ старословенскій или лучше старорускій для насъ священный, какъ наша Церковь, и пѣнье руского дьяка понятно всему народу; кто надъ церковнымъ пѣніемъ или священными обрядами коего либо народа ругается, тотъ не достоинъ имени честного человека.”

„Извините, достойный Отче,” сказалъ Панъ Долинскій съ солодкимъ усмѣхомъ; „я не хотѣлъ васъ тѣмъ уразити; но опровергну-

ти мнѣніе ваше касательно церковного языка. По изслѣдованіямъ набученнѣйшихъ историковъ нашихъ и философовъ, языкъ тотъ былъ искони языкомъ Полянъ или Поляковъ Надднѣпрянскихъ, которые съ теченіемъ времени, изобразовали и усовершили языкъ свой соотвѣтно требованіямъ просвѣщеннѣйшихъ вѣковъ; и онъ стался тѣмъ прекраснымъ языкомъ, которымъ такъ умно владееть нынѣ Мицкевичъ, Трентовскій, Кохановскій, Красицкій и пр.; надлежало бы всемъ Славянамъ, употребляющимъ въ богослуженіи языкъ такъ зовимый старословенскій или лучше старопольскій, приняти къ той же цѣли языкъ новославянскій или що одно и то же, нынѣшній сладокзвучный языкъ нашъ польскій.” —

Услышавъ такую небиллицу, я едва не сошелъ съ ума; правда, читалъ где то въ сочиненіяхъ Пана А. Б. будь то языкъ старословенскій принадлежалъ Полянамъ Надднѣпрянскимъ, которыхъ онъ окрестилъ по просту Поляками; но я не надѣялся, дабы таково заключеніе, якое предложилъ Панъ Долинскій, могло когда то сродниться въ головѣ тверезого человека.

Такъ рѣшился снова молчать, опасаясь, чтобы дальшіи его умствованія не помѣшали здоровый мой разумъ. Я любилъ тотъ многообильный, поважный, освященный памятью великихъ проповѣдниковъ Солуня языкъ старословенскій, какъ любилъ природу и все человечество; я посвящалъ его изученію два десятка лѣтъ моеи жизни; читалъ о немъ мнѣнія великихъ соподвижниковъ литературы всесловенской, и не встрѣтилъ нигде такъ ужасной бредни, яку слышалъ нынѣ отъ Пана Долинского. Правда, языкъ тотъ есть источникомъ, есть матерью всѣхъ славянскихъ нарѣчій, но отнюдъ исключительно польского, который можетъ больше потерять изъ первобытной своей словенской

природы, чѣмъ которое нибудь иное изъ живущихъ словенскихъ нарѣчій. Мое молчаніе взбудило въ обществѣ тую мысль: будто я совершенно побѣжденъ былъ Паномъ Долинскимъ, которому приписывала съ той причины моя Наталія великую ученость. И вѣрнѣе, когда гости наши розъѣхались по объѣду, стала она снова разводиться надъ его высокими дарованіями. Болѣло мое отцевское сердце надъ тѣмъ не мало, що неопытное дитя мое пребываетъ въ такомъ обманѣ; и болѣзнь тая удвоилась, когда жена моя стала представляти мнѣ, яка бы то хороша пара была: Панъ Долинскій и Наталія! „Видишь, любимый Игнатій,” говорила она съ умиленіемъ, „я казала правду, що Панъ тотъ добрый имѣетъ намаренія; кто знаетъ, що еще на конецъ съ того будетъ!”

„О такъ, кто знаетъ, що еще на конецъ съ того будетъ,” отрекъ я съ глубокимъ вздохомъ: „но я съ моеи стороны во все тому не радуюсь; и убогій, праведный человекъ былъ бы мнѣ стократно милѣйшій, чѣмъ тотъ вельможный Панъ съ своимъ своимъ богатствомъ и дурачествомъ. Если бо онъ истинно такіи мнѣ кажется, повѣрь Тетьяно, за нищо въ свѣтъ не выдамъ дочь мою за неуча!” —

„Я думаю однакожь милый Отче,” сказала на то Амалія, „що вы надто строго осуждаете Пана Долинского; хотя бо мнѣнія его были бы совсѣмъ блудныи и нерозумныи, должно ли заключати, що они мнѣнія его собственныи, а не чужіи? Можетъ онъ возрасталъ подъ вліяніемъ такихъ людей, у которыхъ было то правдою, що у насъ безсмыслонъ. И въ томъ случаю, скажу откровенно онъ не такъ дуже виновать.”

„Моя любина,” отрекъ я, „можно бы то пропустити касательно мнѣнія его о словенскомъ языкѣ, которое у польскихъ у-

ченыхъ рѣдко доселѣ бывало справедливымъ; но не пропущу ему злобныхъ израженій противъ Пани Юліи, противъ рускимъ церковнымъ обрядамъ и даже противъ нашимъ дѣкамъ! Израженія бо тѣи доказываютъ или дитинную пустоту легкомысленного человека, или що уже всего лукавоего его сердце.”

Слова мои якъ прежде такъ и теперь не много дѣйствовали на Наталію: взмагавшая чѣмъ разъ больше привязанность къ Пану Долинскому, не дозволяла ей узрѣти поблужденій испорченного его сердца. Любовь дѣдаетъ насъ слѣпыми, тая правда язвила грудь мою. Съ тыхъ поръ стала я частше роздумывати надъ будущею судьбою дѣвчатъ моихъ. Она казалась мнѣ помраченною, и я глубоко опечалился. Я желалъ имъ смиренного счастья въ тихомъ устороніи сельскомъ, яко достигнути можетъ дочь руского священника съ своеплеменнымъ молодцемъ тогоже сословія, я желалъ имъ тойже пріятной доли, яку имѣла родная ихъ мати, добрая моя Тетьяна; а они предавались бесполезнымъ мечтамъ: одна стремилась надто высоко, на которой то высокости однакожь не было ніякого счастья; другая наклоняла сердце свое къ молодцу, который, хотя найблагороднѣйшій, не былъ однакожь въ состояніи упевити ей долю! Ахъ куда все тое поведетъ?!...

(Продолженіе слѣдуетъ)

Короткая исторія Черной Горы.

(Конецъ.)

Когда російскій Царь, Петръ Великій, сталъ съ Турками воевати, воззвалъ онъ прежде всего Черногорцевъ, потомъ и прочихъ христіанскихъ Славянъ, дабы низвергли ярмо турецкой неволи. Черногорцы возбу-

рились противъ Турковъ и довели до того, що съ тѣхъ сторонъ ни одинъ Турокъ не возмогъ ставиться противъ Россіянамъ. Когда же Петръ Великій заключилъ миръ съ Турками, выправилъ Султанъ Ахметъ 1712 г. противъ Черной Горы 60.000 мужа. Владыка Данило поразилъ со своими Черногорцами велику сію Османскую силу. Когда потомъ Данило, довѣряючи Туркамъ которы поклялись на бороду Могамета не нападати больше на Черную Гору, пошелъ въ Россію, Турки пользуясь отсутствіемъ его, двинулись снова подъ начальствомъ башы Думана Дичуприлича числомъ до 120.000 мужа противъ Черногорцамъ. Баша Думанъ позвалъ хитрымъ способомъ больше 30 черногорскихъ начальниковъ къ уговору, задержалъ ихъ у себе и велѣлъ убить; потомъ же ударилъ опъ на народъ вонцовъ своихъ лишенный со всею огромною силою. Къ тому помагали еще Туркамъ неблагодарныи Бенатчане. Тогда вдержались Турки во внутрь несчастливаго края, и розносили по немъ смерть и разрушеніе; въ короткомъ однакожь времени повернулъ Владыка Данило, сгромадилъ народъ свой и прогналъ всѣхъ Турковъ, которы вселились были уже въ нѣсколько городахъ Черной Горы. За того Владыки было много кровавыхъ борбъ съ Турками, которы однакожь не змогли завладѣти черногорскимъ краемъ. Года 1716 поражены были Турки на голову и бѣжали безъ отдыха въ свояси; г. 1717 помагали Черногорцы Бенатской републицѣ; г. 1727 побили башу Бечира; 1739 отнесли жители одного только повѣта Кучи побѣду надъ Махмутомъ Беевичемъ; 1750 сбили герцоговинскихъ и боснійскихъ Турковъ; потомъ вошелъ снова боснійскій везиръ съ 40.000 мужа въ край черногорскій, но и тогда не повелось ему, 60 Черногорцы плѣнили много босній-

скихъ беевъ (турецкихъ начальниковъ) и вымѣняли ихъ потомъ за свиней. Когда Стефанъ Малый съявился на Черной Горѣ, ударили на край тотъ три турецкіи везиры съ неизмѣрнымъ войскомъ — Черногорцы подають число Османского войска на 180.000 мужа. И Бенатчане связались съ Турками. Стефанъ Малый выданася за російскаго Царя, и съ той причины доминивались Турки и Бенатчане що онъ отбереть такъ однихъ икъ другимъ всѣ, подъ ихъ владѣніемъ находящіися сербскіи области. Для того впа-ли они по взаимному уговору съ такъ огромною силою на Черную Гору; однакожь и теперь были побиты и оттягли съ великою потерою изъ поля жаркой битвы. Г. 1785, въ то время, когда Владыка Петръ I. пребывалъ въ Россіи, вдержались они снова въ край черногорскій. Подкунивши громи простыи народъ на пограничии, загнались ажъ подъ Цетинье и сналили тамже монастырь. И тѣмъ разомъ не долго гостили они на Черной Горѣ; не прошло три лѣтъ — а Владыка Петръ ударилъ съ Черногорцами согласно съ волею Россіи съ нѣсколько сторонъ на Турковъ и прогналъ ихъ за родными горы. Г. 1769 напалъ Махмутъ, баша Скадерскій, на Бердинъ (Горинъ), но былъ побѣжденный и самъ покрылся ранами. Тойже баша, который отторгнувшись отъ Султана, и преслѣдованный за то по не покоренный тремя везирами, выступилъ по другій разъ противъ Черногорцамъ г. 1796 съ 34.000 мужа, однакожь Черногорцы — числомъ 5 — 6000 мужа — привели не преодоливое войско его на Лешкополь 22 октобрѣ въ бѣгство съ такимъ успѣхомъ, що и его самого поймали, тѣло его спалили и голову и саблю занесли въ Цетинье, где донынѣ крыются они во память блестящей побѣды. Г. 1798. вознамѣрили Турки, немогше ничего сдѣлать оружіемъ, покорити Черную Гору ле-

стію. Прирекли они Черногорцамъ уступить Зету и Зетскіе города, если тіиже признають надъ собою власть турецкого Султана и во знамя своего подданства отставятъ ему 300.000 окъ (ока - 2½ австрійскихъ фунтовъ) волны. Владыка Петръ не хотѣлъ о предложеніи семъ ничего и чути лише отослалъ Вуича, Поляка, который предложеніе оно принесъ отъ Султана, назадъ до Цариграда. Во время французской войны ударили Черногорцы по уговору и въ союзъ съ Россією на Турковъ въ Герцеговинѣ съ одною а на Французовъ въ Боснѣ Которской съ другою стороны, и выгнали послѣднихъ изъ Боки и съ Дубровницкаго повѣта. Тотъ повѣтъ уступили они по заключенномъ мирѣ и на желаніе Царя Александра Австрій. Борьбы съ Французами яко и съ Турками были ужасны.

Г. 1821 въ Апрѣлѣ напалъ Боснійскій везиръ на Черную Гору, намѣряючи отторгнути отъ неѣ Морачу; былъ однакожъ побѣжденъ. Г. 1829 заключили Турки съ Черногорцами уговоръ, яко съ независимымъ народомъ. О зависимости Черногорцевъ нема и наименьшого слѣду въ цѣлой ихъ исторіи. Они вели съ Турками г. 1832 войну, которую сами розпочали. Корысти не было тогда ніякой ни на одной ни на другой сторонѣ. Г. 1834 ударили на Жаблякъ, отняли Туркамъ двѣ пушки, крѣпость же саму отъ части розрушили. На одной съ тѣхъ пушокъ стоитъ написано: „Когда 1834 года побѣдоносные Черногорцы на Жаблякъ ударили, илѣнили мене старина и привели на Цетинское поле.“ Г. 1842 боролись они съ Арбанасами, которые хотѣли завоевати Блочнопавичи, но были поражены. Г. 1844 ишелъ Мостарскій везиръ Сточевичъ противъ Грахову, но Черногорцы стрѣтились съ нимъ на пути и принудили къ заключенію пере-

мирья, по которому одна половина Грахова досталась Черногорцамъ а другая присоединена была къ Герцоговинѣ. Тогда отняли Турки два острова (Вранину и Лесандру) на Скадерскомъ озерѣ, которые то острова были въ то время безъ сильной защиты. Упокоившійся передъ двома годами черногорскій Владыка Петръ Петровичъ Нгошь не былъ въ состояніи ихъ пазадъ отобрати.

Тутъ исчислили мы важнѣйшіи битвы между Черною Горою и Турками; про ины меньшіи борьбы даже не вспоминаемъ, скажемъ только, що почти не было дня на Божиємъ свѣтѣ, абы не случилась якая битка между тими двома народами.

ИЗВѢСТІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ

— Ученый *россійскій* писатель г. В. М. Ундольскій открылъ въ одной старой книжцѣ старинную пѣсню, которую нарекъ: „Слова о великомъ князѣ Дмитрію Изясловичу и братѣ его Владиміру, якъ побѣдили врага своего царя Мамал.“ Открытіе тое есть тѣмъ важнѣйше, понеже подтверждаетъ подлинность „Слова о плѣху Игоревѣ“, сказано бо тамъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ о пѣсняхъ *Боима*, который воспѣвалъ славу Игорю Рюриковичу, Владиміру Святославичу и Ярославу Владиміровичу, князямъ Кіевскимъ, къ тому же многіи изреченія и поговорки дуже схожденны съ изреченіями „Слова о плѣху Игоревѣ“ иногда даже слово въ слово тѣ же самыя. Ученый *Блассе* думаетъ, що новозобрѣтенная пѣсня сія принадлежитъ къ началу XV. столѣтія, когда битва на Куликовскихъ поляхъ была еще въ живой памяти.

(Заключеніе преподаваемыхъ предметовъ въ теченіи лѣтнего полгодія 1853 на Львовскомъ Университетѣ.)

41.) Практическіи упражненія относительно къ старинной исторіи въ филологично-историческомъ сѣмьницѣ, тотъ же 2 часы.

42.) Высшую педагогику, именно о образованіи чувства и воли, заступ. учит. *Маликовскій* 2 часа.

б) *Предметы математичні и природонауки.*

43.) Высшую мат. анализисъ, преподаеть проф. *Лемовъ* 4 часовъ.

43.) Стихи алгебры, тотъ же 4 часовъ.

45.) Физику экспериментальную для учительскихъ кандидатовъ проф. др. *Пьерре* 3 часа.

46.) Общую теорію силъ, дѣйствующихъ въ отворотномъ отношеніи квадрата розтояній, тотъ же 2 часа.

47. О отношеніи науки діамнетизма къ науцѣ о магнетизмѣ и электричности. приватный доцентъ др. *Урбанскій* 1½ часа.

48.) Исторію натуральную (цѣлостловіе), проф. *Лобаржевскій* 5 часовъ.

49.) Прогулки въ ботанической цѣли два раза въ недѣлю тотъ же.

50.) Исторію натураральну (звѣростловіе), проф. др. *Шмидъ* 5 часовъ.

21) Практично зоологическіи упражненія, тотже 1 часъ (безплатно).

52) Житіе звѣрей, тотъ же 1 часъ.

53.) Общую химию неорганическихъ существъ, проф. *Плещъ* 5 часовъ.

54.) Аналитическую химию, тотъ же 9 часовъ.

55.) Химию скотскихъ и человѣческихъ живнотей, тотъ же 5 часовъ.

б) *Предметы языковедчи.*

56.) Греческую синтаксисъ, преподаеть проф. др. *Кергель* 3 часа.

57.) Бесѣда Цицерона за Милономъ, тотъ же 2 часа (безплатно).

58.) Илиаду Гомера тотъ же 2 часа (безплатно)

59.) Югурту Салустія, тотъ же 2 часа совокупно съ выкладою наукъ филологическихъ яко упражненій филологично-исторического сѣменща, тотъ же 2 часа (безплатно).

60.) Нѣмецкій языкъ совокупно съ практическими упражненіями, проф. *Глозь* 3 часа (безплатно).

61.) О Фаустѣ Гета ч. II, тотъ же 2 часа.

62.) Сровнительную грамматику *русского языка*, а именно видостловіе, проф. *Головацкій* 1 часъ.

63.) Исторію *русской словесности* отъ XII до XVI вѣка, тотъ же 2 часа (безплатно).

64.) Теорію *поэзіи*, и *краснореч.* тотъ же 2 ч.

65. Приготовленіе къ практичной грамматикѣ еврейского языка, приватный доцентъ др. *Игель* 1 часъ.

66.) Изъясненіе книги Кусари, тотъ же 2 часа.

67.) Изъясненіе книги Иереміи, тотъ же 1 часъ.

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЕЛЬНЫЯ И ГОСПОДАРОКІЯ.

— *Теплолодь Ериксона.* До сего времени употреблялись къ плаванью кромѣ обыкновенныхъ людей, кораблей и пр. такожъ паровыи лоды; но теперь прибудеть къ тому же употребленію еще одинъ родъ корабля, о якоу до сихъ поръ никому нежесть и не снилося; есть то *ново изобрѣтенная теплолодь Ериксона*, который за движимую силу своей лоды употребилъ вмѣсто водной пары *самъ только теплый воздухъ*. Англійскіи Новины возвѣщаютъ, що дня 3 януарія отбылась первая, а 11 тогожъ мѣсяца с. г. другая проба въ морской пристани мѣста Нью-Йорка, и обѣ повелись дуже хорошо. Мы подаемъ тутъ ч. читателямъ нашимъ о новомъ изобрѣтеніи семъ столько изъясненій, сколько сами знаемъ. И такъ, движимою силою оной лоды есть розогрѣтый воздухъ. О дѣлательности тойже силы нежесть и въ каждой хатѣ найочевидѣйше исресѣачитися. Если возьмемъ *полумадутий свинскій мѣхуръ* (пыхирь) завяжемъ и положимъ на теплоу печи; увидимъ не задолго, що мѣхуръ надуся; если же полегитъ тамъ долше то иногда и *пунитъ*. То справляетъ воздухъ, черезъ теплоу въ высшей степени розтягнутый и напаятый.

Для движенія лоды или машины употребляеться *Ериксономъ* туюже силу теплого воздуха, при чемъ не только *дѣл третины* дровъ можно зашадити, но и отстраняеться совсѣмъ оно небезпеченство, яко иногда случается при паровыхъ котлахъ, се есть: розрывъ тыхъ же котловъ. До сего времени не могли паровыи лоды пускаться въ путь на великій „Тихій океанъ,” понеже не могли брати съ собою столько уголя, сколько нужно было употребити, абы доплыти до найблизшого мѣстия на суши; но теплолодь Ериксона набереть столько палива, що нежесть безъ отпочинку изъ Англій плысти до 5 части свѣта, до *Австраліи*. Сія *теплолодь* есть 250 стопъ долга, 40 стопъ широка, 26 глубока и унесеть 38,000 нашихъ центнаровъ. Она переплыветь въ теченіи одного часа 9 — 10 миль противъ вѣтру, и скорость таа дастся побольшати черезъ поднесеніе теплоты. Найзачтательнѣйшая часть машины есть такъ званный *regenerator*, т. е. онаа часть, где теплый воздухъ, по исполненіи своего содѣйствія, охоложается. Состоитъ она изъ 200 тонкихъ, доротяныхъ свѣточокъ, сложенныхъ одна по надъ другою. Доротки тыхъ свѣточокъ суть такъ тоненьки, що въ пѣломъ регенераторѣ находится изъ

100 миллионовъ. Тутъ, середь дорогинныхъ съточокъ охолодитя теплымъ воздухомъ какъ найскорше, що для порушенія машини конечно есть нужно. — Однѣ изъ найславнѣйшихъ испытателей природы извѣстнаго вѣка, г. Морсе, изобрѣтатель чудовыхъ, *электрическихъ телеграфовъ*, присутствовавшій онымъ пробамъ, сказалъ при томъ случаю, що отъ изобрѣтенія книгопечатанія онъ не знаетъ *наимнѣйшаго* вынайденія для добра человечества, какъ *теплолодь Эриксона*.

— Великое вниманіе обратили на себе въ Англіи новыи *электрическіи палочки*, которыми продаются въ тамошнихъ купеческихъ лавкахъ. Тѣ палочки содержатъ въ себѣ гальваническую машинку, и если однимъ концемъ ударится о якое твердое тѣло, на пр. о камень, выдаютъ они изъ себе ясное, далеко сходящее свѣтло, и такъ употреблены быти могутъ въ ночи не только для подпоры и охоронки, но также яко, лампы!

В С Я Ч И Н А.

— Замѣчанія достойно есть оно согласіе дать современной исторіи, що изъ владѣющихъ нынѣ въ Европѣ трехъ Цѣсарей, каждый вступилъ на престолъ державный для 2 Декабря. Такъ Царь Николай вошелъ на престолъ 2 Декабря передъ 27 лѣтъ, нашъ всемилостивѣйшій Цѣсарь Францъ Іосифъ тогоже дня передъ 4 лѣтъ, а Цѣсарь Л. Наполеонъ тогоже дня минувшаго года.

— Въ г. 1852 спотребовано въ цѣлой Австріи: табаки 64,712 центнаровъ (!), тютюну 504,437 центнар., сигаровъ австр. 635,783,648 штукъ, сигаровъ заграничныхъ 9,060,005 штукъ. Табаки больше употребляютъ въ Тиролю, тютюну больше въ Солноградъ, сигаровъ въ нижнихъ Ракусахъ и въ Терствѣ. Наименше табаки употребляютъ въ Уграхъ и въ сосѣднихъ краяхъ въ Семиградъ, на Буковинѣ и Шлезску, тютюну наименше въ Венецкомъ ко-

ролевствѣ. Наша Галачина всего употребляетъ въ середной мѣрѣ.

— Въ волнахъ американской грядки Миссисипи утонуло въ теченіи минувшаго года семьдесятъ осемь паровыхъ кораблей! При случаю майже кождо-го затопленія погибло по нѣсколько людей! Такая неосторожность случается только въ Америцѣ, где какъ извѣстно всѣ паровыи машины имѣютъ въ два и три разы большую скорость немѣ въ Европѣ.

— Просторонь города Лондина обймасть с. г. уже 114 квадратныхъ английскихъ миль. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ обоямали старинныи города Вавилонъ и Ниниве перовъ 225, второе 216 квадрат. англ. миль просторони. Такимъ дѣломъ были они почти въ два разы такъ великии какъ Лондинъ!

— Въ г. 1853 отбудутся въ Россіи слѣдующіи торжественныи рочнипы: 150 лѣтняя во память заведенія флоты на Балтикомъ морю г. 1703 — и заложенія Петербурга, 16 мая 1703 г. — 100 лѣтняя рочница уничтоженія внутреннихъ линій, и пловыхъ коморъ въ рос. державѣ, 20 грудня 1753. г. — 50 лѣтняя во память оглашенія новыхъ статутовъ царской академіи наукъ 25 липца 1803. г. — Первого путешествія вокругъ свѣта Россіанами предпріятой въ 1803 г. — Заведенія институту св. Катерины въ Москвѣ, 1803 г. — Присовокупленія Мингрелии къ Царству 2 грудня 1803. г. — 25 лѣтняя заключенія мира съ Персією въ Туркманчау 10 лютого 1828, въ слѣдствіе которо-го Канаты Бривану и Накичевану присовокуплены zostали до Россіи. — Заведенія вышшаго институту педагогичнаго 30 вересня 1828. —

И С П Р А В Л Е Н І Е.

Въ 3омъ числѣ Зори Галицкой случилась на сторонѣ 33 въ 20 ряду ошибка, которую исправить просимъ вѣсто „сказала Аналія“ на „сказала Наталія.“

(Слѣдуетъ Прилога Поученій Церковныхъ Число 4)...

Изданіемъ и типою Института Ставропигіанскаго.
Отвѣтательный Редакторъ Іоаннъ Гушалевичъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается въ Среда два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверьочно получить платятъ въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ЖЕНА.

(Романъ по Гейне)

Такъ страстно двое любилось людей,
Она ледяно была, онъ злодѣй;
Що онъ украсть, она скрывала,
Тѣшилась тѣмъ и хохотала.

Ночи и дни такъ сладко имъ текли!
Однажды словилъ его и вѣли
Въ тюрьму: она въ окнѣ стояла,
Смотрѣла за нимъ и хохотала.

Съ тюрьмы сказати велѣлъ онъ жепѣ:
„Прійди моя мила, прійди ко мнѣ,
Я гибну отъ тоски!“ Она покачала
Головою и хохотала.

О шестемъ рано стяли ему лобъ,
О семомъ тѣло сокрыли во гробъ.
Онажъ о осюмъ ужъ гостей пріймае,
Вино пила и — хохотала!

Б. А. Д.

ОТЪ СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМИСИИ.

Отъ остатного оголошенія загальныхъ складокъ на Храмъ Господень и домъ народный во Львовѣ въ Числѣ Зори 60. зъ р: 1852. вплынули новыи жертвы, которыи до вѣдомости всенародной подаемъ. Значительна жертва честного и преподобного Господина Петра Мединского, приходника въ Ягол-

ници старой, выносяща 3.000. зол: ринс: ср. выказана уне въ Ч. Зори 84.

Кромѣ тыхъ вплынули отъ остатного шипи до 1. листопада т. р. слѣдующимъ жертвы:

1) Всечест. и Высокопреп: Господинъ Оберъ Хомѣнскій, Намѣстникъ Бобрецкій, надзыратель школь народныхъ и приходникъ въ Миколаснѣ, жертвовалъ отъ себе самого 100. р. с.

2) Тойже самъ прислалъ собрану складку зъ Миколаева и Подсоснова 105 р. ср. зъ Гринева 33. рс: 13. кр. зъ Подяркова 15. р. ср. — разомъ 153. р. 13. кр.

3) Честный и преп. Господинъ Винкентій Лѣсенецкій, приходникъ Оугриня и Залѣси, прислалъ 25 рс. 45. кр.

4) Всеч: и Высокопреп: Господинъ Алексей Мойсевичъ крилошанинъ, намѣстникъ Залозецкій, надзыратель школь народныхъ и приходникъ въ Милнѣ. жертвовалъ отъ себе 20. р. ср.

5) Вс. Г. Менѣвскій Іоаннь. пр. професоръ гимназіяльный въ Перемышли. 1. рс. ср.

6) Вс. Г. Меруновичъ Клементъ, професоръ гим. въ Тернополи. 1. рс. ср.

7) Вс. Г. Свнкевичь Іоаннъ, приходникъ Любина, округа Перемыского 5. рс. ср.

8) Чест. и Преп. Госп. Трохлинскій Іоаннъ, приходникъ въ Искани, Намѣст. Бѣрецкого, собиратель на 3. приходы 24. рс. 30. кр. ср.

9) Чест. и Преп. Госп. Алексевичь Юліанъ, поднамѣстникъ и приходникъ Устрицкій, прислалъ 37. рс. 40. кр. ср.

10) Чест. Господ. Петрашевичь, капелянъ Снкова, Золочевского округа, собралъ 10. рс. 40. кр. ср.

11) Чест. и Преп. Господ. Михайль Керекярто, приходникъ въ Липѣ и книгохранитель Намѣст. Бѣрецкого собралъ 18рс. ср.

12) Всеч. и высокопр. Господинъ Воеводка, намѣстникъ Жуковскій и приходникъ Обертына, собралъ 31. рс. 30. кр. ср.

13) Чест. и преп. Господинъ Антонъ Здерковскій, приходникъ Товстого и собиратель Намѣстнической прислалъ 90. рс. 4. кр. ср.

14) Всеч. и высокопр. Господинъ Іоаннъ Козловскій, Намѣстникъ Городенскій, прислалъ 128 рс. 30. кр. ср.

15) Всеч. и высокопр. Господинъ Михайль Бьельецкій, Намѣстникъ Городецкій и надзиратель школь народныхъ прислалъ 6. рс. ср.

16) Честни и достохвальни громады въ Лучичи и Шарпанцехъ Жолковского округа прислали 85. рс. 30. кр. ср.

17) Честный и препод. Г. Мартинъ Прокоповичь, приходникъ Сушна и Ордова 51. рс. 4. кр. ср.

18) Честный и препод. Господинъ Михайль Козловскій, приходникъ Утѣшкова 14. рс. 4. др. ср.

19) Всеч. и высокопр. Господинъ Лопатинскій, намѣст. Богородчанскій и надзиратель школь народныхъ 86. рс. ср.

20) Всеч. и высокопр. Господинъ Грабовичь Андрей, собиратель нам. Збаражского, приходникъ Любянокъ 148. рс. 9. кр. ср.

21) Всеч. и препод. Господинъ Теофиль Павликовъ, приходникъ Бережанъ и собиратель Намѣстнической прислалъ 35 рс. 36. кр.

22) Чест. и достохвальни громады Сласова и Перватына округа Жолковского зложили и привезли 195. рс. 30 кр.

23) Чест. и препод. Господинъ Іоаннъ Квагницкій бывшій довр. Намѣстникъ, парохъ въ Буску зложилъ собравши въ Намѣстничествѣ жертвы 107. рс. 34 1/2 кр. ср.

24) Чест. и преп. Господ. Аваназій Волошиновичь, приходникъ Кролики Волоской округа Сяноцкого прислалъ 5. рс 24. кр. ср.

25) Ч. и преп. Г. Михайль Яцковскій, приходникъ Жукова зъ Жук. и Ремизовець 6. рс.

26) Чест. и преп. Госп. Штокаль Алексей. капелянъ Стремильча собралъ 5. рс. ср.

27) Благородный и высокодост. Госп. Щербиньскій Петро прислалъ собрану въ Ришовѣ складку 48. рс. ср.

28) Благородный и достохвал. Госп. Дроздовскій Теодоръ, правитель школы головною въ Кентахъ жертвовалъ 2. рс. ср.

29) Всеч. и высокопре: Господинъ Шведицкій Намѣстникъ и приходникъ Львовскій зложилъ зъ Дмитровичь и Сороки 11. рс. ср.

30) Всеч. и высокопр: Господинъ Алексей Мойсеовичь, крилошанинъ, Намѣст. Залозецкій и приходникъ въ Мильнѣ прислалъ зъ Мильна собрани 3. рс. 30. кр. ср.

31) Честный и препод: Господинъ Іоаннъ Волянскій, приходникъ Чернева собралъ въ Черневѣ 34 рс. 39. кр. ср.

32) Всечест. и высокопрепод. Госп. Терентій Сметана, Намѣстникъ Олескій, школь народныхъ надзиратель и приходникъ въ Туремъ собралъ въ Туремъ 100 рс. ср.

33) Н: Н: зъ Винограда не хотящій имене своего изъявити жертвовалъ на домъ народный 50 рс. ср.

Подаючи сіе до общою вѣдомости комисіа примѣчае що:

а) всечестніи и высокопреподобніи Господинове Хомбнській, намѣстникъ Бобрецькій и крилошанинъ Алексѣй Мойсеовичъ уже многократно щодрогси своей и ревности о добро народне явны дали доказы. Уже попередно взирали дѣланія рады головної якъ долго тая существовала, а теперъ неустаютъ такъ собственными датками яко и вліяніемъ своимъ на собратію и соотничей дѣланія и трудъ комисіи сильно вбирати; що б) честный и преп: госп: Здерковскій Антоній собиратель намѣстничества Скалатского занялся ревн. собираніемъ складокъ; що в) всечестніи и высокопреподобніи Господинове Воеводка намѣст: Жуковскій, Козловкій Намѣст: Городеньскій; Лопатинскій Богородецкій; Павликонъ Собиратель Намѣст: Бережаньского и Шведзицкій Намѣст. Львовскій уже многократно значительными прислали складки; що г) всечестное и достохвальное духовенство Намѣстничества Бѣрецкого такожъ дуже ревно занимается собираніемъ складокъ: що д) честныи громады Лучичи и Шарпанць, Спасовъ и Первятынъ, не токмо значительныи сложили жертвы, но тѣи подъ проводомъ ревныхъ и достойныхъ своихъ душпастырей Или Мидзиньского приходника Лучичкого и Даміана Магурского умыслными высланниками честными газдами: Іосифомъ Придатокъ и Теодоромъ Дѣгай провѣзоромъ Лучичкимъ и Іоанномъ Сѣдъ, провѣзоромъ Первятынскимъ и Иліемъ Куликъ провѣзоромъ Спасовскимъ комисіи заслали; при которой то способности тѣи честныи высланники цѣлу фабрику старанно оглянули, и величавостію поднятого предпринятія любовались; е) що честное и достохвальное духовенство Намѣстничества Збараньского и Буского не осталось бездѣльное але за примѣромъ собратій и содѣлателей заняло ся такожъ

съ многонадежною ревностію собираніемъ складокъ и що ж) и въ сторонахъ граничныхъ Руси Галичской живутъ мужи чувствующій сильно движеніе Русиновъ на дорозѣ вѣры и просвѣщенія.

Тое увѣреніе, що усилія комисіи попрають мужи съ сильнымъ и незломнымъ духомъ и постоянною волею, ободряя комисію до дальшого дѣланія и укрѣпленія до вѣры, що съ упованіемъ въ Божѣ всѣ препятствія, которіи доси утрудняли тое общенародное предпринятіе усунутся, а комисія въ состояніи будетъ распочатое дѣло до совершенія довести.

Комисія не залишаетъ такъ жертвующимъ яко и собираніемъ жертвъ трудящимъ ся свое искренное благодареніе изъявити, и до дальшого ревного содѣланія просити.

Отъ комисіи предстоящей справамъ создаемого дома народного и другои городскомъ церкви во Львовѣ дня 7. (19) лист. 1852

*Кузьемскій.
Предсѣдатель.*

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

*рускій приходникъ изъ Соломянки.
Повѣсть, кимъ самымъ написанна.*

ГЛАВА ОСМАЯ.

Другого дня рано посѣтилъ насъ снова Панъ Раевичъ, и отъ того времени вступалъ онъ до насъ почти що другій вечеръ. За всякимъ разомъ приносилъ онъ то нечъ то женщинамъ книжки до читанья. И той гостинъ его, такъ часто повторяемой, былъ я для нѣкихъ причинъ не дуже радъ. Хотя бо разговоры, съ нимъ веденныи, были вельми пріятныи; хотя онъ такъ пріязно и охотно помагалъ намъ въ домашной господарцѣ; однакожь надто великая приклонность его къ моеи Аналіи казалась менше

совсѣмъ пригожою. Мимо того, милое обхожденіе его прилягало чинъ разъ больше до сердца моея родины, и я самъ съ каждымъ днемъ привязывался къ нему чинъ разъ больше.

Однажды, укончивши работу нашу на добрый часъ передъ западомъ солнца, пошли мы всѣ разомъ за огородъ въ любимое наше пристанище подъ четырьма березами. Моя Амазія завела рачъ про Основаненька „Марусю.“ котору спми дни съ великимъ читала замшлованіемъ.

„Есть то найкрасная цвѣтка пзъ украинскихъ степей.“ сказалъ Раевичъ, она розвилась подъ пріятнымъ небомъ русской Италіи, куда влекутъ насъ воспоминанія дорогой старины; въ томъ краѣ, где когда то роздольно гуляли Козаки; въ краѣ чудныхъ дужъ и сердечныхъ, тужливыхъ псней!”

Я подтвердилъ мнѣніе Пана Раевича касательно Маруси, котору всегда уважалъ за наилучшую повѣсть, яку доселѣ произвела не только Украина, но и вся Русь Малая. Сожалѣлъ однакожь надъ тѣмъ, що вся новая украинская словесность заключається только въ сказкахъ, повѣстяхъ и псняхъ; и не смотря на то що въ Кіевѣ писалъ Несторъ и ины славныи дѣлатели старинной нашей словесности; новѣйшіи украинскіи писатели не старались обогащати простонародный языкъ свой неизчерпаемымъ сокровищемъ старорусского, не тщались сдѣлати его соотвѣтнымъ вышнему требованію нынѣшного просвѣщенного вѣка. И того ради не появилася на Украинѣ дотоль ни одна вѣдомственная книга, ни одинъ вышестепенный учебникъ, съ той только, думаю, причины, понеже украинское нарѣчіе, переходило лпшь простолудинномъ испорчено къ тому вліяніемъ соседного, не подасть уже нынѣ само собою словъ къ высшимъ понятіямъ.

„Хотя много правды въ томъ вашемъ замѣчаніи, достойный Отче.“ отрекъ Раевичъ, „однакожь я, яко преданныйшій любовникъ всего, що касается Украины, боронити ю долженъ передъ вами. Украина сдѣлала уже такъ много для словесности и общего просвѣщенія, що желати отъ ней больше не можно. Въ старину былъ Надднѣпрянской край средоточіемъ всего образования и могущества Руси; къ сожалѣнію, благосіятельное свѣтло Кіева потухло вскорѣ подъ насиліемъ Монгольскихъ дикарей. Но въ другой половинѣ средовѣчія возсіяла Украина свѣжимъ блескомъ славы и просвѣщенія; ретивыи сердца Козаковъ защищаютъ милую отчину, отъ вліянія и пагубства Литовцевъ и Поляковъ, а меже тѣмъ Бурсаки Кіевскіи засвѣвають широкое поле Руси смѣлами умвнія и благочестія. Украина, столь вѣковъ борющаяся за свой бытъ, за вѣру праотцевъ, истощилась наконецъ совершенно, и въ груди ей остала только великая тоска и глубокий жалъ за погибшую свободу, которыи иногда вырывался пзъ подъ сердца тяжкимъ вздохомъ и тужливою пснью. Къ тому выдала Украина довольно знаменитыхъ людей, заслужившихся въ новѣйшее время и у своихъ сосѣдовъ. Помяну только про Богдана Залеского, Гощинского, Максимовича, Срезневского, Бодянского, а сколько еще прочихъ! Ото, великіи заслуги и подвиги Украины, котора поле умствования радо уступаетъ Галичанамъ, придерживая собѣ всегда пѣти на свой прекрасный ладъ и пѣніями своими восхищати племена сосѣдственныи. И такъ: да вѣчно поеть Украина, а разумють Галичане.”

Я ничѣмъ не могъ опровергнути рзкихъ доказательствъ приведенныхъ во оборону Украины Паномъ Раевичемъ, и призналъ ему неоспоримую правду.

Дабы помилку нашу объ Украину ныншнього вечера достойнымъ образомъ уванчати, просилъ я Раевича, чтобы заспѣвалъ намъ яку украинскую пѣсню. Онъ не давалъ долго проситися, только взявши гитару и перегравши искусною рукою отвѣтнй напѣвъ, сталъ спѣвати Пугача:

Ой сталъ пугачъ на могилѣ
Тай гукнуль онъ: пугу!
Чи не дастъ Богъ Козаченькамъ
Хоть теперъ потугу.

Що день, що ночь усе ждемо,
Поживы не маемъ:
Давно была! про Липаровъ
Уже не сгадаемъ!

Ой колнсь мы восвали,
Та больше не будемъ;
Того счастья и той доли,
По вѣкъ не забудемъ.

Та вже сабли поржевали,
Мушкеты безъ курковъ:
А ще серце Козацкое
Не бонтя Турковъ!

Пѣснь тая и голосъ Раевича подобалнсь мнѣ такъ дуже, що я просилъ его, дабы повторилъ хотя послѣднюю строфу; онъ сдѣлалъ тую милость, но потомъ стали снова дѣвчата понуждати его, чтобы воспѣлъ нѣкую и для нихъ пѣсню. Такъ и взялъ гитару, и при сумномъ ея созвучіи пѣлъ слѣдующую балладу:

Свободно — якъ птичка — жилъ молодець
Безъ пѣли, безъ собственной хаты;
Отъ давна не зналъ онъ що мати, отецъ,
Що сестры и братьи и сваты.
Съ тоскою въ груди и съ пѣснью въ устахъ
Онъ долго по свѣтѣ блукался;
Никто его тоски не понималъ въ словахъ,
Надъ пѣснью всякій ругался.

Но была младая дѣвица одна,
Що радо его слухала,
И мило смотрѣла на него она,
И пѣсню его понимала.

„О дѣвичко красна,” сказалъ онъ до ней,
„Меню не слухай такъ страстно:
Бо влюбишься въ пѣсни умной моей,
Полюбишь мене, но несчастно.”

„Извецъ я убогій — безъ родины — самъ,
Якъ соколъ въ степи одинокій;
Якъ нищій скитаюсь по чужимъ странамъ
И свѣтъ обхожу я широкій.”

„Я не желаю любви твоей;
Когда бо мене ты полюбишь:
Разбудишь мученя въ груди моей,
И жизнь молоду свою стубишь!”

„О дѣвичко красна не пробуждай
Моихъ терпѣній на ново;
Жалвій надо мною лише — и подай
На отходъ ласкавое слово!”

А що отрекла дѣвица ему,
Що дальше случилось, — не знаю;
Якій тамъ конецъ колнсь будетъ тому,
Поздѣйше о томъ заспѣваю....

Содержаніе пѣсни той и глубокое чувство, съ якимъ произносилъ онъ всякій стихъ, казали доминватися, що она была собственнымъ его твореніемъ. Мы сидѣли еще долго въ непрерывномъ молчаніи, якъ бы хотѣли сами догодатися конца прорванной баллады. При томъ случаю взглянулъ я на Амалию, и узрѣлъ слезы въ очахъ ей!

Наше молчаніе перервалъ намъ Федорій, который послѣднимъ прибѣгъ возвестити намъ, що захалъ до насъ въ гости приходникъ изъ Верховинки съ двома паничами. Чимъ скорше поспѣшили мы ннъ на встрѣчу. Сосѣдъ мой поздоровившись съ нами, представилъ своихъ сопутниковъ яко укомченыхъ Богослововъ, изъ которыхъ одинъ былъ его сродникъ, а другій сынъ его старого друга, наместника на Подолію: Потомъ сталъ извинятися, що такъ поздно къ намъ захалъ, вертая бо изъ Львова коня его занемогъ въ дорожѣ, и не можно ему нннъ дальше захати; такъ и принужденъ про-

снѣ у насъ ночьюгь хотьбы где ни будь въ стоюла.

Я изъяснилъ свою радость надъ ихъ прибытіемъ и просилъ въ комнату где они вскорѣ розгостились. Тутъ представилъ я молодымъ Богословамъ мою родину и Пана Раевича, котораго Подолянинъ поздоровилъ яко своего знакомаго изъ Львова.

Оба молодые гости были якъ обыкновенно наши юныи Богословы несмысли и маломовны; но за то говорилъ много жартобливый сосѣдъ изъ Верховинки; иногда заговаривалъ онъ и про мой дорогоценный товаръ, съ которымъ я будто нигде не показуюсь, а только якъ скупецъ золото крыю его въ своей хатѣ. Дѣвчата мои румянились при тыхъ словахъ дуже, но мимо того старались показати и миною и словами, будто они все ихъ не понимаютъ.

Такии и тымъ подобными жарты моего сосѣда возбудили радость въ цѣломъ нашемъ обществѣ; а только Панъ Раевичъ казался быти не совсѣмъ веселого расположенія и часто поглядывалъ то на Аналію, то на молодыхъ гостей.

Потомъ, видя общую радость и якъ бы не хотѣти ей печалію своею мѣшати, попращался съ нами, и мимо моихъ усиленныхъ сопротивленій, поѣхалъ уже въ поздний вечеръ домой. Я былъ бы дуже радъ нинѣ его у себе переночевати; новыи гости нѣмъ великую охоту до разговоровъ и забавы; къ тому можно было потомъ еще развеселитися пѣніемъ, особливо, когда нашлося больше мужчинъ, а до того Русиковъ. Все тое представлялъ я Раевичу, но онъ упорно стоялъ при своемъ и опустилъ веселый нашъ кругъ. О несчастливый друже мой, сколь люблю тебе, — и сколь сожалею, що не могу ничѣмъ помогчи тебѣ!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Не обманулась моя Тетянина, сказывая мнѣ вчера вечеръ по тихоньку, що молодыи гости приѣхали нарочно ради дѣвчатъ нашихъ. Еще бо вчера намекалъ честный сосѣдъ изъ Верховинки жартобливо о моихъ дорогоценныхъ товарахъ, съ которыми я будто крыюсь; другого дня далъ онъ срозумѣти мнѣ, що если я самъ полньююсь возити мебли свои по сосѣдамъ, то добрыи люди ти могутъ отомстити мнѣ за оно преступленіе въ такой способъ, що самы привезутъ знатокѣвъ и любовниковъ на вышереченныи мебли, которы, по его мнѣнію, чимъ долше стоятъ въ нашей хатѣ, тымъ больше упадаютъ на своей цѣнѣ.

Ти слова открыли мнѣ надто ясно цѣль, для какой привезъ онъ до насъ молодыхъ Богослововъ. Хотя конь его поздоровѣлъ на другій день значительно, однакожь онъ самъ а еще больше молодцы не оказывали наименьшой охоты поспѣшати до Верховинки, тожь и мы радовались гостинію ихъ чрезвычайно и задержали у себе до вечера.

Былъ то день для мене дуже пріятный. До полудня забавлялся я съ моимъ милымъ сосѣдомъ, когда межъ тымъ молодыи гости розсмѣялись мало помалу до моихъ дѣвчатъ и завели съ ними веселыи разговоры. По обѣдѣ поишли мы въ нашу паську, где приготовано было выгодное мѣстце для гостей. Они подивлялись порядку и все устроитво моей паськи, и хвалили мене за то яко опытного пчеловодителя.

„Порядокъ той въ моей пасьцѣ;” сказалъ я, „приписитъ славу не только мнѣ, но и Пану Раевичу, который передъ нѣсколькими днями прилжно помагалъ мнѣ въ уставленіи уливъ и цѣломъ внутренномъ ей устроитвѣ. Къ тому сообщилъ онъ мнѣ одну дуже замѣчательную книгу о пчело-

водствъ, котора подава менѣ думку сдѣлать въ пасыца моеи значительныи перемены такъ во пользу пчель самыхъ якъ и мою и моихъ веселыхъ гостей.”

Молодой Подолянинъ, услышавши споминку про Пана Раевича, сожалѣлъ надъ тымъ, що онъ вчера такъ скоро опустилъ наше общество. „Я познакомился съ нимъ во Львовѣ,” продолжалъ молодецъ съ Подоля, „и хотя мое съ нимъ сообщеніе не тревало долго, но оно принадлежитъ къ сладчайшиимъ воспоминаніямъ въ моеи жизни.”

„Кажется,” замѣтилъ я при томъ, „вы такожъ преданный любовникъ русской словесности, и для того сообщеніе ваше съ нимъ яко рускимъ постомъ, было само пріятнѣйшее.”

„Признаюсь,” отрекъ молодецъ, „я стался любовникомъ русской словесности, стался Русиномъ съ тыхъ поръ, якъ позналъ Раевича.”

Я зачудовался надъ тымъ его страннымъ признаніемъ; не могъ бо поняти, для чего нужно было ему ажъ статися Русиномъ, когда онъ, яко сынъ руского священника, былъ Русиномъ уже отъ роду.

Молодой Подолянинъ усмѣхнулся и объяснилъ свое признаніе слѣдующимъ образомъ: „Вы преподобный Отче, — поживая въ сельскомъ уединеніи между самымъ рускимъ народомъ, къ тому переживши юность въ Закарпатской Руси, — и поняти не можете, абы рускіи молодцы, живущіи въ большихъ городахъ Галичины, могли быти чимъ инымъ якъ только Русинами. Русинами надлежитъ имъ быти, но къ сожалѣнію, Русинами не всегда они бывають. И не диво; въ городахъ не поняты люди про Русиновъ; тамъ все идетъ на польскій ладъ. Въ старинномъ руского Льва городѣ нынѣ польское жительство, польская бесѣда, польскіи обычаи. И якъ же дѣтина руской, привезенной туда

родителями на воспитаніе, сообщающейся безъустанно съ горожанками, не приняты изъ которыми ихъ нравы, обычаи, особливо же ихъ бесѣду, котора, яко вътѣ словенского языка, съ нашою столь много имѣетъ подобія? Не дивно, що вліяніе тое и на насъ подѣйствовало. И мы забывали уже языкъ отцевъ нашихъ. Къ счастью, сошелся я передъ двома лѣты съ Раевичемъ; разговоры, съ нимъ веденныи, отворили менѣ очи: я прозрѣлъ, взглянулъ близше въ рускіи книги, понялъ ихъ при его помочи — и возродился тымъ, чимъ сотворилъ мене Богъ, возродился Русиномъ. Жаль только, що таковое возрожденіе рѣдко случается.”

Признаюсь, що зналъ я о спольщеніи рускихъ городовъ, но думалъ однакожъ, дабы оно могло такъ сильно вліяти на рускихъ юношей, именно приготавлиющихся къ Богословскому стану. Я уважалъ по всѣхъ моихъ старыхъ сосѣдахъ, що за ихъ время такъ не бывало!

Послѣ тыхъ разговоровъ бавились еще молодцы съ дѣвчатами на пространномъ подворьи въ обруча, и по добрымъ подвечерку отѣхали съ нашимъ сосѣдомъ до Верховники. Передъ отъездомъ вручилъ молодой Подолянинъ Наталіи вторую часть „Вѣлика,” изданого во Вѣдич. Ивановъ Головацкимъ. Такъ и было снова чинъ забавляться нынѣшного вечера.

Про молодцевъ не говорилъ я съ дѣвчатами ничего, былъ бо увѣренъ, що въ такъ короткомъ времени не могли еще молодыи люди добре познакомитися. Я только самъ въ собѣ утѣшался мыслію, що хоть разъ появились у насъ такіи молодцы, якихъ отъ сердца желалъ видѣти въ нашой хатѣ, которыми чей возмогутъ отвлечь Наталію и даже Аналію отъ пустихъ мечтаній; — и тая мысль наповала мене солодкою надеждою. Съ тыхъ поръ пребывалъ въ

душъ моей нилый покой; но жаль, онъ вскорѣ снова возмущился.

Въ слѣдующую Недѣлю завхалъ до насъ неожиданно Панъ Долинскій съ двома Паними, которые представилъ намъ яко своихъ сестрѣнницы. Мои дѣвчата приступали къ нимъ съ великими почестями, или лучше реку съ великою несмѣлостію. Дамы тѣмъ говорили много, а все съ тѣмъ высокими тономъ, якій употребляется нынѣ на великомъ свѣтѣ. Они стали разводиться надъ пріятностями городского и скукою сельскаго житія; надъ „Вѣчными Жидомъ” и иными твореніями Евгенія Си и Балъзака, надъ нововыдуманнѣмъ способомъ, якъ забывать скуку житія — игрою въ „виста” и пр.

Мои дѣвчата, которые о тѣхъ предметахъ не много знали говорить, сидѣли встыдчась своего несвѣдомства. Мимо того замѣтила одна съ Вельможныхъ Панъ, що наша Наталія отличается красотой и значительнымъ образованіемъ, которое могло бы поднестися еще на высшую степень, кобы только она ближе познакомилась съ великимъ свѣтомъ. Другая додало, що нѣсколькомѣсячное пробываніе во Львовѣ перемежилось бы мою Наталю въ истинну королю салоновъ. Моя жена соглашалась съ ихъ мнѣніями и благодарила за совѣтъ другой сердечно; къ тому прибавила она, що ничего больше не желаетъ, якъ только послати дѣвчата хоть на одну зиму до Львова.

Я не могъ сокрыти мою нетерпимость, и представлялъ достойнымъ гостямъ, що дѣвчата якъ на свой станъ и скудное наше житіе, довольно образованны, и що высшая политура (якъ выразилась одна съ Вельможныхъ) была бы только иронією ихъ убожества и возбудила бы въ нихъ желаніе за такими вещами и увеселеніями, до которыхъ они ниже имѣютъ права.

„И до якихъ увеселеній они не имѣютъ права,” спыталъ Панъ Долинскій. „они, которые столь много увеселеній подати могутъ другимъ? Що мене касается,” прибавилъ онъ, „я имѣю гроши, имѣю достатки; гасломъ моимъ: любовь, свобода и увеселенія; однакожъ, кобы запись половины моего имѣнія принести могла красненькой Панинъ Наталинъ нѣкую радость, най мене чортъ возьметъ, если не сдѣлалъ бы то для ней: и той лишь одной нагороды желалъ бы отъ ней, що бы въ додатокъ сего дару приняла мене самого.”

Такъ не свѣдомымъ не былъ я въ свѣтѣ, дабы не могъ узнати въ словахъ тѣхъ пустое болтанье, за которое подобными людьми стараются укрыти подлоту своихъ замысловъ: но я принужденно утлунилъ свой гнѣвъ и съ видомъ ураженнаго достоинства проговорилъ слѣдующія слова: „Ласкавый Панае! родина, которую вы посѣтити благоизволили, дорожить честью своею не меньше васъ. Всякое покушеніе, дабы славу ей оскорбити, могло бы повлечи за собою опасныи наслѣдства. Честь вельможный Панае, то все, що еще нынѣ нахъ осталось, и тое послѣднее сокровище должны мы беречь съ подвоенною старанностію!”

Панъ Долинскій казался вовсе не ураженнымъ тѣми словами; онъ вопреки подалъ меня по дружески руку и похвалилъ мою великую ревность въ томъ случаю, где идетъ о славу моей родины; замѣтилъ однакожъ, що мое недоверіе къ нему несправедливо, понеже мысль подобная ниже повстаетъ бы могла къ благородномъ его сердцу.

Сестрѣнницы Пана Долинскаго стали потишь весьма многорѣчиво толковать про дѣвочу славу, и высокопарными словами ихъ не дуже менъ подобалось, казали бо ся или выученными или не подходящими отъ недо-

рочного сердца! Но жена и неопытные дѣвчата пріймали все тое за добрую монету.

Къ вечеру попрашали насъ вельможными гостями и просили, абы дѣвчата наши съшли съ ними до повоза. и сопровождали ихъ хотя черезъ село. Дѣвчата не были отъ того; но я пропзнесъ за нихъ нѣсколько извиненій, которыя и они сами узнали маловажными; то розсердило мене, и я по просту отказалъ просьбѣ вельможныхъ, за що сего же вечера и на другій день снести долженъ былъ неудовольство и однословныи отвѣты.

(Продолженіе слѣдуетъ)

АФОРИСМЫ

о народной словесности

(соч: Турянъ)

I. Народная мова.

Вола рогами, человекъ словами . . .

А человекъ и человекъ бесѣдою . . .

Чимъ красивѣе будешь говорить, тѣмъ ты будешь просвѣщеннѣйшимъ человекомъ почитати.

И что скажется о одномъ лицу, то само будетъ говоритись и о всемъ коимъ либо народѣ.

А и мы Русины народъ, и о насъ можетъ нѣчто сказатись . . . не лучше будетъ, коли въ передъ сами о себѣ будемъ сказывати . . . въ передъ приукрасимъ собственный дворокъ, чтобъ насъ входящій чужоземець не осудилъ . . .

Досыть насъ судили . . . досыть учили куда путь въ горохъ!.. а мы познали куда путь до словеснаго просвѣщенія.

И что намъ осталось? . . .

Нѣсколько книжокъ, на коихъ ломимъ голову, чтобъ разумѣти ихъ — днесъ завтра было уже и мовы отрекати ся матерныя, —

учитись ей мало, а образывати ю никто не хотѣлъ . . .

Но она однакомъ зостала.

И теперъ приходитъ намъ пора, поймагиса до ней, безъ которой всегда только останемъ *amphibium*, кое днесъ червакъ, завтра бабка, позавтру приберется миними барвами и будетъ мотыль, а на четвертій день останеть *progenies nos villosior* . . .

Тая по крайней мѣрѣ судьба наша, ежели до народисей мовы не поймемъся и движеніями ея движеніе словесности, и побѣду просвѣщенности не произведемъ.

Но гдемъ найдемъ поприще, на коемъ бы можно выступити и боротись съ чуждушнымъ провинціализмомъ словеснымъ?

Где найдемъ великій словарь для словесности, который намъ не слова еще, но и предѣлы употребленія ихъ выявитъ?

Где найдемъ источникъ, съ коего неоскудѣваемо почерпывати будемъ вещество нѣкое — якбы оливу — на непрерывное блестаніе просвѣщенія словеснаго?

И поприще — и словарь — оливу знайдемъ въ литературѣ.

II. Литература.

Что есть то за чудо?

Есть ли то орель, который летитъ прямо до солнца, и летитъ до высоты человеку не дозримой? . . .

Нѣтъ. Литература не двигается выше людей, и блескъ свой вмѣсто блистательныхъ солнечныхъ лучей зъ темныхъ комнатахъ, спорошенихъ музей, и отъ однихъ малоцѣнныхъ свѣщи получаетъ . . .

Естьли то ачей золото, кое богато, и цѣнно, — и можно ли нимъ даже цѣлаго человекъ покупити?

Нѣтъ. — Литература не есть только про богатого, якъ золото, — и нею не бу-

дешь скоро богатымъ. хотя банкротирова-
ти можешь . . .

Что же за чудо она?

Зри тамо!

Зри тое поле великое, и пространное;
предѣла нѣтъ! Где поглянешь, цвѣтъ и
опять цвѣтъ . . . Но зри, се приходитъ
двое твореній животныхъ. Одно летитъ
рабыми крылами — другое маленькое и пре-
зрѣнное двигается на маленькихъ крылцахъ
а третье спускается зъ былинн на былинну.

Зри дальй!

Тыя три творенія животная становля-
ются на цвѣтахъ, и кушаютъ ароматы ихъ. . .
равное лакомство, равныи плоды земли, и
коли повертають домовъ то несетъ пчелка
солодкй медь . . . паукъ горкй вѣдъ от-
равы . . . а пестрый мотиль якъ пришолъ
такъ пусто ссалъ . . .

И то есть Литература! —

Есть поле на комъ можно плодити,
обробляти, производити чудесныи цвѣты,—
творити и творитись — и сберати медь
или вѣдъ, даже и порожнюю позостати голо-
вою; рабыми чужими барвами обвито . . .

Не есть иначе!

Литература есть термометромъ одного
народа, якъ загорода есть примѣромъ од-
наго скородника, — но якъ одна загоро-
да множествомъ былинъ и растѣнйй обса-
жена есть школою для лѣкаря: такъ лите-
ратура должна быти такожъ и школою для
народа, — термометромъ просвѣщенія его.

Гдежь тая школа для насъ?

Где тая загорода для русина?

Термометеръ для насъ весьма низень-
кимъ показуеть степени . . .

Но тьма отидеть, и приблизится цар-
ствіе литературнаго свѣта и литературнаго
свѣтла . . .

ИЗВѢСТІА ЛИТЕРАТУРНЫЯ

Межи давѣйшими книгами рускими на осо-
блившу увагу заслугуетъ книжочка напечатана въ
Львовѣ року 1591. подъ заглавіемъ: Аделѣотисъ.
Грамматика доброглаголиваго Вллино — словенскаго я-
зыка. Совершеннаго искусства осми частей слова. Ко
показанію многоименному Россійскому роду.
Во Львовѣ вдрукарни Братской. Року 1744. Далѣй
на сторонѣ 5. „Грамматика сложена отъ различ-
ныхъ грамматикъ, спудейми (студентами) иже въ
Львовской школѣ. Всѣхъ листовъ 182. или сторонъ
364. типою неозначенныхъ; въ маленькой осмусъ-
беть — то найперша Грамматика на русской земли,
а особливо въ Львовѣ головномъ мѣстѣ восточномъ
Галициимъ напечатана, о котрой вже вспомянуто въ
Памятнику Львовскомъ 1816. Том. I стор. 119, по-
добие Юсифъ Дубровскій во своѣй Словенской Грам-
матикѣ во Відни р. 1822. друкованой, на стор. LVII
ведля Алтера и Форт. Дурича о ней нагадуеть, же
выраженія техничскія зъ етимологій греческом до
русскихъ Грамматикъ введены. Деиись Зубрицкйй
во своѣй книжочкѣ: О друкарняхъ Русско — Словен-
скихъ Львовѣ 1836. на стор. 16 а Самуилъ Богу-
милъ Линде во своемъ начертаніи Исторіи Словес-
ности руссійской ведля Греча. Варшава 1823. стор.
55. 56. такожъ о ней дещо пише хотя ен не малъ
въ рукахъ. Находитъ ся ще зъ того изданія два
экземпляри (такъ думаю:) иже ихъ передъ собою:
единый цѣломъ добре сохраненъ безъ наименьшого
вреда, съ подписомъ, же належалъ колисъ — то до
ученого Іоанна кавальера Могильницкого; а другйй
съ переду немающйй 8. а съ конца 3. листовъ,
котрыя постаралъсь ся съ добре сохраненного пе-
реписати. Тотъ экземпляръ иже въ колисъ — то на-
лежатъ до Библиотеки монастыря Лавровского въ окру-
зѣ Самборскомъ. теперь оба экземпляри суть досто-
яніемъ Библиотеки Всечестнѣйшого руского крѣпоса
Перемыского. Деиись Зубрицкйй опровергаеть во Па-
мятнику Львовскомъ мнѣніе Юсифа Дѣржковского у-
тверждающого, якобы таковая въ четвертѣ напеча-
тана была, та доказуе, же во осмусъ малой была
издана, бо неподобна, щобы одного року двое изда-
ній могло при такъ маломъ запасѣ греческихъ буквъ,
наступити, котрыи — то недостатокъ и настоящее изда-
нѣе лишь по полъ аркуша друковати словалъ; —
но мнѣтъ ся въ числѣ листовъ не означенныхъ пе-
чатію, числѣчи ихъ лишь на 169. коли каждый листъ
писмомъ означенный не допускае маднаго сомнѣва-
нія ся, же ихъ всѣхъ на всѣхъ есть 182;тому о
13. больше. Самуилъ Линде во своемъ начертаніи

російскою Словесности сонивваєсь, щоби та Грамматика Славено-Греческая могла быти уложеною спудейми, т. е. студентами Львовскою школою, лишнємудучи за нїтїємъ усопшого Модеста Гриневецкого, котрий таковий ексемпляр нїтїль, та быти може, Іоанну Могильницкому тотъ оступити могъ, — утверждає справедливо, же она єсть плодомъ учителя тої школи Арсеня Митрополита Димонитского и Еласонского; такъ бо во предисловію до тої Грамматики сказано: „Понеже святїйшій патріархъ великія Антіохія Божія града, киръ Іоакимъ во Богохранимїи градъ Льовѣ прїїде, р. 1591 мѣсяца генуарїя, увидѣже нераденіє о исправленїи въ роскомъ родѣ; совѣтова сія изряднѣ полезїйша быти: Братство, школа, и друкарня, и ко вселенскому патріарху о сихъ возвѣсти. Въ то же лѣто, мѣсяца юнїя, отъ вселенскаго патріарха ексаршески прїїде Митрополитъ Димонитскїй и Еласонскїй киръ Арсенїе; иже школьное ученїє наченше пребыгъ зде во градъ Льовѣ уча двѣ лѣтѣ. Всесвятїйшій же вселенскїй патріархъ киръ Іеремїя привиденїемъ писанїемъ своимъ отъ Константинополя вся сія укрѣпїи; таже и самъ зде во страны росїйскїя прїїшедши року 1591 мѣсяца мая, совершенно неразрушно и неподвижно во вся роды симъ такъ быти повелѣ; школу и книги всякаго наказанїя по православію друковати братству утвори. — Таже и архїєпископъ всея Росїи, митрополитъ Кїевскїй и Галицкїй Михаилъ (Рагоза) его же во прїїшествїи свое вселенскїй патріархъ киръ Іеремїя рукоположенїемъ своимъ соверши, соборне сія укрѣпїи.“ — Кромѣ сего предисловія, доказуетъ ще и печать на остатной сторонѣ Грамматики изобразенна, въ котрой середїнѣ имя Арсенїе выразїе читати можъ; оже на листку 5. поставленнїя слова спудейми иже во львовскої школѣ, разумѣти подобає: попеченїемъ или тшанїемъ тїхже. Въ тоє самое время заложена была и Академія Кїевская, котра въ самоѣ дѣлѣ больше, нежели школа львовская до просвѣщенїя цѣломъ Русїи причїналась и во своємъ блеску до нынѣ существуетъ. Грамматика що по описана велика нїтїя ученого Модеста Гриневецкого и другихъ добре языкъ греческїй выкладающая, причїнилась и до образованья руского языка во обще, толкуючи по правой сторонѣ все греческое на лѣвой выложено; тому выраженїя техническїя рускїя во употребленїе ведля етимологїи греческомъ вошли, котрыя до сихъ поръ по цѣлой Русїи грамматическїмъ выраженїемъ за основанїє служатъ и для того самого ведля организаційного плану австрїйского

для Гимназїи зъ р. 1849. стр. 123. зихвалени суть. Сїмъ теперь можемо гордиться тїмъ, же Львовѣ во томъ взглядѣ выдєредїль Кїєвъ, сталъ ся образцемъ во терминологїи руской и возбудиль зависть нашихъ соревнїтелей; понеже р. 1591. Аквавіа генераль науитскїй зъ Риму прїїслалъ Маттія Делтерну и Каспра Нагая для взнесенїя школы польскою во Львовѣ. Сїя грамматическїя выраженїя суть слѣдующїя: писмо (буква), гласныя, съгласныя, погласныя, слогъ; имя, существо, свойственно или общєе знаменуемо; мѣстоимя, глаголъ, причастїє, предлогъ, нарѣчіє, союзъ, родъ мужескїй, женскїй, среднїй, общїй; число единственное, двойственное, множественное; падежи: именованїй, роднїй, дательнїй, виновнїй, скланенїє (склоненїє), видъ первообразнїй, производнїй, правило, числительна именна; степени: налагавная, разсудителная, превосходная; умалителное имя; лице, указательное мѣстоимя; залогъ, супружество, изложенїє (наклоненїє): изъявительное, побелительное, молитвенное, подчинное, необавное; залогъ дїйственнїй, страдательнїй, среднїй, общїй или посредственнїй, огложнїй; время настоящее, мнїмошедшее, протяженное, прєсвєршенное, непредѣльное, будущее, безличнїй глаголъ, непредѣлнїй глаголъ, вынїатїє, сочиненїє, строптивнїй глаголъ (апостроф), оксія, варїя, облеченная, соединителная —¹ — Отъ! маєте ко вѣчної памяти сія во Львовѣ, сїи Арсенїи во нїтїль добре по руски, цєвне студентами толкованнїя выраженїя грамматическїя. — И ктоїи нїми нїтїль цуратясь дерзнуть? та яко изъ за границѣ привезеннїя осуждати? — Лаврентїй Зизанїй 1596, Мелетїй Сморскїй 1618 (употребляють тїхъ выраженїи, и таковыя по Русїи роспространїи. — Сїи недовѣдали са зъ періодическїхъ писмъ, чи ще деякїй ексемпляръ того изданїя не находится, котре то сьясканїє недостатокъ першихъ и послѣднихъ листковъ утрудняетъ, во истинну было бы славы достойне мужа ревнителя; тую грамматїку для общої вѣдомости въ наше время перепечатати. Видобуваймо тому всѣ древнїи писменности памятки и подаваймо ихъ до всеобщої вѣдомости. —

Іосїфъ Львїцкїй.

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЛЕННЫЯ И ГОСПОДАРСКІЯ.

— Коли сьлїти, рано чи поздно? Касательного того вопроса и найопытїйшїи господа ри несогласны; оди совѣтуютъ орати подъ яромъ збоїи

уже въ половинѣ Марта (разумѣется, если можно), другіи думаютъ сдержаться, пока не прилетитъ до села первая ластовка. На которой же сторонѣ правда? По нашему мнѣнію не дается о часѣ перваго оранія ніякое общее правило установить; то бо зависло отъ погоды вообще, а потомъ отъ весенней мокроты въ особенности. Два суть доказательства, которыя произношены бывають во пользу ранняго оранія; во первыхъ, понеже по обыкновенной зимѣ (т. е. если было довольно снѣгу) при ранномъ засѣвѣ не бракуетъ сѣмянамъ потребной мокроты, когда во прѣки позній орачь часто вздыхаетъ за дождемъ и не можетъ его дожидатися. Другое доказательство: що при ранномъ ораніи трудъ земледѣльческій раздѣлится лучше, нежь если тое оставится на послѣднее время. Доказательства тѣмъ имѣють въ собѣ много правды; часто бо замѣчаемъ, що яровъ збоже, рано засѣянное, отличается густотою колосья, красотою и полнотою зерна, когда напротивъ поздно засѣянная рожь, не выдаетъ богатаго плода що иногда случается въ слѣдствіе поспѣшности въ работѣ и недостатку потребной мокроты. При томъ однакожь додати нужно и то, що при доброй погодѣ красныи бывають и поздныи засѣвы, когда межъ тѣмъ ранныи, если потомъ придуть морозы, бывають неудачныи. Такъ и тутъ будетъ *средняя мѣра наилучшая.*

ОТВѢТЪ РЕДАКЦІИ ЗОРИ Г. НА ВПЛУ- НУВШІИ КОРЕСПОНДЕНЦІИ.

*Благородному. Г. Тур. зъ Гомон. засыла-
етъ Редакція за надосланныи сочиненія. Пов. По-
дат. будемъ въ состояніи по не долгомъ вре-
мени издати по Лаб. позднѣе.— Пс. встрѣтятъ
трудности не изъ стороны Редакціи по извѣ-
щенію; про тое сомнѣваемся о извѣ помѣщеніи.— Впро-
чемъ соглашамся во всемъ, що Ваше Благородіе
предложили и будемъ усильно старатися ожа-
данія удослестворити.*

*— Г. М. Окуф. въ Тарнополи извѣщаемъ за
додержаніе слова благодарность. Надосланое со-
чиненіе всѣ наши повитали чувствительно.— Ско-
ро надослаете еще прочіи части начнемъ помѣ-
щать вашъ трудъ. Съ вторымъ вопросомъ согла-
шамся и просимъ для блага общаго приступитъ
до дѣла.— Замѣчаемъ що Вы весьма добре собѣ
поступили съ надосланныи сочиненіемъ. — Зда-
ется намъ, що бы не эле было такъ и съ дру-
гимъ поступати а даже и иновъ заглавіи оному
дати и совершенно до нашихъ сторонъ и обсто-
тельствъ отнести. Но Вы наилучше понимаете
и дѣлайте по своему чувству и расчету.—*

(Слѣдуетъ Прилога Поученій Церковныхъ Число 5).

3 Относительно до воззванія зъ дня 18го Лютого (2. Марта) т. г., въ которомъ изъяснено было заданіе нашего письма и рсчотъ меже нами и Вч. препуме-рантами пригадуемъ, що для тыхъ Вч. Г. предплатителей, которымъ еще черезъ мѣсяць Мартъ належалася Зоря Галицкая изъ минушого года, начинаеся предплата отъ 1го Цвѣтня т. г. по латинскому мѣсячочисленію. Про тое просимъ, чтобы Г. Пр. прислали скоро предплату на Зорю, бо онакше не можемъ розмѣрвити наклады нашего письма. Если бы кто хотѣлъ отъ перваго Марта получить наше письмо, то будетъ ласкавъ за Мартъ 30. крайнаровъ м. к. додати. При той случайности не можемъ тое замолчати, що первыи родиныи наши изъ многихъ сторонъ приславши принумерату изъявили искренне свое удовольствіе изъ нашего предпріятія. Тое будетъ всѣмъ намъ правдивымъ поощреніемъ до дальшого труда, абы наше письмо сдѣлало чинъ разъ полезнѣйшимъ и занимательнѣйшимъ. —

Изданіемъ и типою Института Ставропигіянскаго.
Отвѣчательный Редакторъ Іоаннъ Гушалевичъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся еженедѣльно въ Середу два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четвертьечно получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

СЛАВА ВО ВЫШНИХЪ БОГУ!

Стихъ, во память совершеннаго выздоровленія Его Величества нашего Цѣсаря Францъ Іосифа.

Слава во Вышнихъ Богу слава!
Веселіе странъ родной!
Благоволенье и покой
Тебѣ, Австрійская держава!

Нашъ юный Цѣсарь, нашъ Владѣтель
Сновь мощный, крѣпкій и здоровъ;
И съ Нимъ владѣть миръ, любовь
И благочестье, и добродѣтель.

О дай Ему, Всевышній Боже!
Во многи лѣта сильну власть;
А всѣхъ враговъ и всю напасть
Ты розжени на бездорожье.

И дай Ему всю мощь правленія,
Здоровье, крѣпость юныхъ силъ,
И славу, щобъ вѣкъ прослылъ
Усердіемъ благоволенія!

А мы и вся Его держава
Молятся будемъ всякій часъ:
„Помилуважь Всевышній насъ,
Слава во Вышнихъ Богу слава!“

Б. А. Д.

О НАЧАТКАХЪ ПЕРВАГО ЕПИСКОПСТВА ВЪ ГАЛИЦКО-РУССКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ. *)

Начатки перваго Епископства въ отечествѣ нашеѣ совпадаютъ почти съ началомъ

основанія Перемышельско-Галицкаго Княжества. для того скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о первоначальномъ образованіи того отдѣльнаго гусударства, составляющаго нынѣ большую часть Королевствъ Галиціи и Владиміріи. Первый зародышъ упомянутой державы состоялъ сперва изъ Перемышля, Червена и другихъ городовъ, сего достоянія Св. Владиміра (981). и принадлежалъ ко Владиміро-Волинской области. Такъ городъ Владиміръ, какъ и находящаяся въ немъ Епископія была основана Св. Владиміромъ, въ второй половинѣ X. столѣтія и, естли станимъ вѣрнѣе позднѣйшимъ преданіямъ, самъ сей Религопостольный князь, во сопровожденіи двухъ Епископовъ, отправляясь къ берегамъ Днѣстра, очистилъ водою Св. купели Христовой всю югозападную нашу Русь. Преподобный Несторъ разсказавъ подробно крещенію Князя Владиміра, не говоритъ намъ ничего съ обстоятельностью о крещеніи земли русской, огра-

*) На желаніе исп. Автора умищаемъ сію статью безъ всякаго отъѣны. Понеже пришло многихъ пренумерантовъ новыхъ, которыя не имѣютъ Зори изъ минувшаго года, того ради для полноты начинаемъ отъ отдѣльнаго параграфа, послѣдующаго изъясненію многихъ нашихъ читателей. —

начиваясь однимъ замѣчаніемъ общимъ: „и нача (Владиміръ) ставити по градамъ церкви и попы и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ” (Лавр. Лѣт. 83).

Съ времянъ просвѣщенія земли нашей святымъ Евангеліемъ Христова, подчинялась она духовному вѣдомству Владимірскихъ Святителей, пока съ разширеніемъ предѣловъ нашего отечества и умноженіемъ послѣдователей Христовыхъ въ немъ, не явилась потреба отдѣльнаго, мѣстнаго Епископства. Въ городѣ Владиміръ, какъ княжеской и Святительской столицѣ, исперва господствовали сыновья Св. Владиміра Всеволодъ, Святославъ, убитый окаяннымъ Святополкомъ, за котораго господствованія заняты были Червенскіе города Болеславомъ Храбримъ, но Владиміровичи Ярославъ и Мстиславъ присоединили ихъ снова съ русскою державою (1031 г.) Послѣ кончины В. К. Ярослава (1054) достался Владиміръ на долю младшаго сына его Игоря, который по томъ посаженъ былъ братьями своими въ Смоленскъ, упраздненный смертію Вячеслава (1057). Ростиславъ сынъ старшаго Ярослава, Владиміра князя Новгородскаго (скон. 1052), въ следствіе преждевременной смерти отца, не могъ быть сонаслѣдникомъ съ дядьми, которые однако послѣ перевода Игоря въ Смоленскъ дали ему городъ Владиміръ. Тойто князь Ростиславъ былъ славнымъ родоначальникомъ первыхъ нашихъ Перемышельскихъ, Теробовельскихъ и на конецъ Галицкихъ Князей. Но Ростиславъ, недовольствуясь данною себѣ дядьми волостью, покинулъ семейство во Владиміръ и бѣжалъ въ Тмуторокань въ 1064. году. Городъ Владиміръ оставался теперь въ посяданіи его дѣтей: Рюрика, Володара и Василька, подъ покровительствомъ Вк. Изяслава и Святослава, до 1078 года; первый

изъ нихъ вывелъ даже князя Олега Святославича изъ Владиміра, когда онъ хотѣлъ завладнати упомянутымъ городомъ. По кончинѣ В. князя Изяслава, принявъ старшинство въ русской землѣ, братъ его Всеволодъ, и распоряжая въ ней, отдалъ онъ Владиміро-Волынскую область племяннику своему Ярополку Изяславичу съ придачею Турова (1078), что было поводомъ къ долгимъ усобицамъ: ибо такимъ образомъ Вк. Всеволодъ лишилъ наслѣдства такъ трехъ нашихъ Ростиславичей, какъ Игоревичей, Давида съ братомъ, которы всѣ видѣли въ Владимірской волости свою отчину. Ростиславичи исключены изъ Владиміра, поселились теперь въ Перемышль, и можетъ быть, что самъ даже Вк. Всеволодъ, надѣлая Ярополка Владиміромъ, отступилъ имъ Перемышельскую волость, награждая новаго Владимірскаго князя, за тотъ убытокъ на югозападѣ, съ востока придачею города Турова. Сидя въ Перемышль, ожидали Ростиславичи только надобнаго времени къ отисканію своей отчины, и пользуясь отсутствіемъ князя Ярополка, бывшаго въ Кіевѣ у дяди; отняли у него городъ Владиміръ (1084 г.): но В. князь послалъ на нихъ сына своего Владиміра Мономаха, который опять возвратилъ Ярополку отнятый ему городъ. Ярополкъ Изяславичъ однако не княжилъ долго въ Владиміръ, ибо В. князь Всеволодъ, надѣливши теперь Давида Игоревича Волынскимъ городомъ Дорогобужемъ, чтобы онъ не беспокоилъ греческую торговлю, озлобилъ тимъ поступкомъ Ярополка, видѣвшаго въ томъ намѣреніе Всеволода, уменьшенія его Владиміро-Волынской волости (Лавр. Лѣт. 88. Кенігсб. Лѣт. 128); и когда Ярополкъ стался вооружати противъ В. князя, Всеволодъ отправилъ снова сына своего Мономаха противъ нему. Ярополкъ бѣжалъ въ Польшу, а Мономахъ отдалъ Вла-

дмиръ Давиду Игоревичу (Лавр. Лѣт. 88). Изгнанный Волынской князь увидѣвъ, что отъ Польши, ослабленной внутренними волненіями, ожидать ничего, примирился съ В княземъ и Мономахъ въ имени отца своего возвратилъ Ярополку Владиміръ. Съ примиреніемъ Ярополка съ дядею рушились надежды Ростиславичей и Давида Игоревича; ибо первые не могли быть спокойны въ городахъ Червенскихъ, видя союзника Польши снова на Владимірскомъ столѣ, который Давидъ принужденъ былъ уступить Ярополку. Но они не гнушались теперь злодѣйствомъ освободиться отъ Ярополка: на дорожъ отъ Владиміра къ Звенигороду (нынѣ деревня Бережанскаго округа) несчастный князь пораженъ убійцою, который убѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику Ростиславичу (1086). В. князь не хотѣлъ оставить сего братоубійства безъ наказанія, и ходилъ еще сего года на Рюрика къ Перемышлю, но походъ его кончился на ничѣмъ (Лавр. Лѣт. 89): Ростиславичи остались въ Червенскихъ городахъ, а Давидъ сталъ опять княжить въ Владиміръ.

Такимъ образомъ подѣлили Ростиславичи съ Давидомъ Игоревичемъ прежнюю Владиміро-Волынскую волость, на два отдѣльные княжества, съ столицами Владиміромъ и Перемышлемъ.

Послѣ кончины Перемышельскаго князя Рюрика (1092) раздѣлились оставшіеся братья его Червенскими городами, — Володаръ сталъ княжить въ Перемышль, а Василько въ Теребовли, которые города призналъ за ними В. князь Всеволодъ послѣднимъ своимъ распоряженіемъ (1093). На основаніи того же великокняжескаго Всеволодова распоряженія, на первомъ съѣздѣ въ городѣ Любечъ, собравшіеся князья съ общаго согласія, утвердили за Володаромъ Пе-

ремышль, а за Василькомъ Теребовль (1097). Мужественный Володаръ, даже послѣ ослѣпленія Василька, и оттуда произшедшей у-собицы за Владимірскую волость, а оконченной на съѣздѣ въ Витичевъ (1101.), удержалъ за собою Перемышль и Теребовль, вопреки рѣшенію соединенныхъ князей: но Владиміръ былъ отнятъ у Давида Игоревича, какъ виновника всѣхъ тихъ смутъ и ослѣпленія Василька, и достался Ярославу сыну В. князя Святополка. Непокойный Ярославъ, по смерти отца своего, былъ изгнанъ изъ Владиміра Ростиславичами и В. княземъ Мономахомъ, который исперва посадилъ въ немъ сына своего Романа зятя Володара, а по кончинѣ его другаго сына Андрея (1118). Поляки покровительствуя, убѣгшаго къ нимъ Ярослава, возбудили на себя нелюбіе В. князя Мономаха, отправившаго сына своего Андрея изъ Владиміра воевати Польское порубежіе (1120). Въ слѣдующемъ году явился снова Ярославъ съ Польскою помощію подъ Червенемъ, но былъ отраженъ. Въ такихъ обстоятельствахъ не могли ничего взяти силою, рѣшились Поляки дѣйствовать лукавствомъ противъ, заклятыхъ своихъ враговъ — Ростиславичей: Володаръ былъ схваченъ тайно и уведенъ въ плѣнъ въ Польшу (1122), а Князь Василько долженъ былъ истощити почти всю казну Перемышельскую, чтобы выкупити пленнаго своего брата. Въ 1123 году, Ростиславичи выступили еще въ послѣдній разъ, принуждены своимъ положеніемъ, съ войсками Венгерскаго и Польскаго Государей, на помощь Ярославу добывать Владимірскаго стола, но когда Ярославъ былъ убитъ подъ стѣнами Владиміра, выскочившими изъ засады двумя Поляками, союзники его, не имѣя уже болѣе цѣли, примирились съ Андреемъ и возвратились домой (Ипат. Лѣт. 9).

Скоро потомъ приставились Володаръ и Василько Ростиславичи (1124), оставивъ потомству своему никакъ уже неоспориваемо право наследія владѣемыхъ ими областей. Самый славнѣйшій изъ сыновей ихъ былъ старшій Володаревичъ — Владиміръ или Владимірко, по своему характеру, совершенно въ уровень своему затруднительному положенію. Окруженный со всѣхъ сторонъ соседями гораздо сильнѣйшими его, далеко отошедшій отъ господствующихъ линій на Руси, Владимірко только въ необыкновенной изворотливости, хитрости, неразбираниі средствъ, игрѣ договорами и клятвами видѣлъ свое спасеніе и силу. Со временъ Владимірка становится исторія нашего отечества уже яснѣе и опредѣлительнѣе, особенно, когда по смерти двоюроднаго брата своего, Іоанна князя Теребовельскаго (1141), мужественный Владимірко, соединилъ въ одно государственное тѣло всѣ три подчиненныя себѣ области т. е. Перемышельскую, Звенигородскую и Теребовельскую. избравъ для онаго Галичь на рѣцѣ Днѣстрѣ, столичнымъ городомъ. И такъ стался Владимірко первымъ настоящимъ Галицкимъ Государемъ, государствуя почти независимо, въ сравненіи съ прочими русскими князьями, надъ довольно пространнымъ Государствомъ, т. е. отъ горъ Карпатскихъ и рѣки Дунайца ко верховьямъ обоихъ Буговъ, а на югъ даже до устья Серета и Прута. И такую обширную укрѣпленную державу оставилъ Владимірко сыну своему и единственному наследнику, знаменитому Ярославу Осмомыслу, о которомъ воспѣлъ пѣвецъ о полку Игоревѣ: что онъ, сидя на златокованномъ престолѣ, загородилъ путь (Венгерскому) королю, отворилъ врата Кіеву, и кидая тяжести чрезъ облака; править суды даже до Дуная!

На томъ окончиваю я мой краткій очеркъ основанія и возвращенія Галицкаго княжества дозволивъ себѣ какое отступленіе отъ предмета единственно для лучшаго его изясненія.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

русскій приходникъ изъ Соломянки.

Повѣсть, нимъ самымъ написанна.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Второе посѣщеніе Пана Долннскаго за- било совсѣмъ голову моеі Наталіи. Похвалы, якіи наслухалась она то отъ него самого; то отъ его сестриницъ льстили ей самолюбію, которое якъ ствержено опытомъ у дѣвчатъ бываетъ въ большей степени, чѣмъ у молодцевъ. Пріймется ли она за яку работу; все то не идетъ во складъ; пойдеть ли въ огородъ, то все задуманна, що и не слышитъ, когда ю кличуть до стола. Таково безъумно состояніе ей погоршилось еще, когда однажды заблукалась къ намъ знахарка — Цыганка, котора выворожила ей, що не пройдетъ годъ а она выдастся за Дѣдича. Къ тому стало все село говорити про любовь Вельможнаго Пана къ моеі Наталіи. И такъ она влюбилась; — а менѣ сердце рвалось; бо видѣлъ всю пронасть, яка ей грозила, а не могъ ю, ни жену мою о томъ удоговорити. У нихъ былъ преобладающимъ несчастливый нравъ: руская легковѣрность! Признаюсь, доврчивъ былъ и я, но не въ такъ высокой степени, и долговременныя опыты научили мене яко тако познавати людей по словамъ ихъ или обхожденію. Одною потѣхою было для мене то, що отъ нѣякого времени сталъ частѣйше посѣщати насъ веселый соседъ изъ Верховинки съ своею родиною и знакомыми молодцами. Хотя моя Наталія при-

нимала сердечныя израженія юного Подолянина съ нѣкимъ хладнокровіемъ; но онъ не терялъ отваги, и оказывалъ ей все больше и больше склонности.

Сближался день св. Петра и Павла, и честный сосѣдъ изъ Верховники запросилъ насъ всѣхъ — не исключая и Пана Раевича — до себе на праздникъ. Мои дѣвчата готовились къ празднику цѣлу недѣлю, бо дождались, що будетъ тамъ и Панъ Долинскій съ своимъ дворомъ. Въ павахиду св. Первоапостоловъ пріѣхалъ и нашъ любезный сынъ Романъ, совершившій тогда гимназіяльнии классы, изъ Львова на ваканціи. Изъ того была радость велика: разъ понеже привезъ онъ намъ письмо отъ Льва, во вторыхъ, понеже въ нашихъ сторонахъ былъ обычай такіи, що приходники съѣзжались на праздники къ сосѣдамъ съ цѣлою родиною. У мене недоставало вправдѣ найстаршого сына Льва, но тотъ былъ уже тогда на своимъ. Писалъ онъ къ намъ, що злѣхалъ на мѣстце своего учительского дѣйствованія въ Угорщинѣ здоровъ и все ведется тамъ ему счастливо, и только тужно въ сердцѣ за родиною и Пашною Юлією.

Другого дня по свершеніи священныхъ обрядовъ въ нашей церкви позвали мы двома брѣчками на праздникъ до Верховники. Панъ Раевичъ сопутствовалъ намъ на своимъ ворономъ. Въ Верховницѣ застали мы численное собраніе гостей: въ большей части священники съ своими родинами съ которыми честная хозяйка вскорѣ насъ позпаконмила. Столъ былъ уже накрытый, ждано только еще на Пана Долинского. Межъ тѣмъ забавлялись мы разговорами, преимущественно о сеголѣтнемъ урожаѣ. О трехъ часахъ по полудни надѣхали наконецъ Панъ Долинскій и его сестрашницы. Обѣдъ былъ весьма вкусный и тревалъ около полтора часа. Во время обѣда болтали дворскіи дамы

про всякую всячину, и не давали даже пріѣти къ бесѣдѣ старшинѣ, достойнѣйшимъ лицамъ. Иногда только прерывалъ щебетанье ихъ Панъ Раевичъ, который одинъ осмѣлялся приличнымъ образомъ противорѣчить нѣкоторымъ ихъ ложнымъ вѣстямъ или понятіямъ. Однажды протялъ онъ имъ дуже разко за то, понеже высмѣвали нѣку велими благородную и всему обществу изъ добрыхъ дѣлъ известную Графиню, будь то она по цѣлымъ днямъ такъ прилжно читаетъ въ набожныхъ книгахъ, що ажъ ослѣпла, и хотя не стара, а уже не обходится безъ окуляровъ, въ которыхъ женщины дуже не пристойно.

„Пристойно, или не пристойно,“ сказалъ Раевичъ, „а такі лучше женщины читати хоть бы на ослѣпъ священные книги, чѣмъ клеветати на побожныхъ.“

Дворскіи дамы попекали раки и замокли, якъ бы ихъ не стало. Изъ лицъ многихъ, вычиталъ я при той способности, що дуже возмутились противъ дерзости Раевича; но мужичины радовались въ духу надъ тою его побѣдою.

Панъ Долинскій, желая укореніе своихъ сродницъ залагодити, сталъ хвалити честного господара дому за доброе угорское вино; но узрѣвши при томъ, що я выпорожнилъ свой стаканъ вина, сказалъ съ насмѣшкою: „Панъ Отецъ изъ Соломянки хорошо знаетъ подданныхъ монахъ отводить отъ горьлки; но не смотря на то, самъ душкомъ испиваетъ стаканъ доброго вина.“

Принимая то за жартъ, отвѣтилъ я, що не отводилъ бы такъ усиленно, кобы прихожане мои столько же пили горьлки, сколько я пью меду или вина. Честный додавъ къ тому, що доброе вино не мутитъ голову якъ простая горьлка; оно только розгрѣваетъ сердце, которое, по его мнѣнію, чѣмъ теплѣйше, тѣмъ лучше.

„Признаюсь,” сказал потомъ Панъ Долинскій, що вовсе не понимаю, для чего священники, особливо рускіи, съ такою ревностію отводятъ хлопа отъ напитковъ; когда правду сказавши они сами на томъ много страдаютъ.”

„Яко,” спросилъ я, „священники страдаютъ, если стадо ихъ живетъ по тверезому; если неблагонаправленны люди устаютъ злодѣяти? Таже Господь Богъ радуется надъ кающимися грѣшникомъ, и чемужь намъ не радоватися надъ сокрушеннымъ сердцемъ нашего брата?”

„Высоко оцѣняю ваши слова, благородный Отче!” сказалъ Панъ Долинскій, „и совсѣмъ съ ними соглашаюсь; но таки необходимо уважать и на себе. Поки хлопы пили, были добрыи времена; были достатки у Пана и у священника; теперь хлопы перестаютъ пити, и всѣ нарекаютъ на злыи часы. Откуда то происходитъ? ото, простой хлопъ, когда устаютъ пити, незная, и для того и не требуя ніякихъ выгодъ житія, стается скупцемъ, и гроши скрываетъ въ землю: уже наслушался я повѣстей о такихъ хлопахъ, которые присягая на воздержанность, присягали за разомъ себя въ душу, излишніи гроши въ земли закопати; и отъ, тѣхъ ради позаконьванныхъ грошей для другихъ бѣда и злыи часы! Инакше было, когда хлопы пили; тогда не скупили они ни для Пана, ни для Пана-Отца, ни для корчмаря, который такожъ потребуеть жити. Сердца ихъ были теплѣйшими, — а що жъ лучшого въ свѣтъ, если не теплое сердце, якъ сказалъ милый нашъ господарь, въ егоже здоровіе за то пью сію чашу, и кто его любить, выпьетъ со мною!”

Всѣ гости поднеслись изъ мѣсть и пили во здоровіе господаря, который поблагодаривши ихъ за то красенько, сталъ говорить о погодѣ, желая тѣмъ дѣломъ запо-

бѣгти поему отвѣту на безъсмысленныи слова Пана Долинского. Было то въ прочемъ разумно съ его стороны, бо можеть отвѣтомъ былъ бы можеть розсердился Панъ Долинскій, отъ того возстала бы соперочка, можеть и сварня великая, и такъ нынѣшній праздникъ закончилъ бы ся былъ не весело. Съ той только причины не перебивалъ я уже болтаній Пана Долинского, и тойже политикки держался любимый другъ нашъ Раевичъ.

Однакожь передъ концемъ обѣда не смогъ я воздержати языкъ свой отъ нѣсколько терпкихъ словъ, вымаренныхъ противъ мнѣнію Пана Долинского, по которому хлопъ сотворенъ нѣяко на тое, дабы робилъ пащину а иногда въ свободнѣйшее время дабы пилъ горьлку. На счастье, мое опроверженіе перервалъ снова честный господарь, который поднесшись изъ мѣстца сталъ въ голосъ говорити пообѣдную молитву, по совершеніи которой рускіи молодцы изли всѣмъ гостямъ „Многая лѣта.”

Послѣ обѣда вышли гости на прохладу въ садъ, где молодыи люди подъ тѣнью старинныхъ орѣховъ забавлялись въ пташка; мы же старшіи позасѣдавши на лавкахъ подъ липами, розказывали себѣ поочередно милыи жизни нашей приключенія. И такъ солодко было намъ — тамъ подъ липами — слухати любопытныи розказы нашихъ содрузговъ, и глядѣти при томъ на веселую дѣтей нашихъ игру.

Къ вечеру сойшлись всѣ гости въ покоехъ, и тутъ роздѣлились они снова: старшіи позасѣдали въ двоухъ прибочныхъ покоехъ, одни до картъ, другіи ради продолженія дружескихъ розговоровъ; молодыи же люди пустились въ первой, довольно просторной комнатѣ въ пляску. Старшіи женщины сидѣли въ той же комнатѣ на боку и присматривались скочному мазурку. Ино-

гда подходилъ и я къ плясующимъ, абы приглядаться: бо якъ сказалъ, люблю гудьбу но не менѣе и танецъ. Въ первой парѣ плясалъ Панъ Долинскій съ моею Наталією, въ другой съ Ахалією молодой Подолянинъ. Всѣ подивляли легкое и невынужденное уложение моихъ дочерей, которыя учились плясати отъ тетки Ярославы. Моя Тетьяна прибрала по той причинѣ видъ триумфальный, особливо когда даже дворскія дамы хваляти стали пляску Наталіи. Послѣ каждого танцу бавились они въ яковую игру; первая была въ Пана Пастора; и понеже жену мою односторонне избрано Пасторовою, такъ принудили и мене къ той игрѣ и поручили званіе Пастора. Потому наступила снова пляска и снова игра, и такъ дальше.

Не стану пространно описывать различные забавы, якія обыкновенно бываютъ въ рускія праздники; скажу только, что всѣ убавились до воли, и исключая некоторыя неприятности, якія произошли съ причины не добрыхъ къ намъ дворскихъ гостей, праздникъ у моего сосѣда отбылся съ наилучшимъ успѣхомъ. Наибольше подобалось мнѣ, что межю гостями преобладалъ истинно рускій нравъ: радушіе и нелиживая откровенность.

Уже поздно въ ночь розъѣзжались гости во свояси веселы и весьма удовлетворены.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

О празднику семъ было черезъ нѣсколько дней много у насъ бесѣды. Жена и Наталія укоряли Раевича за его смѣлость, съ якою выступалъ противъ достойныхъ дамъ. Съ тѣхъ поръ перестали они его такъ любить и переженили совершенно судъ свой о бѣдномъ молодцу, которого теперь называли по просту грубіаномъ.

Досталось и мнѣ отъ нихъ не мало ударовъ; но я не уважалъ на то, только уходилъ съ Романомъ мотать где либо въ

удвиженіе и забавлялся съ нимъ разговорами о различныхъ предметахъ. Я нересвѣдчилъ, что знанія его были далеко большія, якъ были мои въ его вѣку. Особенно зналъ онъ хорошо разсказывать о нѣмецкой литературѣ, изъ которой — правду скажу — не читалъ я больше, кромѣ сочиненій Шиллера, Гете и нѣсколькихъ лучшихъ историковъ, занимавшихся достопамятностями Словенщины. по тому разсказы его были для мене весьма любопытны и даже поучительны.

Иногда читалъ онъ мнѣ свои собственные поетическія сочиненія въ нѣмецкомъ языкѣ, и особливо подобалось мнѣ описаніе села и мирной сельской природы, въ которомъ то описаніи видѣлъ я образъ Романовки, колыбели моего Романа. где онъ прожилъ дѣтисныи свои лѣта; где ребенкомъ бѣгалъ по тучнымъ полонинамъ, и вслушиваясь въ сумныя напѣвы верховницевъ, вырѣзывалъ изъ вербовой коры свирѣлку и выгривалъ на ней, что уловилъ слухомъ, или что истекало изъ собственного сердца. Я искренно полюбилъ поетическую его душу; но сколь опечалился, когда подумалъ, что може и онъ пойдетъ во слѣды Раевича, что можетъ и онъ пристрастно предастся безплоднымъ мечтаніямъ. и наконецъ будетъ съ него — жалкое созданіе: рускій поеть въ Галичинѣ!...

Боязнь о будущую судьбу моего сына побольшилась съ тѣхъ поръ, отколь Раевичъ сталъ снова частѣе къ намъ заходить. Уже за первую встрѣчу прильнулъ сынъ мой къ Раевичу якъ дитя къ груди матери. Хотя Раевичъ укорялъ его за нѣмецкія стихи, которыя по его мнѣнію надто посредственны, и въ сравненіи съ меньшими даже поетами высокоушной Германіи не удостоились бы нынѣ ни малѣйшаго вниманія; то Романъ мой уважалъ сперва ук-

ренія тін несправедливими, потомъ же откровенно призналъ ничтожество нѣмецкихъ своихъ риемовъ.

„У Нѣмцевъ,“ говорилъ однажды Раевичъ, „есть всего вдоволь: и любомудрецовъ, и богослововъ, и историковъ, и поетовъ; къ тому же поетовъ такихъ, съ якими едва сровнаться могутъ пѣвцы Великой Британіи. Но що у насъ Словенъ? Коляровъ. Пушкиновъ, Гундуличевъ, Мицкевичевъ не много. Такъ лучше тебѣ, молодой орле!“ рекаъ онъ къ моему сыну, пожавши руку его сердечно, „лучше парити въ воздухахъ по надъ рускою землею, лучше ударити въ гусли Бояню! то гусли многозвучна, гусли родина, и не взкинутъ истинному вдохновенію Русина! Таята чужда, и только съ трудомъ къ ней привыкнешь; тая своя, и для своихъ на ней занграешь!“

Тѣ слова убѣдили моего Романа, онъ предалъ нѣмецкіи свои сочиненія всеожженію, и сталъ читати Коляреву „Дочь Славы“ котору подарилъ ему Раевичъ. И такъ смѣлъ мой оставъ поетовъ, перемѣнивши только направленіе свое касательно народности

На счастье, отъ того времени, якъ, они подружались, не замѣчалъ я въ Раевичу того пристрастія къ моей Аналіи; кажется, онъ потерялъ — послѣ столь многихъ, терпкихъ противъ нему моихъ изреченій — всю надежду на ей руку, и занимался исключительно дружбою съ моимъ сыномъ. Но за то овладѣла Аналією глубокая тоска. Иногда прїѣдетъ Раевичъ со взходомъ солнца и поздоровкавшись только съ нами уходитъ съ Романомъ въ долину, и тамъ будь полагаютъ они нашихъ работниковъ. будь идутъ въ гущи поблизкаго лѣса — и не возвращаютъ скорше, якъ надъ вечеромъ; а межъ тѣмъ моя Аналія сѣча-

етъ цѣлый день за милымъ гостемъ, — наконецъ узреть его на часъ передъ заходомъ солнца только на то, чтобы чѣмъ скорше снова попрощатся. Ей состояніе въ то время было жалкое: но я утѣшался надеждою, що оказанное къ ней хладнокровіе Раевича приведетъ ю само тѣмъ скорше на разумную думку.

Наталія во преки сталась отъ Верховинецкого праздника далеко веселѣйшею. Панъ Долинскій бывалъ у насъ будь самъ, будь съ сестранницами почти всякую недѣлю, и съ тѣхъ поръ перемѣнилъ даже свое обхожденіе къ Наталіи оказывалъ онъ всегда тѣже самыя любовныя чувства; а относительно ко мнѣ смѣнилъ онъ свой сварливый нравъ и соглашался съ каждымъ моимъ мнѣніемъ. Иногда говорилъ онъ такъ соотвѣтно моимъ помышленіямъ, що почти вѣрилъ я въ метаморфозу человечества. Однакожъ не забывалъ я при томъ, що тѣмъ именно прельщеніемъ ставался онъ для насъ чѣмъ разъ опаснѣйшимъ. Мимо того, жена моя утверждала упорно, будь то Панъ Долинскій никогда не былъ сварливый, но всегда прїятный; будь то теперь онъ еще прїятнѣйшій къ намъ, понеже, якъ видно, рѣшился на правду думати о нашей Наталіи. Наталія же убѣждена нѣяко уже о своемъ триумфѣ, перестала тосковати и повеселѣла значительно. Только когда кто нибудь вспомнилъ въ присутствіи ей про Панну Юлію, она мѣшалась, и принимала видъ дуже печальный. То мене возмущало, видѣлъ бо въ семъ ревнованіе дѣвственнаго сердца. Ревнованіе же таково уважалъ я за великій порокъ, за недоброжелательство для другихъ. И у моей дочери замѣтилъ я тотъ порокъ; — якъ болестно для родительского сердца! — Но такъ ли, кажется, созданы мы люди: — въ юности былъ и я ревнивъ; и менъ былъ когдато другъ молодой жены моей недру-

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедѣльно въ Среду два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ чвертьрочно получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

КЪ ЮЛИ.

Я зналъ, что ты любила
Мене, давно я зналъ;
Когда жъ то мнѣ открыла,
Якъ листъ я задрожалъ.

И побѣжавъ межъ горъ
То пѣлъ, то скакалъ я;
Вознесши въ небо взоры,
Сновь плакалъ якъ дитя.

Тогда ужъ солнце крылось;
А сердечько мое
Въ груди такъ сильно билось, —
Ахъ, сердце бѣдное!

ЧУДАКЪ.

Куда идешь — всегда и всюду
Якъ тѣнь влечуся за тобою;
Чѣмъ строже поступишь со мною,
Тѣмъ больше ты любиши буду.

Мене твой гнѣвный видъ пѣняетъ,
Твоя же милость отгоняетъ;
Такъ хочешь ли мене посбытись.
Должна въ мене лише влюбиться.

Б. А. Д.

О НАЧАТКАХЪ ПЕРВАГО ЕПИСКОП- СТВА ВЪ ГАЛИЦКО-РУССКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ.

(Сочин. Антон. Петрушевича)

(Продолженіе.)

Такъ видѣли мы, что наши мужественные Ростиславичи, изключены преждевременною смертію отца своего отъ притязаній на старшинство въ родѣ, не дались одичко исключити изъ родовой собственности т. о. изъ владѣнія какою-то областью земли русской: что болѣе, они успѣли даже первые въ родѣ Ярослава, владѣемую ими волость, обратити въ отдѣльную собственность для своего рода, подобно Всеславичамъ, господствующимъ уже съ временъ Св. Владиміра въ Полотскомъ княжествѣ. Уже внуку Ростислава — Владимірку удалось избавитися отъ всѣхъ родичей и стати единовластителемъ въ Галичѣ, которое единовластіе продолжалось и при единственномъ сынѣ и наследнику его Ярославѣ. „Такимъ образомъ (говоритъ С. Соловьевъ стр. 243), когда остальная Русь представляла зрѣлище безпрерывнаго движенія и перехода, въ княженіи Галицкомъ не было никакого движенія, никакого перемѣненія князей, въ слѣдствіе сего и бодрѣе княжескимъ

была возможность установиться въ странѣ, получить значеніе постоянныхъ землевладельцевъ, приобрести великое вліяніе на дѣла страны: вотъ почему Галицкіе бояре имѣютъ другой характеръ, чѣмъ бояре въ остальной Руси; касательно различія между обоими можно выразиться такъ: бояре въ остальной Руси были бояре князей, бояре Галицкіе были бояре княжества. Такииъ образомъ на двухъ концахъ — съверо-западномъ и юго-западномъ въ Новгородъ и Галичъ обнаруживаются въ формахъ быта отъныи противъ быта въ остальной Руси, а именно въ Новгородѣ, въ слѣдствіе непрерывной сѣны князей, усиливается народовластіе, тогда какъ въ Галичѣ, въ слѣдствіе осѣдлости, неподвижности князей усиливается боярство, при чемъ разумется, сосѣдство Венгрии и Польши не могло остаться безъ вліянія.” 46)

По такомъ историческомъ обозрѣніи вѣдшаго и внутреннего развитія Галицкаго княжества, возвращаюсь опять къ моему предмету, дѣлая на основаніи выше сказаннаго мною, слѣдующія замѣчанія о началѣ перваго словено-греческаго Епископства въ галицко — русскомъ отечествѣ нашемъ:

46) Не можемъ, на иѣсть томъ, праминути того замѣчанія, что, такъ Новгородское народовластіе, какъ Галицкое боярство, не наблюдающее мѣры, было въ послѣдствіи причиною паденія тихъ обоихъ державъ: и когда Новгородская волость соединена съ Велико-Русією слялась съ нею въ одно могущественное государство, окрѣпившее самодержавіемъ — тогда на противъ тому Галицкая область, отпавши къ древней Польшѣ, усилила только своиъ боярствоиъ польское вельможедержавіе кончавшееся раздѣленіемъ Польши и большимъ укрѣпленіемъ Великой Руси. Такииъ образомъ судьба Польши и Руси кажется быти нераздѣльною.

а) Съ времени раздѣленія Владиміро-Волынскаго княжества, на Владикірскую и Перемышельскую волость, и постоянного поселенія въ последней Ростиславичей, было единственнымъ стремленіемъ тихже, удержаніе за собою владѣемой ими области, въ посѣданіи которой затверждены уже на двухъ княжескихъ сѣздахъ въ Любечѣ и Витичевѣ, и лишены надежды отгсканія отцевскаго Владимірскаго стола, чѣмъ болѣе заботились они объ умноженіи городовъ, народонаселеніи и устройствѣ признаной за ними волости 47) Мужественные Ростиславичи въ продолженіи пятьдесятлѣтнаго господствованія своего, расширивъ русскую державу при скатахъ горъ Карпатскихъ даже къ Черному морю, должны были имѣти попеченіе и о душевномъ блазѣ или обладасныхъ единовѣрцевъ: для чего, по всей вѣроятности, постарались они уже объ основаніи отдѣльной Епископін въ своихъ обширныхъ земляхъ, которыхъ главными городами стали быти Перемышль и Тересбовль. Каждый почти городъ Руси, бывъ мѣстопребываніемъ князя, какой-то области княжеской, имѣлъ также своего Епископа, чего требовало такъ благо и самостоятельность державы, какъ достоинство господствующаго въ ней князя. Такииъ образомъ, едва не

47) Мы встрѣаемся о томъ изъ откровенной рѣчи, сказанной ослѣпленнымъ Василькомъ въ темницѣ къ няку Василю, посланному къ немъ Давидомъ Игоревичемъ. Лавр. Лѣт. 113. Предпримчивый Василько питалъ геройскіе замыслы: ибо хотѣлъ онъ нанести рѣшительный ударъ польской державѣ: Возму землю Лядскую (говорилъ Василько) и мѣщю Руськую землю” (кажется за походъ Болеслава); потомъ вознамѣрилъ итти на Дунайскихъ Болгаръ и населити ихъ у себе, наконецъ думалъ онъ ударити на Половцевъ сказывая: „да любо малъзу себѣ славу, а любо голову свою слою за Русскую землю!”

съ первымъ введеніемъ христіанства, съ концемъ десятаго столѣтія, возникли Епископскія столицы въ городъ: 1) Кіевъ (Митрополія), 2) Новгородъ (съ 1166. г. Архіепископія), 3) Ростовъ, 4) Владиміръ на Волыни, 5) Бѣлгородъ близъ Кіева, и 6) Черниговъ; въ послѣдней половинѣ XI. вѣка: 7) въ Юрьевъ на рѣцѣ Росѣ, 8) Переяславль — Русскомъ, 9) Тмуторокани близъ Азовскаго моря въ концѣ того же вѣка Половцами уничтожена; въ началѣ XII. вѣка упоминается уже Епископія 10) въ Полотскѣ. (съ 1115 Архіепископія), 11) въ Туровѣ. (послѣ въ Пинскѣ) и 12) въ Смоленскѣ. (съ 1475. Архіепископія) 48). Вся упомянутые города были вмѣстѣ и княжескими столицами; следовательно почти одновременно съ основаніемъ и упроченіемъ какого-то княжества, каковымъ то княземъ изъ Рюрикова дома, появляется такожъ въ престольномъ городѣ его и Епископія. По той причинѣ съ большимъ правдоподобіемъ можно полагати, что въ началѣ того же XII. вѣка, въ городѣ Перемышль, какъ столицѣ обширной русской волости, уже стараніемъ князя Володара Ростиславича, учреждена бы-

ла отъ Владиміро-Волынской Епархіи отдѣльная Епископія, которую въ послѣдствіи князь Владимірко Володаревичъ перенесъ въ новую столицу основаннаго имъ Галицкаго княжества, въ городѣ Галичѣ, 49). Такое предположеніе получитъ еще болѣе вѣроятности, когда подумаемъ, что Ростиславичи, Рюрикъ (скончавшійся 1092. г.) а по немъ братъ его Володаръ, успѣли первые въ семьѣ Ярославичей, подобно Всеславичамъ въ

49) Такимъ образомъ есть Галицкая Епископія на Руси съ ряду 13-я. Въ началѣ XIII. вѣка возникли Епископскія столицы: 14) въ Перемышль, 15) Холмъ (прежде въ Угровскѣ), 16) Муромъ и Рязани, 17) въ Суздали и 18) Переяславль Залѣсскомъ. Послѣ того до раздѣленія Митрополіи прибавилось еще шесть новыхъ Епархій т. е. 19) въ Саравѣ съ 1261. года въ столицѣ Монголо-Татарскихъ Хановъ, послѣ переведенная въ Москву и называвшаяся Крутицкою, 20) Тверь съ 1271. г. 21) Луцкъ на Волыни, около 1289. года. Въ XIV. столѣтіи упоминается Епископія 22) въ Коложнѣ съ 1353 г. 23) въ Брянскѣ съ 1354 г. 24) Звенигородъ близъ Москвы съ 1391 г. — Подъ 1414 годомъ приводитъ Никоновская лѣт. (V. 51. Карамзинъ II Г. Р. V. 238.) между Епископами созванными В. кн. Литовскимъ Витолдомъ, изъ поставленіе отдѣльнаго Литовскорусскаго Митрополита, послѣ Епископа Холмскаго Харитона, еще Червенскаго Епископа Павла Червенская Епископія была кажется потомъ названа Белзскою и канонически соединена съ Холмскою Епархіею, подобно какъ въ послѣдствіи Берестская съ Владимірскою. Въ Политиковскомъ и Софійскомъ Литописныхъ спискахъ (Schlötzer russ. Annalen. Геттингенъ 1802 часть III. 104.) поставлено въ числѣ русскихъ Епископовъ, Галицкое, Перемышльское, и Самборское Епископство. Въ городѣ Самборѣ и Сяноктѣ, со времени раздѣленія Перемышльской Епархіи на униатскую и не-униатскую часть въ XVII. вѣцѣ пребывала въ-когда неуниатскіе Епископы, будто бы въ отдѣльной Епархіи; для чего по послѣднемъ введеніи уни Перемышльскіе Епископы стали

48) Сочинитель Описанія Кіевософійскаго Собора и Кіевской Іерархіи. Кіевъ. 1825. стр. 245; и Исторія Россійской Церкви СПб. 1838. стр. 27. относятъ ошибочно учрежденіе Холмской Епархіи къ послѣдней половинѣ XI. вѣка, ибо городъ Холмъ основанъ Даниломъ около 1220. года, куда перенесъ онъ Епископію изъ города Угровска. Ипат. Лѣт. 196. „Данилови князю во Володимѣрѣ (съ 1114. г.) созда градъ Угорескъ (Угронескъ) и постави въ немъ пискупа.“ Тамъ же стр. 163. подъ 1223 годомъ: „Бѣ бо преже того пискупъ Асаѣъ во Угровскы, (т. е. преже Іоанна перваго Холмскаго Епископа), иже скочи на столѣ митрополитичъ и за то свержень бысть стола своего — и переведена бысть пискупья въ Холмъ.“ Угровскъ лежитъ на лѣвомъ берегу Буга. противъ города Опалина.

Полотскъ, обратити Перемышельскую во-
лость въ неотъемлемую собственность сво-
его рода, и не нѣя никакихъ правъ на нѣя
волости, старались освободити отъ всякой
зависимости отъ другихъ княжествъ, а тѣмъ
санимъ и отъ подчиненности сосѣднимъ
Епархіямъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

русскій приходникъ изъ Соломяки.

Повѣсть, нимъ самымъ написанна.

(Продолженіе)

Не перейшло 4. недѣль отъ св. Петра
и Павла, и мой Романъ выбрался снова ради
продолженія школьныхъ наукъ до Львова.
Передъ выездомъ давалъ я ему такіа на-
ставленія: „Дотола былъ ты поетомъ, теперь
станешся ученикомъ Любомудрія. Скажу
тебѣ, мой сыну! яково есть различіе меж-
ду поетомъ а любомудрецомъ: первый смо-
тритъ на свѣтъ очима своихъ мечтаній, со-
грѣтыхъ чувствами теплого сердца, и для
того часто ошибается; другій видитъ въ
немъ то, що есть во истину, и по тому
судъ его справедливъ. Чувствуй серд-
цемъ первого, розсуждай умомъ вто-
рого.— Якій ни будешь: славный чело-
вѣкъ, или безыменный бѣднякъ, всегда
будь благороденъ; благородіе души,
то сокровище данное всякому чловѣку съ

писатися такожъ Самборскими и Сяноч-
кими Епископами. Наконецъ съ 1539. годомъ
восстановлено уничтоженную древнюю Галицкую
Епископію въ городѣ Львовѣ. Львовскіе Епис-
копы назывались такожъ Епископами Галича и
Каменца Подольскаго, гдѣ они нѣдѣи своихъ на-
иѣстниковъ, но съ обновленіемъ Галицкой ми-
трополіи стали тѣ же писатися Митрополитами
Галицкими, Архіепископами Львовскими и Епис-
копами Каменца Подольскаго.

Выше, которое, если только разъ погубить,
не набудеть потомъ весьмъ золотомъ свѣ-
та.— Да будетъ всякое дѣло твое до-
бро: отъ добрыхъ дѣлъ покой души и
совѣсть чистая; совѣсть же чистая дастъ
тебѣ внутреннее удовольствіе и веселіе сер-
дечное, съ которыми праведному чловѣку
такъ мило жити на Божіемъ свѣтѣ! — Лю-
би ближняго всегда и вѣрь ему до-
толь, пока не убѣдишься, що зло но-
мышляетъ во сердца. На томъ полага-
етъ счастье твое въ общественномъ жи-
тинъ, котораго желаю тебѣ отъ сердца. Пра-
щай и поминай насъ!”

Послѣ того поѣхалъ мой сынъ. Нѣжная
мати и сестры сопровождали его до камен-
ного креста, гдѣ попрощавшись съ нимъ,
вернули со слезами до хаты.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

По выездѣ нашего сына Романа, стала
жена моя раздумывати надъ тѣмъ, якъ бы
выправити и наши дѣвчата хотъ на сю зи-
му до Львова. И теперь случилась къ то-
му наилучшая способность, понеже достой-
ныи сестранницы Пана Долинскаго, выѣз-
жая на зиму до Львова, обѣщались взяти
ихъ съ собою и издерживати черезъ зиму во
властномъ своемъ домѣ. Такова милость ихъ
и снисхожденіе подобались женѣ моей чрез-
вычайно и она занялась на правду выпра-
вою дѣвчатъ, которы сами дуже тому ра-
ды были. Я не противился теперь ихъ пла-
намъ, понеже надто былъ увѣренъ, що съ
нихъ не будетъ ничего.

Однажды позвано мене къ больному, у
котораго забавившись черезъ весь полу-
день, возвратился къ вечеру домой. Но що
узрѣлъ я тутъ! жена и дочери въ слезахъ;
я спрашиваю о причинѣ слезъ! они не от-
вѣчаютъ. Едва въ полъ часа узналъ я отъ
нихъ, що недавно былъ Панъ Долинскій и

съ глобокую нечалую обвастилъ нѣтъ, що съ взды моихъ дочерей не будетъ ничего, понеже сестрѣнницы его, передъ которыми нѣкійто подлый знакомецъ нашъ наклеветалъ много на пася недоброго, отъѣхали уже нынѣшняго утра во Львовъ; що онъ (Панъ Долинскій) не можетъ открыти намъ ни намереніе, ни содержаніе, ни виновника сей клеветы, що мимо того онъ всегда пребудеть найискреннѣйшимъ другомъ и покровителемъ всей нашей родины.

Выслушавши повѣсть тую до конца засмѣялся я и сталъ имъ представляти несвѣрность панскихъ ласкъ и приреченій; но онъ и слухати мене не хотѣли а только выплакавшись належито, стали розбивати собѣ голову надъ тѣмъ, кто могъ быти тотъ подлецъ, который очернилъ доброе имя нашей родины, родины мирнепѣкко со всеми живущей и не живущей такого богатства, що бы въ комъ либо возбудити могла зависть или ревнованіе.

Цѣлый тотъ вечеръ и половину будущаго дня роздумывали онъ, якъ бы открыти врага нашей родины: не было сосѣда, на котораго не падало бы ихъ подозрѣніе; но все таки доказательствамъ ихъ не доставало вѣроятности. Едва стали онъ и по обѣдѣ тѣмъ же предметомъ заниматься, принесъ одинъ изъ мальчиковъ нашихъ не великій свитокъ записанныхъ папѣровъ, который нашель онъ случайно въ огородѣ. Розвинувши свитокъ, сей часъ узнали мы письмо Раевича, и що наибольше удивило насъ: между папѣрами находился запечатанный листъ съ адрессою: „Благороднымъ господамъ сестрѣнницамъ Пана Долинскаго въ Соломянцѣ.“ Сейчасъ прійшло женѣ моей на мысль, що можетъ онъ былъ тѣмъ подлымъ допосыкомъ, и мы стали совѣтоватися межъ собою, распечатати ли письмо, или нѣтъ. Я противился тому рѣшительно, но

жена и Наталія, доказывали уворно, що никто больше якъ только Раевичъ могъ допуститися таковой подлости и для того нужно листъ его перечитати. Въ сю же минуту ростворила жена моя письмо и читала слѣдующее:

„Вручитель сего листа скажетъ Вамъ, кто его писалъ; Вы узнаете, що писатель тотъ есть ревный другъ невинности, и готовъ препятствовати ея розвращенію. Узналъ бо я, що Вы желаете взяти съ собою до мѣста двѣ дѣвочки на воспитаніе подъ Вашимъ попеченіемъ. Понеже однакожь святымъ есть обязаніемъ всякаго человека, хранити невинность другихъ отъ угрожающей погибели, то перестерегаю Васъ заблаговременно передъ найопаснѣйшими слѣдствіями, якіи могутъ съ того для Васъ возникнуть. Никогда не выступалъ я противъ злонамеренныхъ людей; но теперъ принужденъ употребити строгіи мѣры, бо легкомысленность тая доведеть къ преступленію. Для того прошу усиленно, услухайте совѣтъ сего друга, и не берите съ собою реченныя дѣвочки, бо тѣмъ обезчестится родина, которая дотоль поживала въ невозмущенномъ супокою и невинности.“

По перечитаніи сего листа изъяснила жена моя сейчасъ, що въ немъ вищается клевета противъ нашей родины. Правда що содержаніе его можно было и на противную сторону толковати; и я займилъ що укореніе въ немъ изреченное, можетъ вымѣренно бити противъ сестрѣнницамъ Пана Долинскаго; но жена не дала менѣ дальше розумовати, а только стала нарекати на безчестнаго клеветника. Съ нею соглашалась и Наталія: Амалия же плакала сердечно. Я не могъ сперва поняти, щобы Раевичъ былъ человекъ столь неблагородный; но перечитавши еще разъ письмо увидѣлъ въ немъ тоже само що займѣла жена и Наталія. Такого подлого дѣла бы

ло въ очахъ моихъ найчернѣйшею неблаго- дарностію. Я не могъ даже розобрать, що его привести бы могло къ тому, если чей- же не желанье. удержати мою Аналію на се- ля, щобы тамъ частше ннлъ способность видѣтись съ нею и говорить.

Такъ судили мы и размышляли надъ тамъ, якъ бы помстити сію обиду: когда надбѣгъ другій хлопчикъ и донесъ намъ, що Панъ Раевичъ сближается къ нашимъ воро- тамъ. Слышавши чувства болю надъ поне- сеннымъ недавно оскорбленіемъ и радости надъ близкою местію волновали въ сию ми- нуту наши груди. Хотя вознамѣрили мы толь- ко упрекать его неблагодарностію, одна- кожъ постановили сдѣлати то въ такой спо- собъ, щобы заболѣло его сердце. Для то- го условились мы, приняти его съ обыкно- веннымъ радушіемъ, сначала говорить съ нимъ якъ найпріятнѣйше, дабы такъ его тамъ больше къ себѣ приманити, а потомъ, середъ того милого спокойствіи, напасти на него, якъ иногда буря нападаетъ на стран- ника середъ прекрасной околицы, и дати ему почувствовати тую подлость, яку упо- требилъ къ поврежденію нашей славы. Моя жена, подавшая намъ тотъ остроумный планъ, обязалась привести его къ успѣшному кон- цу. И для того, якъ только вошелъ Рае- вичъ въ нашу хату, поздоровила она его пріятно, и стала говорить о томъ, съ якимъ восхищеніемъ вспоминалъ сынъ нашъ его до- стойное мнѣ при своемъ отъѣздѣ, якъ ино- го пользы принесла ему глубокоумныи на- ставленія Пана Раевича во время ваканцій, и вообще, яка то велика радость и слава, бити такъ ученымъ человекомъ, якимъ есть Панъ Раевичъ!

„Признаюсь,“ сказалъ Раевичъ „ученіе мое пріобрелъ я собственнымъ трудомъ, но къ тому силъ и розумъ далъ мнѣ Господь Богъ.“

„Ученіе и розумъ,“ отрекъ я на тое, „суетны безъ праведности; только правед- ность и постоянный нравъ даетъ человеку цѣну. Самъ несвѣдущій простолюдинъ, не сдѣлавшій ничего злого стоитъ выше, не- жели философъ, который обремененъ мно- гими преступленіями; шо убо розумъ, шо геній безъ благодѣтельного сердца? Най- лучшее дѣло Господне праведный человекъ!“

„То истинно, однакожь только въ поло- винѣ;“ сказалъ Раевичъ, „якъ убо при оцѣ- неніи нѣкой книги не пытаемъ о то, суть ли въ ней погрѣшенія, а только есть ли въ ней красота и изящность, такъ должно намъ не по недостатку грѣховъ оцѣнати челове- ка, а по величинѣ дѣлъ его добродѣтельныхъ; ученому можетъ не доставати общежитія. у- рядникъ можетъ бити гордый, а воинъ твер- дого права; но свободно ли намъ ставити вы- ше нихъ простолюдина, который, не за- служивая ни на похвалу, ни на укоры, всю жизнь проживаетъ въ работѣ, якъ бездуш- ная машина? Такимъ дѣломъ можно бы пер- вого лучшего селянина поставити надъ Але- ксандра Великого, надъ Цезара и Наполе- она I, которы всѣ мнѣ великого генія, и- мѣли свои грѣхи.“

„Ваше замѣчаніе справедливо тогда,“ отвѣтилъ я, „коли при малыхъ поблуждені- яхъ сіяютъ великимъ благодѣтели; но если случится, шо въ одной и тойже душѣ по- явятся и великіи грѣхи и необыкновен- ныи дарованія, тогда характеръ такой за- служилъ на общее презрѣніе.“

„Можетъ бити,“ сказалъ Раевичъ, „шо существуетъ где либо такой уродъ, въ ко- торомъ получены великіи дарованія съ ог- ромными грѣхами; но о сколько менъ свѣтъ извѣстенъ, не нашель я нигде прнмѣръ то- го рода, во преки всегда занѣчалъ, шо тамъ, где душа была велика, находились

и добрыи склонности сердца. И возмину само провидѣніе кажется сдѣлало такъ уже во нашу пользу, що ослабленъ бываетъ разумъ тамъ, где испорчено есть сердце. и такимъ образомъ уменьшается сила злодѣянія, где къ тому воля склонна. По видимому, даже звѣрята подвержены тому же закону; меньшіи овады бываютъ всегда злобы, жестоки и робкіи; вопреки же сильныи и великіи звѣры благородны, храбры и кроткіи."

„Все то хорошо сказано," отрекъ я, „однакожь легко пріишло бы меня въ сей же часъ указать челоуѣка," — и при тахъ словахъ вперилъ я очи свои неподвижно въ него — „челоуѣка, которого разумъ и сердце творять ужасное противенство. Такъ, Пяне Равичъ," продолжалъ я возвышеннымъ голосомъ, „меня случилось открыть васъ въ мнимои вашей безпечности. Узнали вы тотъ свитокъ?"

„О такъ достойный Отче," отвѣтилъ онъ съ непонятнымъ спокойствіемъ, „тотъ свитокъ мой, и я дуже радъ, що его снова нахожу."

„А тотъ листъ?" воскликнулъ я, „узнаете ли его? не мѣшайте; смотрите меня прямо въ лице! Еще разъ пытаю: узнали вы тотъ листъ?"

„Тотъ листъ?" рекъ онъ хладнокровно, „разумѣется, узналъ: я таки самъ его писалъ."

„И якъ могли вы быти столь неблагодарнымъ, столь подлымъ, чтобы листъ такой писати?"

„А якъ могли вы," отрекъ онъ съ безпринзирною спокойностію и почти безстыдствомъ, „якъ могли вы быти столь нечестивымъ, абы листъ мой распечатати? Тайну листовъ повелѣно наблюдать закономъ,

а вы законъ тотъ переступили; тайна листовъ освященна у всѣхъ просвященныхъ людей свѣчаемъ, а вы свѣчай тотъ столтали ногами! Въ первый разъ узналъ я при томъ случаѣ, що честь ваша — важъ не дорога!" Такое злословіе розсердило мене до крайности. „Неблагодарный челоуѣче!" воскликнулъ я съ гнѣвомъ, „уступи съ моей хаты! не оскверняй пороговъ ей твоею подлотою! Единая кара. яку для тебе желаю, да будетъ тая: чтобы пробудилась твоя совѣсть и ты почувствовалъ все бремя обиды, яку нанесъ на мирную нашу хату!"

Послѣ тахъ словъ кинулъ я ему письма его подъ ноги, и онъ поднесши ихъ усмѣхаясь съ земли и попрацавши насъ съ спокойнымъ лицемъ, вышелъ изъ хаты, оставляя въ насъ негодованіе надъ его неблагодарностію и хладнокровіемъ. Моя жена особливо сердилась за то, же нищо не могло возбудити въ немъ якового стыда.

„Мое сердце," сказалъ я къ ней, желая усмирити гнѣвъ, который насъ обохъ повлекъ былъ за далеко, „да не будетъ намъ дивно, що злыи люди не знаютъ стыда; они стыдятся лишь тогда, коли застанемъ ихъ на добромъ дѣлѣ; въ своемъ же лукавствѣ ищутъ они чести."

Такъ сказалъ я къ женѣ; но иначе проговорило въ скорѣ потомъ мое сердце: ахъ можетъ онъ безвиненъ, и для того такъ смело смотрѣлъ намъ въ очи! И правота не стыдится дѣлѣ своихъ благодатныхъ. Можетъ листъ той писавъ былъ во нашу пользу; — ахъ, въ такомъ случаѣ розорвалъ я своевольно священную связь, котора соединила насъ съ найблагороднѣйшимъ челоуѣкомъ!

Продолженіе слѣдуетъ.

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЕЛНЫЯ И ГО- СПОДАРСКІЯ.

— *Якъ заховати жареное (пярженное) мясо, абы робаки до него не досталися.* Жареное мясо, солонина, колбасы и пр. наилучше переходуются въ перестыльномъ сухомъ пепелѣ съ букового дерева. При томъ поступаетъ такъ: въ скрину, на сухомъ перестыльномъ мѣстѣ, сыплется не много сухого пепелу, на который кладутся жареное мясо, шинки и пр., тѣмъ засыплются снова пепеломъ, и такъ поступаетъ, пока не выполнится вся скриня. На верху засыпается пѣла скриня густо пепеломъ, абы овады не погли яйчекъ своихъ въ мясо укладывать. Хотячи такъ переходованое мясо взяти до ужитку, потребно прежде очистити оно сухою или мокрою щеткою изъ пѣси, на верху повставшей; впрочемъ пѣсьнѣ тѣя во все не вредитъ вкусу. Жареное мясо, сокрытое въ такой способъ, переходуется цѣлый годъ и бываетъ сочистое, понеже толстота въ немъ не топится и не стекаетъ якъ на открытомъ мѣстѣ. Для сохранения чистоты можно таковое мясо, передъ его сокрытїемъ въ пепелъ, въ папѣръ завинуть.

— *Многорозличная польза изъ смолы.* Смольная вода, которая составляется изъ смѣшенія смолы и воды въ ровныхъ мѣрахъ, стоявшая въ тепломъ мѣстѣ 24 годивъ, оказалась успѣшнымъ средствомъ противъ геморойа, которая, якъ опытни лѣкари твердятъ, происходитъ отъ робаковъ. Употребляется средство тое въ слѣдующій способъ: когда смола опадетъ на дно блюда, пьется вода на верху стоящая три раза на день мѣрною склянкою, и кромѣ того попеременно или еже другій день, отваръ изъ яловцоваго кореня, заправленный будъ сенегомъ будъ круглымъ анижемъ; при томъ смаруется хребетъ и боки козлинымъ лоемъ.— Всякое четырехножное звѣря, меняющее аппетиту, или зѣлаще а худое (що найчаще происходитъ отъ робаковъ), если напьется такой, но густо смолою заправленной воды или чистой смолы, достаетъ на другій день сильный аппетитъ, пьетъ добро, и вскорѣ поднается. Реченной воды дается въ слѣдующемъ розмѣрѣ: кою, рослому бизяги, разъ въ тыждень не больше якъ полъ кварты, свѣтъ квартирку, ну пятую, овцѣ десятую часть кварты, а молодшимъ звѣрятамъ и меньше. Случалось, що и во время сухотъ лѣчились зараженными скоты смолою успѣшно.— Свербячку у людей лѣчатъ

въ некоторыхъ сторонахъ тѣмъ же средствомъ; къ той цѣли мѣшаются двѣ части смолы съ одною горючей воды и тѣмъ натирается хорый; по истеченіи одной годины наступаютъ поты, и тогда смывается тѣло и смаруется елеемъ.— Абы избѣти сухое жилище, ставляючи новый домъ; подобаетъ запобѣгти мокротѣ слѣдующимъ способомъ: выпровадивши муръ надъ верхъ земли, обливается сухой муръ смолою, но крайней мѣрѣ на полъ цѣля грубости, выготованною въ котлахъ черезъ 20—30 годивъ, остывшою и пережвнвшою въ смолу шевскую, и ажъ на ней мурруется якъ звычайно дальше, а мокрота уже не пройдетъ.— Если кладется во внутри хаты подлога, и поливается каждую доску подъ сподомъ на $\frac{1}{4}$ цѣля такую смолою, то подлога становится долготревалюю, не спачется, не розходится и бываетъ неповредною отъ мышей и робаковъ.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Слово во время торжественного Богослуженія въ пресвятый праздникъ Богоявленія Господа нашего Иисуса Христа в. Януаріа 1853. года въ церкви Ставропигіанской, Успенія Пресвятыя Богородицы говоренное Иосифомъ Кульчицкимъ гр. кав. Львовскою духовною Семинарію Исповѣдникомъ. Типомъ и издвѣніемъ Института Ставропигіанскаго 1853. Достопочтеннымъ Старшїишникамъ, предстоятелямъ и всемъ членамъ Института Ставропигіанскаго посвящаетъ Авторъ. Въ осмерицы.—

Пригадуемъ нашему Всепочтенному Читателю, що уже съ 5. Числомъ предплата 1го четверточїя укончилась. Просимъ протое о найскоршемъ надосланіи предплаты на второе четверточїе 1853. года, дабы возможно намъ было наклады нашей Часописи отвѣтно розвѣрити и всякія недогодности изъ опозненья въ присланію предплаты такъ для Редакціи якъ и для Вс. Предплатителей происходящїи усунути.—

Уравненія ради „Поученїи церковныхъ” съ теченіемъ Евангелїи педѣльныхъ прибавляетъ теперь изъятно цѣлымъ листъ оныхже.

Издвѣніемъ и типомъ Института Ставропигіанскаго.
Отвѣчательный Редакторъ Іоаннъ Гумалевичъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся еженедельно въ Середу два леты, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверточною получить платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ВСПОМНАНІЕ НАДНІСТРОВЬЯ.

Защитники! вы не моя
Колебельная сторона —
За чѣмъ я васъ такъ возлюбилъ:
Що я гнѣздо мое, и Бугъ,
Падѣтка мой наймишій другъ
Не естъ менѣ уже такъ миль.

Я весь, якъ естѣ, лишнимъ свѣтъ,
И калѣя мнѣ сужденныхъ лѣтъ
Самой жизни, кобы мнѣ
Отдасть кто ничу свободу

И Кришатицкую гору
И тѣ острова на Днѣстрѣ!

Тамъ бы въ думивью я свѣдѣль
Зъ горы на Русь мою бы зрѣлъ,
Якъ красна мила тамъ она!
Подлинна такъ, якъ сельскій цвѣтъ,
Весела, якъ весны розсвѣтъ
Богата, якъ Украина.

Тамъ народъ Русинъ всевъ душовъ,
Неповрежденъ чужинициновъ,
Тамъ древня ширость, древній нравъ;
Въ лицахъ тамъ цвѣтъ и красота,
Въ свѣтлинахъ ладъ и чистота,
Въ гостиныхъ дружескій уставъ.

А пѣснь яка тамъ живеть,
Тамъ всякъ пѣвецъ и всякъ поетъ!
Тамъ танецъ мужескій арканъ
Дрожить подъ нимъ свята земля
Сама десныня, и гудба
Въ гуляніи жвавыхъ Поддѣстятъ.

Тамъ старецъ съ сѣловъ бородавъ,
Юношеску пьетъ кровь,
Безжурѣ сердце козака!
Видати можно тамъ не разъ,
Прадѣда съ молодими вразъ
Ще выгинати гонакъ!
Спроси, въ войнѣ кто перемѣль,
Царя кто, вѣру защитилъ?
То тѣ жваки молодіи
Отъ Буковины, що ихъ тамъ
Есть возлюбленный той арканъ
Що воспитались при Днѣстрѣ
Оні добре съ ними всякому
Кто любить Бога, Отчину,
Кто чинитъ Царя и законъ свой.
Тамъ бы я вѣкъ прожити хотѣлъ
Кобы я кости тамъ зложилъ
Где широрусскій народъ той!

И. Г. Н.

ОТЪ СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМИСИИ.

Оголошеніе загальныхъ складокъ на домоу народный и другу городску церкову, же зъ нашей причины долшій часъ перорванѣ, прѣ-
должаемъ въ слѣдующій способъ.

Въ числѣ 5. Зори зъ г. 1853. мы по-
дали до общей вѣдомости списъ жертвъ, явше
дувшихъ, до дня 1. Листопада, и зъ
того времени вплинуло новымъ жертвамъ
1. Честъ и преп. Г. Вислохійу, архидіаку Ма-
цишскій, и первый членъ комисіи собира-

жельзную колѣи, которая вонстану, будетъ не долго будоватися. Уже составилось особое общество, которое нацѣряетъ дѣло оно въ семь еще году распочати. На той подземной колѣи заведена будетъ такъ звана атмосферическая система, по которой напоръ воздуха въ порожины, пожежъ колѣевъ въ земли укрытыи руры, пхати будетъ самъ собою скоровозы. И такъ стануть ѣздити жители великанского того города сквозь подземную тьму, вѣтя надъ своими головами все бремя лондинскихъ зданій. Чего еще не выдумаютъ остроумныи Англичан!

— Съ Виртембергинъ согласилось 200 родитъ, належашихъ къ сословію богатыхъ селянъ, желая вселитися въ пустынныхъ окрестностяхъ Угорщины. Австрійское правительство отвѣтило имъ, что переселенію ихъ никто не будетъ препятствовать, если только выкажутся свидѣтельствами благоправного житія. Такожъ съ Баваринъ и нныхъ пѣнскихъ краевъ пришли подобныи желанія.

— Въ Калифорніи найдено кедровое дерево, которое числится можно къ наибольшимъ въ свѣтѣ. При земли имѣеть оно 91 стопъ въ объемъ, на 14 стопъ выше надъ землею 61, вышина его выноситъ 285 стопъ а числи обручки слоя, можно вѣкъ того дерева опредѣлити на 2,500 до 3,000 лѣтъ.

— Съ Америки возвѣщаютъ о новомъ открытіи золотыхъ жилъ въ старинныхъ лѣсахъ Канады, о существованіи которыхъ никому ниже случилось.

— Достоянники турецкого войска. Чинъ достоянниковъ въ турецкомъ войску раздѣляется на три розряды. Къ первому ряду принадлежатъ генералы, которыи присвоиваютъ себѣ имя башы. Полковникъ и подполковникъ зовется бей. Достоянники низшіи отъ полковника именуется ефенди; всѣ же прочіи ага. Турецкіи достоянники вообще не пользуются такимъ почитаніемъ якъ въ нныхъ евр пейскихъ войскахъ. Тожъ не рѣдко случается, что полковникъ выбѣетъ по лицу передъ рядами войска маіора, маіоръ сотника и пр. Уважается правиломъ, дабы никого не подвыснати надъ маіора, если незнаеть хотя не много читати, писати и числти. Намъ кажется то почти невѣроятнымъ, дабы маіоромъ могъ стати неграмотный человекъ: но такъ есть во истину, бо въ Царгородѣ есть много такихъ маіоровъ и даже одинъ бригадовый гене-

ралъ. который не знаеть перечитати ни одной буквы!

— Въ Америкѣ есть великій недостатокъ женщинъ. Отъ двохъ стоитій умножается тамъ число мужчинъ, которыи значительно превышаютъ число женъ. И чѣмъ дальше на западъ Америки, тѣмъ рѣдше встрѣчаются женщины. На противъ въ Европѣ мужчинъ далеко меньше якъ женщинъ; пожеже первыи переселяются оттуда въ розличныи свѣта стороны найчаще же въ Америку не возвращаясь къ намъ уже никогда, а послѣдніи, не такъ скоры къ переселенію, остаются въ отечествѣ. и тѣмъ число ихъ не уменьшается. Мимо того недостатка женщинъ въ Америкѣ удивительно есть, что тамъ же существуетъ въ нкоторыхъ сторонахъ религіиная секта Мормоновъ, у которой заведено многоженство.

— Въ Лондинѣ показуеть теперь проф. Андерсонъ двое карликовъ, которыи обращаютъ на себѣ великое вниманіе тамошнихъ жителей. Карлики тіи принадлежатъ къ особой расѣ Антексъ званой и происходятъ изъ средней Америки. Одинъ изъ нихъ хлопчкъ, несполна 3 стопъ высокой, друга дѣвчника только 2 стопъ и шесть палей. Кости у нихъ и составы суть майже пичьей тонкости: голова чрезвычайно маленька, покрыта магонькижъ, чернымъ и немного кудрявымъ волосьемъ, очи черны, блестящи, чело низкое, носъ дуже въ гору задертый, барва тѣла оливная. Замѣчательно и то, что мимо такъ маленького тѣла, они довольно разумны.

Извѣстія торговельныи.

— На торгу дня 19 с. н. въ Львовѣ продавано ко-
рещъ пшенины по 19 р. 13 кр.; жита 12 р. 55 кр.; ячменя
11 р. 26 кр.; овса 6 р. 32 кр.; гречки 13 р. 25. кр.; земля-
ковъ 6 р. 57 кр.; цетнаръ сѣна 2 р. 19 кр.; околотовъ 1 р.
36 кр. вѣд. в.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣденьской дня 20 Септ
Ажіо ц. червонцевъ 16 1/2
„ серебра 9 1/2

Переписка

съ ч. Редакцію „Вѣстника.“ Мы перечтали Вашу „Отвѣтъ.“
попущенный въ 67. ч. Вашей времениси — и не нарушаемъ
мира.

Ред. З. Г.

(Слѣдуетъ Число 29. „Почуочій Церковныхъ.“)

Издвненіемъ и типою Института Ставропигіянского.

Отвѣчательный Редакторъ Богданъ А Дядицкій.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Середу два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четвертьечно получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ДА БУДЕТЬ МИРЪ!

Да будетъ миръ на Руси всей
Межь неученымъ и ученымъ:
Намъ надобно теперь людей
Къ дѣламъ великимъ и священнымъ.
Такъ кто учалый, да учить
Другихъ съ охотой, снисхожденьемъ,
А неученый — да молчать,
И да пользуется ученьемъ.

Да будетъ миръ, бо ужъ и такъ
Междоусобій много было,
И тѣхъ пристрастныхъ споровъ, дракъ,
Что вспоминати ажъ не мило;
Вся древня лѣтопись полна
Изображеньемъ борьбъ и военъ;
Но въ миръ днесъ всѣ племена,
И ты, нашъ роде, будь спокоенъ!

Да будетъ миръ, бо то и встыдъ
За букву, за языкъ сваритись.
Когда еще полнѣйшій видъ
Не могъ у насъ дотоль развиться;
Когда еще не былъ такімъ
Писатель межъ Русинами,
Чтобы рекли о немъ: то свой,
То нашъ и духомъ и словами.

Да будетъ миръ, бо нужно намъ
Трудитись всѣмъ по Божьей волѣ,
Народный созидати Храмъ,
Съяти на пустынномъ погѣ:

А въ непогоду, въ бурный часъ
Робота всяка перервется,
И недругъ обругаетъ насъ,
И злобымъ смѣхомъ засмѣтся.

Да будетъ миръ, бо ужъ давно
Мы въ дѣлѣ важномъ согласились:
Приняти отъ Старыхъ оно,
Чѣмъ передъ свѣтомъ прославились,
А именно: тѣмъ слова,
Въ которыхъ наша жизнь и сила, —
Да не смотримъ: что и Москва
Языкъ свой ними украсила.

Да будетъ миръ, да пишеть всякъ
По собственному розсужденью.
И что и що, и якъ и какъ,
По слуху иль обмыковенью.
А где прекрасный и объемъ
И чисто-русски будутъ звуки,
Тамъ всѣ мы съ радостію прильгнемъ,
То жъ сдѣлають къ нашимъ звукамъ.

Да будетъ миръ, — иль если кто
Начнешь спорити за азбуку,
Не стѣй же намъ сквозь решето
Свое самую чорну муку;
Не называй своихъ друзей,
Занятыхъ тѣмъ же трудами,
Преданныхъ Матери своей:
„Ея невдачными сынами!“

Богданъ А. Д.

ВСПОМИНКИ СТАРОСЛОВЕНСКІЯ.

VII.

Соотношеніе древнихъ Словенъ къ ихъ божествамъ. Поганскіи предки наши изражали свою зависимость отъ высшего существа именно тѣмъ, что признавали надъ собою покровительство некоторыхъ божествъ. И такъ, всякій вѣкъ жизни препоручано покрову нѣкого божества, съ чѣмъ соединены были различныи обряды.

Главнымъ божествомъ, покровительствующимъ все житіе чловѣка, уважано божество Жива. Божище убо тое воображало себя яко мужеску и женскую стихію въ соединеніи, и приписывано ему, будто оно даетъ, удерживаетъ и развиваетъ а потомъ погубляетъ и уничтожаетъ все житіе. Такииъ дѣломъ божество Жива было вообще жизнедательнымъ существомъ. Тоеже существо подъ образомъ божища Поренука имѣло попеченіе надъ дѣтми въ материнской утробѣ, а яко женская стихія подъ именемъ Злата — Баба было надъ породами. По той причинѣ приносили мужи во жертву молодыи звѣрята божищамъ Живъ, Поренуцъ и Златой — Бабѣ. — Въ дозрѣльшемъ вѣцѣ бѣла надъ чловѣкомъ Лада, богиня любви, которой преимущественно поклонялись дарами молодыи женихи. — Надъ сопругами имѣли особенное попеченіе: Лель (любовь) Дѣдъ (взаимная любовь) и Полель (сопружество). Въ народныхъ пѣсняхъ донынѣ сохранились израженія: Дѣдъ — Ладю! Лель — Полель! которыи нужно уважати яко возванія тѣже божищъ.

Въ каждомъ народѣ встречаемъ освященныи обряды, вводящии дѣтей въ общественное житіе. Такииъ обрядомъ у поганскихъ Словенъ были пострижины. Родители давали 7. лѣтнимъ дѣтмъ въ первый разъ торжественно стрѣгчи волосье; при

томъ случаѣ надавано дѣтмъ имена, посвящено ихъ богамъ, научая познавати божескіи силы и величіе; остриженныи же волосы складано въ жертву Богамъ. На томъ обрядѣ основанъ свѣчай стриженія волосовъ уже во временахъ поганскихъ въ цѣлой Словенщинѣ.

Якъ пришествіе на свѣтъ чловѣка, такъ и его отшествіе изъ свѣта соединено было съ побожными обрядами. Мертвыхъ хоронено двоякимъ образомъ: или похоронено ихъ яко обыкновенно въ гробъ, или сожжено и пепель въ похоронныхъ блюдахъ складано въ землю. Однакожь похороны были въ большемъ обыкновеніи. Они отбывались слѣдующимъ способомъ: Обмыто мертвого, вынато внутренности, наполнено благовонными мастями, сопито розпоръ яко найстараннѣе и мащено снова все тѣло. Въ гробъ складано, обыкновенно вся вещи, которыи покойнымъ въ житіи были милыми, яко: оружіе, коня, гроши и пр. Тѣло укладывалось на взнакъ, лицемъ въ гору, или такожь въ спячей поставѣ. На гробахъ насыпывало землю и каменья, яко нагробіе, и съ тѣхъ то временъ удержались именно на Руси и въ Польшѣ надгробныи насыпъ, извѣстныи подъ именемъ: могилъ или кургановъ. Въ Чехахъ хоронено мертвыхъ въ лѣсахъ и по полямъ, давано имъ подарки для духовъ, надъ мертвымъ ставлено хлѣбъ и свѣчу, яко жертву для божествъ смерти. Послѣ похоронъ брали присутствующии на лице маски и кидали по себе каменья, землю и дрова. На перекресткахъ (крестовыхъ дорогахъ) воздвигали каплички для божищъ смерти и за души мертвыхъ.

Сожженіе тѣлъ случалось рѣдше, и тогда обыкновенно шли на всесоженіе за мужаи вѣрныи жены. Послѣ похоронъ отбыв-

вались пирь, званнн тризнами и стипани.

Понеже древннн Словене вѣрили въ безсмертіе души, то сготовляли таковыи тризны во честь покойниковъ ежегодно; тризны тѣи были извѣстны у Поляковъ нодѣ бѣсѣдою дѣдовъ или праздникомъ стариковъ. Словене вѣрили даже, что души мертвыхъ присутствуютъ и участвуютъ въ такихъ тризнахъ, для того запрашали ихъ торжественно на гостину, а при концѣ изгаяно тѣми словами: „Вы душечки навлись, напились, бывайте здоровы, оставите благословеніе живыи, а сему дому миръ и тишину.“

Посмертное состояніе душъ воображали себѣ древннн Словене надто смыслово; вѣрили бо въ соединеніе души съ тѣломъ, и для того давали мертвецамъ до гробу оружіе, яствія, гроши и пр. Антовцы, пребывавшіи долше въ поганствѣ, представляли себѣ посмертное состояніе совсѣмъ такнмъ, какнмъ было предсмертное на землн, а только украшали оно себѣ совершеннншнми радостями и роскошати и думали, что тамъ будутъ: веселое общество, хорошнн жены, вкусныи яствія, солодкии напитки, въ лѣтѣ бѣлое свѣжее одѣнье, въ зимѣ теплыи шубы, пріятный отпочинокъ на великнхъ мягонкнхъ ложахъ, неизмѣнное здоровье, веселья, игры и всякнн радости. Жилище покойныхъ именовалось Нева или можетъ инава, съ чѣмъ вѣроятно стоитъ въ отношеніи и богиня мертвыхъ Нія. Суднцы судили мертвыхъ и опредѣляли имъ нагороды. Когда еще замѣтнмъ сіе обстоятельство, что во всѣхъ словенскнхъ нарѣчіяхъ находится множественное число слова небо, яко: небеса и неба, то легко можно домыслитися, что Словене вѣрили въ большее число небесъ, въ которыхъ жертвы по различннхъ степенямъ своего совершенства помѣщались.

Духъ и дупа, въ словенскомъ языкѣ ннзетъ тое же само происхожденіе, что дуновеніе или отдыханіе. Предки нашн воображали себѣ оживляющее существо челоувѣка въ дуновеніи, будто существо съ воздухомъ сходственно, и такнмъ дѣломъ найтоишее, найннжнншее. И яко воздухъ всякому созданію къ жизни конечно нуженъ: такъ ннмѣла въ немъ челоувѣческая душа найлучшее изъображеніе. Кромѣ того представляно себѣ душу въ подобіи птицы, котора опустивши тѣло мертвого, дотолѣ не ннмѣла сопокою, пока тоеже не сожжено или не похоронено. Воображано ю найчаще въ видѣ голубки, чего доказательствомъ есть ннженно надпись на гробѣ польского короля Болеслава Храброго: *Hic jacet in tumba principis, gloriosa columba* (здѣсь лежитъ во гробѣ князь, славная голубка).

Дружба, гостепрннмство и почитаніе старшнхъ были всегда найкрасннми свойствани Словенъ. Другъ уважанъ былъ ровно яко родственникъ, и отгуду то до снхъ поръ сохранилось межъ Сербани, такъ зовнное побратнмство, якого прннара не встрѣчаемъ больше у жадного съ народовъ. Побратнмство состоитъ въ томъ: двѣ особы познакомнвшнсь и полюбнвшнсь, даютъ себѣ торжественное прнреченіе взаимной любви и помощи, и съ того времени стаются найвѣрнншнми, нерозлучннми друзьями во всѣхъ случаяхъ жизни. Такнй другъ именуется „Побратнмомъ въ Бозѣ.“ Такнмъ дѣломъ побратнмство уважается у Сербовъ за сродство по душѣ а не по крови, яко родня отъ Бога а не отъ челоувѣка, которая съ той причины должна быти неповрежденною, неоскверненною. Якъ мужнны, такъ и женнны завязываютъ межъ собою подобную дружбу, и такнн подружкн зовутся „посестрнны.“ О томъ обычаѣ помннаетъ Тальви съ почестію и говоритъ

нежь прочими „У Морляковъ вознеслась дружба на нѣкій степень религійного освященія. Я былъ свидѣтель, когда два дѣвѣны въ церковь въ Перузицѣ присягали себѣ посестринство. Давши себѣ торжественный образъ святое приреченіе взаимной дружбы, видно было, яка радость изъ очей тѣхъ посестримъ сіяла. Есть то доказательствомъ, якъ нѣжны чувства грѣются въ сердцахъ людей тѣхъ необразованныхъ.” Къ тому хорошій тотъ и священникъ, обычаемъ предрекаетъ слабому защитѣ а опущенному помощь во всякихъ случаяхъ. Есть то безспорно найкрасшее свойство народа, доказывающее о искренномъ Словенѣ челоуколюбін и добросердечіи, и сожалѣнъ надъ тѣмъ дуже, что у нынѣшнихъ Словенъ съ изытіемъ Сербовъ изъ обычая того само только ния осталось. Найстаршіи лѣтописцы хвалятъ такожъ гостепрїимство Словенъ, которое было такъ необходимо, что ради того ни нужденныхъ ни жебраковъ у нихъ не бывало, якъ о томъ говоритъ Гельмольдъ: „Не знаю благочестившого народа якъ Словенъ ради ихъ гостепрїимства. Когда кто изъ нихъ пригнетенъ болѣзнію или лѣтани, есть обязанностью родины взяти его въ свое попеченіе. Дружба убо и любовь къ родителямъ есть у Словенъ найвысшимъ достоинствомъ. Для того нѣтъ у нихъ ни бѣдняка ни жебрака.” Гостепрїимство тое было столь необходимо, что во время работы выходя въ поле и не затворяя дверей, — бо ради сей благодѣтели не было у нихъ ни даже причины опасатись злодѣя, — оставляли хлѣбъ и сыръ на столѣ, чтобы путешественникъ, посѣщающій случайно ихъ хату, нашель нужное пропитаніе.

Почтеніе, якого дознавали старшіи кромѣ попеченія, было всегда соединено съ первоначалемъ въ родинѣ, того ради бы-

ли старики начальниками родинъ и громадъ и въ томъ достоинствѣ исполняли разомъ домашніи богослужбении обряды.

Художество и умѣніе. Истуканы божищъ, отъ части до нынѣшняго дня сохранены, суть доказательствомъ, что Словене изъ давнѣхъ знали ваятельное искусство. Старинныи лѣтописцы удивляютъ часто красоту ваятельныхъ дѣлъ, якими обыкновенно украшаены были стѣны храмовъ, и то доказываетъ, что Словене любовались въ ваятельномъ искусствѣ и привели оно къ значительному совершенству. Кромѣ того искусства любили Словене больше гудьбу и пѣніе, чувствуя въ себѣ особливый даръ и склонность къ тому хорошему умѣнію, якъ о томъ доселѣ свидѣтельствуетъ неисчисленное множество народныхъ нашихъ пѣсней.

Письмо знали Словене уже во временахъ идолопоклонства, чего доказательствомъ само названіе священниковъ, которы для того звались кнезами, понеже разумли книги т. е. письмо, и содержащіяся въ нихъ науки; и утверждаютъ даже преданія лѣтописцевъ, что законы свои на доскахъ писали. Якое однакожь письмо ихъ было о томъ не можемъ рѣшительно сказать, понеже не осталось намъ изъ него нѣкихъ памятниковъ. — Тѣмъ дѣломъ были у Словенъ книги и знаніе уже во временахъ поганства, и отъ того легко заключити можно, что они имѣли такожъ нѣкій родъ школъ, пишетъ бо Балбинъ: „школа поганска была въ Будецѣ, чешскомъ городѣ въ Сланскомъ округу, недалеко горы Рипы, и къ той магической Зороастра школѣ стремилась вся чешская шляхта (*ad hanc magicam et Zoroastris scholam tota properabat bohémica nobilitas.*) По преданію обучались въ тойже школѣ такожъ Любуша и Премисль.

О образу жизни Словенъ упомина-
емъ лишь коротко, что они преимущественно
занимались земледѣіемъ и скотопаше-
ствомъ. Торговля однакожъ процвѣтала у
нихъ уже передъ введениемъ Христіанства
и посредствомъ ней воздвиглись великіи го-
рода. Такожъ рудокопнею занимались дре-
вныи Словене, но туя въ большей части усту-
пали чужинцамъ. Надовсе однакожъ не лю-
били войны, хотя въ нуждѣ доказывали
свою храбрость, именно, когда шло о за-
щитиніе отечества. У нихъ не было бли-
ща войны, якъ у иныхъ народовъ; бо Сло-
вене были преимущественно земледѣльческіи,
миролюбивыи народомъ.

Гл. II.

МАЧИХА И ПАННОЧКА.

Украинская повѣстка.

V.
(Конецъ.)

Раненько встала Панночка, умылась сту-
денною водою, помолилась Богу и вы-
шла въ лѣсъ посмотреть на братьей Ивановъ.
Утро было во всей красѣ: солнце ярко и-
грало на росистой темной зелени дубовъ и
ясеней; сѣтковая тѣнь отъ вѣтвей ихъ рос-
кинулась по дорожъ; въ свѣжомъ воздухѣ
вѣяло вонями дикой мяты; сѣрый заяцъ ве-
село скакалъ межъ орѣшникомъ; птицы при-
вѣтствовали ясный день громкими пѣснями;
въ чащѣ лѣса свистѣли дрозды, стонали и-
волги; въ кустахъ пѣли малиновки, а весе-
лый кобчикъ, кружась надъ боромъ, рѣз-
кими криками своими будилъ дальнее эхо.
Якъ прекрасно всякое твореніе Божіе! хо-
рошъ бываетъ и лѣсъ.

Долго смотрѣла Панночка на дорогу,
теряющуюся между лѣсомъ — на дорожъ
никого не было; сумно стало Панноцъ,
такъ сумно, что она хотѣла заплакать. Ажъ
тутъ — передъ нею, якъ изъ земли вырос-

ла старушка, въ синей юбцѣ, въ лантяхъ
съ посохомъ въ рукахъ, съ кошникомъ и тѣмъ-
вою за плечами.

Вы вѣрно не разъ видали лѣтомъ та-
кихъ старушекъ; они идутъ со всѣхъ сто-
ронъ Руси поклонитися святыни Печерской
въ Кіевъ.

Подошла старушка къ Панноцъ, и на-
чала просити милостины.

— Ты вѣрно на богомолье? спросила
Панночка.

— Да, дитятко.

— А издалека?

— Охъ, издалека, мой свѣте, изъ са-
мого Харькова.

— И ты все пѣшкомъ идешь?

— Пѣшкомъ; я была больна, умира-
ла, и дала обѣтъ пойти до Кіева, теперь
Богъ помиловалъ, поднялась на ноги, до-
бреду якъ нибудъ; терплю и голодъ и жа-
жду. Вотъ вчера вечеромъ здѣсь въ бору у-
пала отъ усталости, да тамъ и ночь про-
вела.

— Ты голодна? пойди ко мнѣ, я тебе
накормлю и успокою, сказала Панночка.

И скоро въ свѣтлой комнатѣ были по-
ставлены передъ старухою лучшіи яствія и
напитки. Панночка приглашала старуху по-
больше ѣсти.

— Нѣтъ, не хочу, мое дитятко, от-
вѣчала она: я сыта; пора мнѣ въ дорогу.

— Да останься, отдохни.

— Нѣтъ, я не выполню моего обѣта,
когда буду идти съ отдыхомъ и съ рос-
кошью. Прощай, мое дитятко, вотъ — на те-
бѣ на память золотыи перстень; возьми его.

— Не хочу; Богъ съ тобою старушко!

— Возьми его, говорю тебѣ, не бу-
дешь каятися; тотъ перстень дала мнѣ моя
покойная бабка; онъ предохранитъ тебе отъ
всякого зла.

— Якій бы онъ ни былъ, я его не возьму; я не торговка, Господи прости, чтобы брала гроши за угощеніе.

— Яка упрямая, ну хоть надънь его, посмотри; якъ онъ заблеститъ на твоей хорошенькой ручцѣ!

Перстень горѣлъ якъ огонь. Панночка взяла его въ руку, посмотрѣла и надѣла на палецъ — Панночка была женщина!... Въ сей часъ ей случилось дурно, въ очахъ потемнѣло, грудь затрепетала тоскою, будто тяжелый камень лягъ на ню; она рвала перстень съ пальца, не тутъ — то было; якъ змѣя обвилася онъ около ей былого пальчика; Панночка пошатнулась и упала на землю.

— Теперь Паня будетъ спокойна, проворчала въдьма, и вышла изъ свѣтлицы, свиснула не человѣчьимъ поевнестомъ, отъ котораго закрутился вихоръ на пыльной дорогѣ; схватилъ вихоръ, скверную бабу въ свои объятія, прикрылъ ю пескомъ и листьями, и выше бора, стоячого понесъ на хуторъ Пана.

Ей, нечестая сила розыгралась, говорили братья Иваны, подвѣзая къ своему дому, когда увидѣли летящій черный столбъ вихря. Они слѣзли съ коней, и привязавъ ихъ, пошли въ свѣтлицу. Тамъ лежала мертвая Панночка; она была также хороша якъ и живая, румянецъ не сбѣжалъ со щекъ ея; опущенныя ресницы, казалось такъ и поднимутся, такъ и засвѣтятъ изъ подъ нихъ два блестящія очка; а безъ дыханія лежала она; надармо братья будили ю, — она была безотвѣтна, безжизненна.

Опустивши руки, поникнувши головами, стояли Иваны передъ Панночкою.

— Надармо мы склякали добрыхъ молодцевъ, говорили они; теперь мы не можемъ выполнить длиннаго слова, якъ честными православными, козаки: мы поклялись или умерти или унизити передъ очами нашей

гостыи ей злую мачиху; теперь Панночка умерла, и нашъ остается умерти и тѣмъ выполнити свое слово. А якъ хороша она и по смерти! Мы ю не похоронимъ въ землю — жаль будетъ такую красоту засыпати сырымъ пескомъ: мы ю положимъ въ стеклянный гробъ и накроемъ гробъ хрустальною крышкою; мы ю поставимъ подъ открытымъ небомъ — да соловій перелетомъ полюбуется на красоту, и запоетъ про ню, солодкую пѣсню! Да солнце, съ высоты смотря на ню, захочетъ заткати такими цвѣтами широкіи луга! Якъ хороша она будто живая! говорилъ Ивасъ, закрывая раковъ хрустальною крышкою, и слезы сбѣжали по ихъ загорѣлымъ лицамъ.

Четыре наездники — Козаки, закаленные въ войнѣ, у которыхъ не исторгли бы ни одной слезы, ни вздоха ніякіи пытки въ Варшавѣ или въ Крымскомъ полону, котормы умѣють умерти съ усмѣхомъ, проклятая своихъ враговъ, тѣ люди рыдали передъ трупомъ дѣвочки!

Недаромъ въ Сѣчи не было ни одной женщины.

Далеко надъ Днѣпромъ есть непроходимая пуща: клены, дубы и яворы роскинули тамъ въ розныи стороны свои вѣтви, переплели ихъ, перепутали и составили одну свѣжую, зеленую стѣну. Топоръ дровосѣка никогда не стучалъ еще въ той пущѣ; она не слышала выстрѣлу стрѣльца. Въ томъ лѣсу есть небольшая поляна, трава якъ шолкъ розлагается по ней, а посерединѣ растетъ дубъ великанъ, дѣдъ дубовъ Кіевскихъ; десять людей взявшись за руки едва обнимуть грубый его пень; подъ тѣнью вѣтвей его укрывается отъ дождя сотня козаковъ съ вѣрными конями. На томъ дубѣ стоитъ стеклянный гробъ, въ гробѣ лежитъ Панночка; надъ дубомъ на всѣ четыре стороны былого свѣта роскинулись мертвыи тѣ-

ла братьей Ивановъ. Умерли добрыи козаки, своии вършии саблями сами убили себе и сдержали свое слово.

IV.

Летитъ время, летитъ быстрое — не остановишь его, не умолишь. Осъдай, козаче, черкесского скакуна; несишь, козаче, по степи! Любо тебѣ! соколы остаются за тобою, а время быстрѣе отъ тебѣ. Пожалѣй, козаче, доброго коня, дай ему перевести духъ. Ты остановился, а время ушло впередъ, и никогда не догонишь его.

Ждутъ люди весны: пришла она цвѣтушая; когда бы скорѣе лѣто! вотъ и лѣто шумитъ жатвою: скоро ли созрѣютъ плоды? и осень несетъ вамъ румяныи плоды. Плоды хороши, но якъ же пусто въ природѣ, пора бы снѣгу — явился снѣгъ. Несносная зима! скоро ли ты минуешь, скоро ли будетъ весна?... Такъ бѣгутъ годы — и мы все недовольны. Смотримъ завистливо на будущее: тамъ есть чтось такое, тамъ черицетъ точка. Вотъ она растетъ, близится, вотъ она передъ нами: темный гробъ! И человекъ не успѣлъ оглянутиса, якъ прошелъ путь жизни.

Пролетѣли пятьдесятъ лѣтъ со времени смерти Панночки. Пятьдесятъ лѣтъ; полвѣка, жартъ ли?... О, якъ скоро прошли они: несчастный ихъ не пережилъ, счастливецъ ихъ не замѣтилъ! А Панночка все лежала въ хрустальномъ гробѣ также хороша. Днемъ надъ поляною вились лѣсныи орлы, и перекликаясь въ небѣ, любовались чудною смертію козаковъ; ночью соловѣй садился на зеленой вѣтвѣ надъ гробомъ и, до восхода солнца, въ звучныхъ пѣсняхъ розсказывалъ темному бору о красотѣ Панночки.

Въ то время у воеводы Кіевскаго Черноуса былъ молодой сынъ красавецъ. Высокій ростъ и черныи кудры, смѣлая постава, пріятная бесѣда, дѣлали его замѣт-

нымъ между всѣми молодыми Кіевлянами. Никогда куля его не пролетала въ синемъ небѣ мимо быстрого сокола; ни одинъ конь не смѣлъ вольничати, когда рука Черноусенька управляла нимъ. Цѣлый былъ бы козакъ, говорили добрыи люди, но загубить отецъ сына: къ чему онъ учитъ его во всякихъ наукахъ?

А якъ сидеть бывало на коня Черноусенько, и поѣдетъ прогулятися межъ народомъ — вы никогда бы не сказали, что онъ такіи грамотный: такъ красивый, такъ ловкій, такъ удалый! Посмотрите, вотъ онъ съ добрыми товарищами выезжаетъ на охоту. Конь подъ нимъ такъ и дрожитъ, такъ и пышетъ, взвился на дыбы, скочилъ въ сторону — сидитъ Черноусенько, якъ гвоздемъ прикованный, только червоная кита козацкой шапки закружилась въ воздуху. Почуялъ конь на себя доброго съдока и гордо пошелъ по Кіевскимъ улицамъ. Подлѣ Черноусенька ѣдутъ его товарищи; и они храбрыи козаки, и у нихъ кони черкесскіи, и они хороши, но такъ, якъ звездочки передъ свѣтлымъ мѣсяцемъ.

Помалу вхалъ сынъ воеводы съ своими товарищами; легкая пыль кудрявою волною разбѣгается по слѣдамъ ихъ. Ихъ оружіе блеститъ золотомъ и дорогими каменьями. Любо было посмотреть на нихъ; люди снимаютъ шапки и почтительно кланяются, дѣвочки смотрятъ изъ оконъ. Вотъ выехали козаки за городъ, поворотили по берегу Днѣпра... Ажъ тутъ выстрѣлилъ сынъ воеводы за дикою козою: раненная коза кинулась въ чащу лѣса, стрѣльцы за нею, а лѣсъ стаетъ все густѣйшій, коза скачетъ все быстрѣе. Уже всѣ товарищи Черноусенька остались на задѣ; того скинула грубая вѣтвь изъ сѣдла; тотъ упалъ съ конемъ въ лѣсный оврагъ, тотъ, якъ въ сѣти запутался въ дикій хмѣль и терновникъ;

одинъ Черноусенько скакалъ по слѣдамъ раненой козы, но лѣсъ ставался все густѣйшій и густѣйшій. Вотъ уже конь совсѣмъ зашелъ въ густвину, а тутъ терновникъ колеетъ его въ морду; онъ кидается въ сторону, а коза уже далеко въ передѣ. Соскочилъ Черноусенько съ вѣрнаго коня, выхватилъ саблю и побѣжалъ за добычею, бѣгалъ долго и выбѣжалъ на поляну.

На полянѣ, середь зеленого ясного лужка, стоялъ дубъ. на дубѣ блестялъ стеклянный гробъ, подъ дубомъ лежали четыре человѣческія остовы. Видно было, что давно они лежатъ здѣсь; по бѣлымъ костямъ ихъ вилась лѣсная цвѣты и зеленая трава. Кривыя козацкія сабли были въ рукахъ остововъ. Подошелъ Черноусенько къ стеклянному гробу, взглянулъ на него, и опустилъ руки. А коза давно уже исчезла; въ первый разъ ушла добыча послѣ выстрѣла воеводскаго сына.

Скоро пріѣхали и товарищи Черноусенька, сняли съ дуба стеклянный гробъ, и поставили на зеленой муравѣ. Прекрасная, якъ ясная зоря, лежала въ немъ Панночка, румянецъ игралъ на ей лицѣ; губки, казалось, такъ и усмѣхнутся, такъ и заговорятъ; она сложила на груди крестомъ руки, на указательномъ пальцѣ правой руки ей горѣлъ перстень.

Хорошо, что зналъ Черноусенько всякія науки! Только взглянулъ онъ на перстень, тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло, сказалъ якіясь ученые слова, схватилъ перстень съ руки Панночки, и кинулъ его на землю: где прокотился онъ, тамъ трава выгорѣла, тронулся дерева, дерево засохло.

Тихо открыла Панночка очи, поднялась изъ гроба и сказала: „якъ долго спада я!“ Тутъ... тутъ я не скажу ничего; я не былъ съ Черноусенькомъ въ то время, и менѣ

никто не розказывалъ, что тамъ говорилось и дѣлалось.

Вечеромъ Панночка уже сидѣла въ домѣ воеводы. Воевода и сынъ его ласкали Панночку и выпытывались ю, и кормили яствами, и поили напитками, а козакъ на быстрой скакунѣ летѣлъ уже далеко отъ Кіева, въ хуторъ старого Пана — кликнуть его на радость великую и просити благословенія на сватѣбу дочери съ воеводскимъ сыномъ,

VII

Якъ ты красивъ, старинный Кіевъ! добрый городе, святой городе! якъ ты красивъ, якъ ты свѣтлый, мой свѣдый старику!

Что солнце между планетами, что князь между народомъ: то Кіевъ межъ городами. На высокой горѣ сгонтъ онъ, опоясанъ зелеными садами, увѣнчанъ золотыми маковками и крестами церквей, словно святою короною; подъ горою широко разбѣжались живыя волны Днѣпра — Словутицы. И Кіевъ и Днѣпръ разомъ; Боже мой, яка роскошь! Слышите вы, добрыи люди, я вамъ говорю про Кіевъ, и вы не плачете отъ радости? Вѣрно вы не Русины.

А сколько тамъ церквей, сколько въ нихъ богатства! Войдите хоть въ Соборъ Софійскій — а тутъ толпа народу: тутъ поютъ, вѣчаютъ. Но ничего дѣлать: въ другое время мы съ вами розсмотрѣли бы церковныя рѣдкости Кіева, и гробницу Ярослава и мозаику Греческую, и много, много — а теперъ поглядимъ на сватѣбу.

Церковь горитъ въ огню отъ множества свѣчей. Священникъ вѣнчаетъ Черноусеньку съ Панночкой. Кругомъ толпятся родственники. Недалеко отъ олтаря стоитъ старый Панъ; онъ бѣленькій якъ снѣгъ; преклоня дрожащія колѣна, онъ благодаритъ Бога, что далъ ему увидѣти дочь еще разъ и въ таковое счастливое время.

Когда молодые поцеловались, въ церкви раздался глухой стонъ, и какая женщина упала на землю—то была старая Памя. Пятьдесят лѣтъ сняли съ лица ей красоту и свѣжесть молодости, и провели на немъ рѣзкія морщины; она не могла перенести красоты и счастья своей пасербицы, когда сама была дряхлою старухою. Памя упала на землю—и умерла отъ зависти.

А въ Киевѣ долго еще въ ту ночь гремѣли веселыя свадебныя пѣсни, долго горѣли огни, долго еще пировали добрыя люди; но пѣсни постепенно утихали, огни одинъ за другимъ погасли, все утихло; заснулъ Киевъ... только у подошвы его лѣнливо протекаетъ Днѣпръ, и надъ святыми церквами идутъ себѣ обычною дорогою Божіи звѣздочки...

Е. Гр.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ О КОРОНѢ СВ. СТЕФАНА.

Корона Угорскаго королевства, найденная недавно вразѣ съ иными королевскими знаменами коло Старой Оршавы, стала въ нынѣ предметомъ всеобщаго вниманія. Здѣсь предлагаемъ почт. Читателямъ нашимъ короткое описаніе и некоторые историческія извѣстія о сей драгоценной памятнѣ.

Корона таа состоитъ съ двухъ, внѣшнихъ вѣдомъ и вѣтокъ, различающихся частей. Нижняя часть, составлена съ довольно широкаго золотого обруча, называется латинскою: верхняя, представляющая золотую круглую митру приправлену къ нижней части, есть греческаго происхожденія и носить имя греческой. Среди дорогихъ камней, хорошихъ образковъ и надписей находится на ней такожъ таа замѣчательная греческо-словенская надпись: *ΓΕΩΒΙΤΖ ΠΙΣΤΟΣ ΚΡΑΛΗΣ ΤΟΥΡΚΙΑΣ* т. е. Геобитъ (Гейза) истинный король Турціи. Корону латинскую, опредѣленную сперва для польскаго короля Мечислава, прислалъ папа Сильвестеръ II угорскому королю Стефану 1000 года, когда тотже принялъ имя и достоинство христіанскаго короля. Корону греческую подарилъ греческій Царь Михаилъ Дукасъ угорскому воеводѣ Гейзѣ 1075 г., который выправившись съ королемъ Шалонауномъ противъ Грековъ, об-

ходился съ греческими пѣвчими весьма ласково и получилъ за то отъ нихъ драгоценный даръ. Гейза короновался ею того же года, однакожь не присвоивалъ себѣ имени короля. Якіи когда были обѣ короны во едину совокуплены, о томъ нѣтъ вѣрныхъ извѣстій.

Въ первыхъ вѣкахъ Угорскаго королевства соблюдало корону тую въ Стольномъ Бѣлоградѣ (Стульвайсенбургу), где и королей короновано; позднѣйше перенесено ю до Вышеграда, славной словянской крѣпости надъ Дунаемъ. По смерти Андрея, послѣднаго короля съ родины Арпадовъ 1301 г., позвала одна часть угорскихъ вельможей на королевскій престолъ чешскаго короля Вячеслава II, который, не принявши самъ короны, склонилъ вельможей къ выбору своего 12 лѣтнаго сына Вячеслава, и тотъ коронованъ былъ 1301 г. въ Бѣлоградѣ. Понеже однакожь противная сторона народа избрала Неполитанца Карла Роберта за угорскаго короля: вернулъ Вячеславъ II съ сыномъ и орачь съ короною до Праги, где оставала она до его смерти, с. е. до 1305 г. Сынъ его Вячеславъ III уступилъ право на угорскій престолъ Баварскому Оттону, и по уговору отдалъ ему корону съ Стефана и прочіи драгоценности. Понеже однакожь австрійскій воевода Рудольфъ былъ соперникомъ Оттона: то принужденъ былъ Отто вѣхати мимо австрійскіи предѣлы до Угоръ потайно, и при томъ случаѣ сокрыто корону въ деревянную скринку и привязано у сѣдла коня. Прибывши счастливо до села Фишаменту (пониже Вѣдны), замѣтилъ къ своему сожалѣнію Отто, что скринка съ короною где то въ дорогѣ потерялась. Сейчасъ выслалъ онъ за немъ своихъ дворянъ, которыи нашли ю по односторонней протѣдѣ въ болотахъ. Вскорѣ потомъ прибылъ Отто съ короною до Бѣлограда и тутъ короновано его сего же года съ вельдѣннымъ торжествомъ. Г. 1307 выбрался Отто до Семиграда за свою невѣстою, дочерью тамошняго воеводы Доброгоста, а для безпеченства взялъ съ собою и королевскую корону. Но Доброгость присоединился межѣ тѣмъ къ сторонѣ Карла Роберта, поймалъ и увязнилъ Оттона, и отобралъ ему корону, которую, однакожь, повеже самъ надѣлалъ остати королемъ, не выдалъ Роберту, такъ что для коронованья сего послѣднаго въ 1308 г. нужно было сдѣлати новую корону. Послѣ продолжительныхъ договоровъ отдалъ наконецъ Доброгость корону съ Стефана, которую короновано потомъ Карла Роберта по другій разъ дня 27 Авг. 1310 г.

Съ той поры сохраняема была корона св. Стефана до 1440 г. въ Вышеградѣ. По смерти короля Альбрехта приказала вдова его Елисавета короновати нею въ Бѣлоградѣ 1440 г. рожденного по смерти отца, своего сына Владислава Постума. По коронаціи отъѣхала она до Вышеграда и привезла сюда вмѣсто правдивой короны якуюсь поддѣланиу. Съ той причиною короновано потомъ польского короля Владислава въ Бѣлоградѣ иною короною, именно тою, которою увѣнчана была голова похороненного въ Бѣлоградѣ короля св. Стефана. Межъ тѣмъ увезла королева Елисавета корону до Вѣднѣ, где г. 1440 дня 24 Авгус. заставила ю за 2500 червонцевъ Царю Фридрику IV на два лѣта. Черезъ 24 лѣтъ нѣтъ Царь Фридрикъ корону въ своей власти, ажъ наконецъ отдалъ ю 1463 г. въ слѣдствіе заключенного мира послать угорского короля Матеемъ Корвина, которы отнесли ю сперва до Шопрону, потомъ до Будина, а 1464 короновано нею въ Бѣлоградѣ короля Матеея. Сей король приказалъ корону тую хранити въ Вышеградѣ, где оставала она подъ защитою двоухъ коронныхъ наблюдателей ажъ до несчастной битвы подъ Могачемъ 1526 г.

Въ то время были коронными наблюдателями І. Заполій и Петръ Переній. Въ войнѣ, котора вела на была о угорскую корону межъ Фердинандомъ І. и І. Заполіемъ, попалась она въ руки послѣдняго, который нею вѣнчался. Но когда преуженный Заполій уѣхалъ въ Польшу, передалъ Переніи корону Фердинанду І, и получилъ оную по его коронаціи снова подъ свою охрану. Переній не сложилъ корону въ Вышеградѣ, но держалъ ю у себе; вскорѣ потомъ однакъ вторгнулъ турецкій султанъ Сулейманъ вооруженною силою въ Угорщину, а Переній бѣжалъ съ короною изъ своего города Шинглоша до Капошвару. На пути, подъ часъ ичягу въ селѣ Кайдачѣ, началъ Перенія одинъ приверженецъ Заполія, именемъ Серечень, поймалъ и отдалъ его вразѣ съ короною начальнику Заполійцевъ, Банѣю а тотъ Сулейману. Сулейманъ отослалъ по нѣякомъ времени корону поддьяному себѣ королю Заполію, по которого смерти отдала вдова его Исабела 1551 г. сію драгоценность Фердинанду І, а тотъ повезъ ю съ собою до Вѣднѣ. Съ наследникомъ его Рудольфомъ II: пришла корона та по другій разъ до Праги, где оставала ажъ до 1608 г. Царь Матеей взялъ ю потомъ съ собою на коронацію до Прессбурга, и приказалъ ю здѣсь хранити; но и тутъ не было для ней по-

коя. Въ году бо 1620 добылъ Гявр. Бегленъ Прессбургъ и возилъ ю съ собою чрезъ два лѣта то до Блиской Быстрицы, то до Ечеда и наконецъ до Кошицъ. Послѣ заключенного въ г. 1622 мира межъ Фердинандомъ II и Бегленомъ: принялъ отъ послѣдняго корону Варадинскій епископъ во имени Царя; потомъ отдано ю подъ охрану Перенію, который отвезъ ю сперва до Тренчича, потомъ до Шопрону, наконецъ же до Прессбурга. Во время чятежи Ракочія перевезено ю г. 1945 на короткое время до Рабу, потомъ до Вѣднѣ. Во время славного сойма 1697 г. пришла она назадъ до Угорщины, и по коронаціи Іосифа І. рѣшено соимовымъ указомъ: „дабы корона сія въ будущемъ всегда хранима была въ угорскомъ краѣ и то подъ защитою двоухъ наблюдателей.“ Въ позднѣйшемъ времени перенесено ю съ Прессбурга до Будина, который то городъ стался именно по смерти Іосифа II хранилищнымъ мѣстомъ короны св. Стефана.

Въ г. 1849, по розогнаніи мадарскихъ возстанцевъ, взялъ начальникъ ихъ Кошутъ, королевскій драгоценности съ собою и когда, пришедши на волошко-турецкую границу, узналъ, что Турки на своей земли отбирають отъ бѣглецовъ мадарскихъ все уносимое ими ерарное австр. имѣніе: то рѣшилъ оны скрыти ихъ на угорской земли. Кошутъ ушелъ, и драгоценности пропали: по поиску за ними продолжались отъ того времени безпрерывно именно въ окрестностяхъ Старой Оршавы, где Кошутъ на нѣсколько дней передъ своимъ бѣгствомъ сдерживался. Дѣло тоо поручено н. к. майору-аудитору Каргеру, который употреблялъ все время на то, дабы якъ наилучше познаться съ мѣстоположеніемъ старо-орнавскихъ окрестностей. На весну 1853 г. обратилъ оны свое вниманіе на одно усторонье въ поближии холма зовимаго Аліономъ, которое, будучи зарослое хашами, плющомъ и деревьями, казалось ему тѣмъ единымъ мѣстцемъ, где бѣглецы могли выгодно похищенный скарбъ укрыти. Оны уважалъ, что коло деревъ лежали отрубленны вѣтви, что деревья обдерты были где куда изъ коры; къ тому найдено въ тѣхъ мѣстахъ хорошіи ключики отъ кишеньковыхъ часовъ и рукоятку отъ сабры, съ чего заключилъ оны, что тутъ рубалъ можетъ якій челоувѣкъ изъ высшего общества сакирою. При томъ положено мѣстце сіе такъ, что множно къ нему легко достатись отъ турецко-сербской стороны Дунаекъ. Тѣмъ обстоятельствомъ побудили майора Каргера предпріяти въ тѣхъ мѣстахъ точнѣйшіи поиски. Дня

8 Сентября приказалъ оны розкопывать землю и у другого прикопа на дня 8 Сент. о 8 годикъ ударила молния одного выробишка о желзную ржавь, хранилище реченныхъ драгоценностей. Въ ракъ лежалъ на верху плащъ св. Стефана, весь промоченный отъ влаги, но еще не истлѣвшій. Подъ плащомъ находились три шелковыя подушки, на которыхъ ношено знамена королевскія. У споду найдено два шелковыя чулка (пончохи), поясъ, черевички и бахрамы (френзы) промочены и истлѣвши; въ кутѣ на правомъ боку стояла скринка съ короною, совсѣмъ ненарушеною, подлѣ ней скипетръ тоже испскаженный, мечъ значительно заржавлѣный и державное яблоко немного чернѣлое.

Корону св. Стефана и прочія драгоценности привезено дня 19 Сент. до Вѣднѣ, где приготовлено было для пріятія ей особенное величпное торжество. Его Величество, нашъ милостивѣйшій Монархъ, осмогривая ихъ въ присутствіи дворской свиты и многихъ достойниковъ, изрекъ при томъ случаѣ, что драгоценныя намятки тѣмъ отвезены будутъ на знакъ Его довѣрія къ преданности всего угорского края назадъ до Будина и тамъ предадутся подъ охрану Его п. Высочества, Краевого Начальника, Архикнязя Альбрехта. Въ слѣдствіе того изреченія отвезено ихъ дня 21 Сент. до Будина, который съ того времени стался снова хранилищнымъ мѣстомъ сихъ найдорожшихъ для всякаго угорского жителя достопамятностей.

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ.

— Отъ 16 с. м. начался въ Львовскихъ школахъ зимовый курсъ научныхъ преподаваній. Наибольше учениковъ вписалось до академической гимназіи, межъ тѣми же значительно большее число Русиновъ, для которыхъ преподаваетъ „религіиуну Науку“ катехизъ г. М. Малиновскій. Въ VII и VIII классу двухъ здѣшнихъ гимназій преподаваетъ „русскій языкъ и литературу“ профессоръ Львовского всеучилища, г. Я. Головацкій, въ 6 низшихъ классахъ академической гимназіи обучаетъ въ русскомъ языкѣ г. Ю. Волошакъ а въ Доминиканской г. И. Гушалевиць, который преподаетъ во всѣхъ классахъ тойже гимназіи также „религіиуну науку.“ „Науки въ недѣлю и свята читаетъ для Русиновъ въ 4. высшихъ классахъ академ. гимназіи г. Малиновскій въ 4 низшихъ г. Волошакъ, во всѣхъ же классахъ Доминиканской г. Гушалевиць.

— Директоратъ академической гимназіи, во Львовѣ издаетъ при концѣ каждаго школьнаго го-

да брошюрку подъ заглавіемъ „Програмъ ц. к. акад. гимназій,“ въ которой помѣщаются бывають учеными статьи, составленныя ея профессорамъ и „школьными извѣстія.“ Въ минувшемъ году читали мы въ такомъ Програмѣ любопытную статью „Первобытная Исторія Словенъ,“ написану въ пѣмецкомъ языкѣ I. Жукowskiмъ; сего же года наслаждаемся основательнымъ изложеніемъ „Слова о Полку Игоревѣ.“ — Сочинитель оной статьи, проф. Я. Головацкій, вознамѣрилъ познакомиться ближе съ тѣмъ драгоценнымъ памятникомъ нашихъ ученыхъ Нѣмцевъ, и предложивши содержаніе его яко и многія историческія и языковныя замѣчанія, рѣшилъ свою задачу съ наилучшимъ успѣхомъ. Изъ „Школьныхъ извѣстій“ узнали мы, что с. 1853 было въ той гимназіи 482 учениковъ, межъ тѣми 66 Исраелитянъ а 237 Русиновъ.

— Въ ц. книгохранилищѣ въ Петербургу нашли межъ кипами, писанными на восточныхъ языкахъ, арабскій переводъ св. Евангелія, изданный въ Сиріи въ городѣ Алепо 1708 г. славнымъ козацкимъ Германомъ Иваномъ Мизепоч. Книга та, подарована еще 1818 г. ц. библіотецѣ ученымъ К. Лазаревымъ, состоитъ съ 214 страницъ. Черезъ сіе долгое время не обривала она на себе ніякаго вниманія; ажъ теперь выдобылъ ю тамошній библіотекаръ изъ пыли забвѣнія и указалъ всю ея высокую цѣну.

— Въ Москвѣ печатается второе изданіе изряднаго сочиненія подъ заглавіемъ: „Опытъ общесравнительной грамматики російскаго языка.“

— Сими днями вышла въ Празѣ „Всеславянская сравнительная грамматика“ Челяковскаго. Предисловіе къ ней и жизнеописаніе в. п. Челяковскаго написалъ П. I. Шафарикъ.

— Нѣсколько чешскихъ ученыхъ обществъ, именно к. Общество наукъ и Чешскій Музей получили отъ Его П. г. мипистра дѣль внутреннихъ Коларевое сочиненіе „Старо-Италія Славянска“ даромъ.

— Чешскій ученый, Іоаннъ Славоміръ Томичекъ составилъ „Граматику російскаго и старочешскаго языка.“

— Въ Празѣ вышло недавно сочиненіе Небескаго подъ заглавіемъ „Краедворская рукопись.“ Находятся въ немъ весьма важныя замѣчанія о старинной словенской поэзіи.

— Извѣстный собиратель русскихъ и польскихъ народныхъ пѣсней, И. Жегота Паули составилъ „Сравнительную грамматику староболгарскаго, иллірскаго, русскаго, польскаго, чешскаго и

сербско-лужицкого языка." Сие сочинение печатается современно у Ф. Баумгартена въ Краковѣ въ 4 Частяхъ, съ которыхъ каждая стоитъ будетъ 1р. ср.

— Выдѣлъ, составившійся въ Буднѣ въ цѣли воздвиженія памятника І. Голуму, вознамерилъ издати „Полное жизнеописаніе“ того отличнаго словяцкаго пѣвца.

— Сербская литература обогатится незадолго изданіемъ многоважнаго сочиненія подъ заглавіемъ: „Исторія Сербіи написанная послѣднимъ деспотомъ (владѣтелемъ) сербскимъ, княземъ Юріемъ Бранковичемъ.“ Князь Бранковичъ писалъ ю во время изгнанія своего въ Хебъ въ Чехахъ, где и житіе свое закончилъ. Рукопись его находится современно въ Патріаршей бібліотекѣ въ Карловцахъ.

СЕДМИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Его Величество нашъ милостивѣйшій Монархъ благоволилъ изъ любви къ своему младшему Брату Карлу Людвигу сонзволити, чтобы тотже первое выступленіе на полѣ государственныхъ трудовъ сдѣлалъ въ коронномъ краѣ Галичинѣ и тутъ подъ нашими небомъ, въ дѣлахъ нашего края, при обычаяхъ и свѣчаяхъ нашего народа приготовлялся къ великимъ подвигамъ, якимъ по званію высокаго достоинства Царскаго Роду высшая судьба совершится Ему опредѣлила. — Радоваться можетъ и повелѣчатся передъ иными краями царской короны наша Галичина, что воля всемилостивѣйшаго Монарха усмотрѣла въ ней впечатлѣнія, которыя достойны суть, дабы вкоренились въ юношеское сердце; и отъ насъ то зависло, чтобы весна младенческаго вѣка въ высокостойномъ нашемъ Гостю унесла въ потонную память наши благодѣтели, нашу преданность, благодарность и довѣріе наше къ Особѣ Царя и вседостойной Его Родимъ; въ нашей есть сила, чтобы воспоминаніе о насъ въ позднѣйшихъ дѣлахъ слынуло благословеніемъ на край и дѣти наши за то, понеже мы знали высокопочтитаго благоволеніе всемилостивѣйшаго Владѣтеля, который нашему крѣю и попеченію нашего Намѣстника повѣряетъ найдорожшій скарбъ души — родного своего Брата!

— Отъ нѣсколькихъ дней присутствуетъ войсковымъ упражненіямъ на поляхъ подъ Голомуцомъ Его Величество, нашъ милостивѣйшій Монархъ. 24 с. м. надѣялись тамъ такожь прибытія Его В. російскаго Царя, который, якъ возвѣщаютъ нѣкоторые

дневники, поѣдетъ потомъ изъ Голомуца мимо Галичину до Одессы:

ВСЯЧИНА.

— Г. Пти, директоръ звѣздари въ Тулузѣ, утверждаетъ, что видѣнный недавно комета доспѣлъ 8 с. м. своей присолнечной точки. Дня 5. с. м. былъ онъ 27 миліоновъ миль отъ земли отдаленный. Скорость его бѣгу была такъ велика, что отъ 25 Августа до 2 Сентября совершилъ онъ 12 миліоновъ миль. Современна скорость таа еще увеличилась. Англійскій астрономъ Гиндъ рассчиталъ, что ядро его есть почти столь же великое, якъ наша земля; широта его хвоста выноситъ 50.000 миль и тѣмъ дѣломъ равняется разстоянію мѣсяца отъ земли; длину тогоже хвоста опредѣляютъ астрономы на 4 миліоны миль. — Изъ того уродуется каждый, что сей комета не принадлежитъ къ числу наибольшихъ и что скоротечность его не есть еще наибольшая. Астрономъ Гиндъ утверждаетъ даже, что наша земля проходила, кажется, не разъ сквозь долгій хвостъ яковаго комета и притягала къ себѣ его атмосферу безъ всякаго вреда для своихъ жителей, которыя иногда и не знали о томъ, что по надъ ними протасаетъ комета. — При томъ случаѣ извѣщаемъ, что еще въ мѣсяцъ Маю с. года открыто сквозь телескопы въ Портѣ Пагалъ великаго комета, о которомъ астрономы домышляютъ, что се будетъ тотъ саяъ комета, егоче явленіе предвѣщено на г. 1856. Есть то наибольшій изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи; г. 1264 саялъ пламенный его хвостъ на небѣ выше надъ 100 градусомъ.

— Недавно обдаровалъ російскій Царь одного 11 лѣтнаго хлопчика, Ивана Фадеева 100 рублями за то, что оборонилъ своего молодшаго сопутника въ лѣсѣ отъ волка, котораго билъ кустромъ по головѣ доголь, пока не забилъ на мѣстѣ.

— Работы при будованіи желѣзной колѣи съ Бохи до Дебницы уже почти укомчены. Мосты на рѣцѣ Бѣлой и Дунайцѣ совсѣмъ готовы, а на Вислоцѣ (вбудуются еще въ продолженіи сего мѣсяца).

— Якъ великое замилваніе имѣютъ Бельгіицы въ гульбѣ и пѣнію познати изъ того, что у нихъ существуетъ нынѣ 662 музыкальныхъ обществъ.

Извѣстія торговельныя.

— Въ первой половинѣ сего мѣсяца продавано на торгахъ въ Тернополѣ корецъ пшеницы по 5 р. 43 кр.; жита 4 р. 7 кр.; ячменя 3 р. 13 кр.; овса 2 р. 14 кр.; гречки 3 р. 53 кр.; кукурузы 3 р. 56 кр.; земляковъ 3 р. 16 кр. цетнаръ сѣна 52 кр.; волны 120 р.; настѣны конячины 16 р. ср.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣденской дна 27 Сент.
 Ажіо ц. червонцевъ 15 3/4
 серебра 10 1/4

(Слѣдуетъ Число 30. „Поучоній Церковныхъ“ и „Возваніе къ предплатѣ на 3: четвертьгодіе.“)

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается ежеседмично въ Середу два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. н. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. н. — Желающіи четверочно получить платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. н. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. н.

ПѢСНЬ РУССКОГО КОБЗАРЯ.

„Шумитъ вѣтеръ дубравами,
Листъ желтѣетъ на древахъ;
Я стою подь воротами
Съ русской кобзою въ рукахъ.

У мене подь сердцемъ выюте
Пѣсни, думки прежнихъ лѣтъ,
И съ грудей якъ птички рвутся
На гулянье въ Божій свѣтъ.

И слѣдуя ихъ паренью
Иногда спѣваю я,
Такъ, по давнему ученю,
И якъ анесь поютъ друзья.

Но не добро мнѣ ведется
И всѣмъ братіямъ — пѣвцамъ;
Съ вѣтромъ голосъ нашъ несется
И счезаетъ по лугамъ.

Лихо время; лучше было
Бандуристамъ въ древній часъ,
Люди ихъ пріймали мило,
Марно не счезалъ ихъ гласъ.

Предки наши любовались
Въ сказкахъ, пѣсняхъ Кобзарей,
Тожъ охотно проходились
Кобзари по Руси всей.

А теперь — во время ново —
Хоть охота есть у насъ,
И поемъ про то и ово, —
Никто не слушаетъ насъ.

Слово русское не вѣдетъ
Салоновымъ воздухомъ,
Стара бесѣда не грѣдетъ
И не платить золотомъ!

Горька правда; по, ей Богу!
Горьчо напнямъ Кобзарямъ,
Крестъ дають имъ на дорогу,
И не внемлютъ ихъ словамъ.

Такъ не дивь, что молоды
Лирваки упали съ силъ,
Перервали пѣснь другіи,
Лиру не олимпъ разбилъ!

Бо якъ пѣти, якъ играти,
Коль слушателей все нѣтъ?
Якъ овощей намъ желати
Коль не дбаемъ и о пѣть?

Намъ сіяетъ древня слава,
И подноситъ насъ къ тону
Царева рука ласкава —
Но мы предаемъя сну!

Да не будетъ — страшно слово! —
Намъ погибель, слѣдство сна!
Пробудитъ же ся на ново,
Къ дѣламъ зветъ насъ Отчина!

Да будуетъ Домъ Народный
И русского Слова Храмъ,
А за трудъ нашъ многоплодный
Вѣчна слава будетъ намъ!”

Богданъ А. Д.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ВСѢХЪ СЛОВЕНСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

(Словенскія народы: — Племена восточныя. — Племена западныя.)

Народы, которыхъ короткую Исторію Литературы вознамѣряемъ почт. Читателямъ нашимъ предложить, происходятъ, какъ и прочіи большіи народы Европы, отъ индійскаго племени и воселились межѣ морями Чернымъ, Балтійскимъ и Сѣвернымъ, по всему взроутію, въ VIII. или VII. столѣтіи передъ Рождествомъ Христовымъ. Первыя достовѣрныя свидѣнія однакожь имѣемъ о нихъ изъ середины VI. столѣтія. Около того времени перешла одна ихъ часть Дунай, поселилась по обомъ сторонамъ рѣки сей даже до адриатическаго моря. Съ того времени стали они извѣстны прочимъ европейскимъ народамъ подъ именемъ Венетовъ, Вендовъ, Славовъ, Славянъ, Словенъ, которыми то послѣднимъ именемъ они самыя себе дома называли. Уже тогда раздѣлены были они на больше племенъ съ различными именами, которыя отъ части измѣнились, отъ части же всецѣло сохранились донныя. По изслѣдованію историковъ и филологовъ словенскихъ говорили древніи Словене однимъ языкомъ, но въ послѣдствіи времени раздѣлился тотъ языкъ на больше нарѣчій. Народъ, говорившій однимъ изъ тѣхъ нарѣчій, имѣлъ свое особенное имя и составлялъ собою одно цѣлое. Со временъ введенія межъ Словенами Христовой Вѣры начинается почти у всѣхъ словенскихъ народовъ, преимущественно же у народовъ восточнаго племени, ихъ писменная словесность.

Смотря на различіе нарѣчій и ихъ словесностей, раздѣлити подобаетъ нынѣшніи словенскіи народы на народы восточнаго племени и племени западнаго.

Къ восточному племени принадлежатъ:

1. Мало-Русскій народъ или Русины;

2.) Велико-Русскій народъ или Россіяне;

3.) Сербы и Хорваты, къ которымъ причисляются Босняки, Черногорцы, Словенцы, Далматы и Словѣнцы или Венды;

4.) Болгарскій народъ.

Къ западному племени принадлежатъ:

1.) Чехи, Моравяне и Словяки;

2.) Поляки или Лехи;

3.) Лужицкіи Сербы.

Намѣряя говорить о Исторіи литературы всѣхъ словенскихъ нарѣчій, начнемъ отъ исторіи словесности старословенскаго или такъ зовимаго церковнаго языка, который нынѣ не живетъ уже во устахъ ніякаго словенскаго народа, а только употребляется въ церковныхъ обрядахъ восточныхъ Словенъ, который однакожь до нынѣшняго дня есть неизчерпаемымъ жереломъ найкраснѣйшихъ и найчистѣйшихъ словъ для всѣхъ его молодыхъ братій.

I.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ СТАРОСЛОВЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Старословенскій языкъ.)

Древніи Словене говорили однимъ языкомъ; съ того однакожь не слѣдуетъ, чтобы тѣмъ однимъ всѣхъ Словенъ языкомъ былъ такъ зовимый старословенскій или церковный языкъ, который во время введенія Христіанства могъ быти уже только нарѣчіемъ коего либо словенскаго народа. Яко такое нарѣчіе уважають его нынѣшніи знаменитіи изслѣдователи и знатоки словенскихъ нарѣчій, именно Калайдовичъ, Добровскій, Копитаръ, Шафарикъ и Миклошичъ, которыя того ради не называютъ его матерью, а только старшою сестрою

всѣхъ пынѣшнихъ словенскихъ нарѣчій. Тѣ ученые мужи, хотя въ сѣнь отношеніи согласны межъ собою: противорѣчатъ себѣ однакожь касательно вопроса: который словенскій народъ говорилъ тѣмъ церковнымъ языкомъ? Россійскій языковѣдъ Калайдовичъ приписывалъ его Словякамъ, разъ по согласію грамматическихъ видовъ, во вторыхъ, понеже Словяки принадлежали когда-то къ великому Моравскому Царству, где Кириллъ и Меѳодій найдолше пребывали и учили. Добровскій называетъ его сербско-македонско-болгарскимъ нарѣчіемъ, употребляемымъ за Кирилла и Меѳодія Словенами въ Фессалоніи. отечество тѣхъ двоихъ словенскихъ апостоловъ. Копитаръ согласился сперва съ его мнѣніемъ, но потомъ нарекъ церковный языкъ нарѣчіемъ Словѣнцевъ или Вендовъ въ Каринтіи, где именно была діецезія Меѳодія. Шафарикъ склонялся сначала ко мнѣнію Копитара, но послѣ основательнѣйшихъ изслѣдовацій опредѣлилъ старословенскому языку отечество въ Болгаріи. Наконецъ Миклошичъ *) совокупляетъ мнѣнія трехъ послѣднихъ ученыхъ во едино, и утверждаетъ, что церковнымъ языкомъ говорили южныи Словене отъ Фессалоніи даже до Каринтіи, и тверженіе свое основываетъ на великомъ согласіи болгарскаго, сербско-хорватскаго и словѣнскаго нарѣчія со старословенскимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повѣсть.

I.

Знаете ли вы Пирятинъ?

„Пирятинъ, при рѣцѣ Удаѣ, уездный городъ Полтавской Губерніи; въ немъ

*) Въ декціяхъ „О лѣтописи и житіи Нестора“, преподаваемыхъ нинѣ въ Вѣденскомъ всеучилищѣ 1851 г.

5.700 жителей, 5. деревянныхъ церквей, 28 вѣтренихъ мельницъ и 4. ярмарки, на которыхъ пріѣзжаютъ купцы со всякимъ товаромъ изъ сосѣднихъ городовъ, а съ Дунаю привозятъ рыбу.“ Такъ стоитъ въ которой-то школьной книжцѣ.

Но вы изъ того еще не узнали Пирятинъ. Передъ нѣскольکو сотъ лѣтъ, Пирятинъ былъ красивый, сильный, богатый городъ въ украинской Гетманщинѣ. Широко и далеко роскидался онъ по скату горы надъ Удаемъ; часто сверкали кресты церквей межъ его темными, зелеными садами; шумны были его базары; на нихъ громко гремѣли вольныи бесѣды, бряцали сабли и пестрѣли козацкіи шапки и жупаны; польскіи купцы привозили туда тонкіи сукна и бархаты; Пѣжинскій Грекъ выхвалялъ свои восточныи товары: то сверкалъ на солнцу остріемъ кинжала, то оберталъ долгую ручницу, окованную серебромъ; межъ тѣмъ, на сторонѣ раздавалась скрипка, звенѣли цымбалы, а захожіи Запорожець выплясывалъ въ присяку, поднимая вокругъ облако пыли; порою, якъ пламя, вырѣзывалась изъ пыли червоная его куртка, порою выглядывало дьявольски-страшное лице, съ поднятыми къ верху усами, съ чернымъ чубомъ, въющимъ на бритой голви, и опять все исчезало въ вихрь танца... Народъ шумѣлъ, плескалъ въ долони; громкій хохотъ далеко раздавался по базару... Было весело!...

И самъ Удай, говоритъ преданіе, былъ прежде ширшій, глубочайшій и многоводнѣйшій; на мѣстѣ трясавицъ и болотъ, на которыхъ теперь городскіи Паничи стрѣляютъ за куликами и водяными курочками, тогда шумѣли и бѣжали быстрыи волны; Удай, говорятъ, такъ былъ тогда широкой лѣтомъ, якъ теперь весной во время полноводья, — а во время полноводья красивъ старикъ Удай, онъ воскресаетъ разомъ съ

природою, молодится и кипитъ и хлещетъ волнами о берегъ, якъ розгульный козакъ!

Быль, которую вамъ розкажу, случилась въ Пирятинъ — не то двѣста, не то триста лѣтъ назадъ. Городъ былъ по правому берегу Удаю подъ горою; на гору тагнулись долгиныя рядомъ вѣтренныя мельницы и видѣлись два небольшія земляныя укрепления; тамъ день и ночь стояли сторожевыя козаки; въ серединѣ города, у самого берега рѣки, былъ замокъ — крѣпость, обведенная высокими валами; на валу стояли пушки, всегда готовы встрѣтити незваныхъ гостей; въ крѣпости хранились военныя снаряды и была церковь, въ которой лежалъ войсковой скарбъ и касса; во время набѣговъ сносили туда жители свои драгоценности.

На противоположномъ берегу Удаю, въ дубовомъ гаю, стоялъ бѣлый каменный домъ, построенный на польскій ладъ; домъ принадлежалъ Лубенскому Полковнику Ивану. Преданіе называетъ Полковника просто Иваномъ: и мы будемъ называть его Иваномъ. Не смотря на то, что Пирятинъ былъ старинный городъ, Полковникъ Иванъ дуже любилъ его, и часто, оставляя свои Лубны, проводилъ лѣто въ Пирятинскомъ загородномъ домѣ съ молоденькою дочерью Мариною.

Въ одну весну, Полковникъ пріѣхалъ въ Пирятинъ на печальный обрядъ, на похороны замкового протоіерея, Отца Якова. Все козаки любили почтеннаго покойнаго старика: не разъ являлся онъ среди нихъ съ крестомъ въ рукахъ на стѣны замка, и подъ стрѣлами Крымцовъ и куляни Поляковъ, словами въры ободрялъ воиновъ, перевязывалъ раненыхъ, исповѣдывалъ умирающихъ... Все плакали по Отцу Якову и просили Полковника назначити въ Пирятинъ священникомъ, на мѣсто покойнаго, сына его Алексѣя.

Сынъ Отца Якова учился въ Кіевѣ. Послали за нимъ гонца; и вотъ, пріѣхалъ въ Пирятинъ Алексѣй Поповичъ, красавецъ — юноша лѣтъ двадцати.

По его пріѣздѣ, случилось въ Пирятинѣ нѣчто достопамятное: красавецъ Алексѣй влюбился въ дочь Полковника Марину. И они любили другъ друга страстно, якъ люди, выросшія подъ строгою дисциплиною и готовы предатись всею полнотою души первому влеченію сердца... Они любили первую любовью, — и для того были счастливы, были достойны зависти другихъ.

Многія почтенныя люди при словѣ „любовь.“ дѣлаютъ удивительныя гримасы, будто розгрызутъ перецъ или услышатъ про чуму или холеру. Для насъ то непонятно. Ужъ не изъ зависти ли то, почтенныя люди? Зачѣмъ скрывать, унижать, стыдиться самого лучшаго, высокаго чувства? Хотѣли бы мы знати, что больше способно облагородити, побудити челоуѣка къ самымъ великодушнымъ, безкорыстнымъ подвигамъ, если не любовь? А многіи ставятъ ю на ряду съ бѣлою горячкою; многіи не посовѣстятся кричать въ обществѣ, что любятъ пудла, ручницу, коня, а никогда не признаются въ любви къ подобному себѣ челоуѣку другого пола!

Не наша ли испорченность тому причиною?

Нѣкоторые уважаютъ за преступленіе даже взглядъ, верженный на женщину, взглядъ, исполненный тихимъ благоговѣйнымъ чувствомъ удивленія надъ ея красотою!...

Что бы вы подумали о обществѣ, въ которомъ каждый боится посмотреть на кошонку или капелюхъ своего пріятеля, чтобы не сказали другин: стережитесь, онъ хочетъ украсти вашу кошонку, вашъ капелюхъ.

Время шло, а Поповичъ Алексѣй и не думалъ о посвященіи; мысли его были далеко отъ строгого сана: душа носилась въ чудномъ морѣ мечтаній любви; другой мысли, другому чувству не было мѣста; всюду она, волшебница, съ своими прелестными чарами, съ томительною тревогою и свѣтлою надеждою... Иногда, бывало сидитъ Алексѣй въ саду подъ черешнею и читаетъ Цицерона: падармо воображеніе хочетъ перенестись въ многолюдное римское форумъ, где такъ грозно, такъ самонадеянно говоритъ великій витія. Кругомъ тепло, свѣжо, столько пріятности въ весенномъ воздухѣ: черешня тихо повѣваетъ бѣлыми пучками своихъ благоуханныхъ цвѣтовъ; тысячи пчелъ и другихъ насекомыхъ садятся, перелетаютъ, жужжатъ между цвѣтами; за садомъ плещутъ и ропшутъ тихія струи Удаи и рѣчный тростникъ нашептываетъ пріятную, успокоительную думу. Чудный отглаголъ великой музыки природы! Тихо хлопнула книга изъ рукъ молодого ученика, и на великолѣпное, громовое начало бесѣды Цицерона за XII. Таблицъ: „Хотя всѣ дрожать, я скажу, что чувствую!“ онъ едва слышно отвѣчалъ: „люблю!...“ и вслѣдъ за тѣмъ словомъ мечта его кипела шумный Римъ и неслась къ Маринѣ. И вотъ она чудно — хорошая, явилась спокойною, опустивши долги рѣсницы; сладостное, невыразимое чувство благоговѣнія обвѣваетъ несмызлого юношу: цѣлый бы вѣкъ смотрѣлъ на ню...! Но вотъ, она усмѣхнулась, открыла очи — будто небо роздвинулось передъ Алексѣемъ... Якъ бы отъ солнца, изъ огненныхъ очей падали ему на сердце лучи жизни и состорга!... Чудное видѣніе! наразъ: оно вскрылось! что — то легонько тронуло по лицу Алексѣя... глядитъ: онъ весь осыпанъ цвѣтами; гвоздики, розы, незабудки катятся съ него на землю; старика Цицерона при-

крыла полная, червоная роза; въ сторонѣ слышенъ тихій смѣхъ; изъ за живошота жартобливо глядитъ черноокая, чернокудрая головка молодой цыганочки, служанки Маринны; кланется и исчезаетъ, звонко напѣвая известную пѣсню:

„Барвничку зелененькій
Стелся низенько,
А ты милый, чернобровый,
Присунься близенько! . . .“

Почти каждого вечера, когда затихалъ шумъ въ окрестностяхъ Пирятина и свѣтлый мѣсяцъ, выходя на темно — синее небо, смотрѣлъ въ Удаю, тихо проплывала лодочка у самого берега передъ домомъ Полковника, и кто — то пѣлъ на ней пѣсни; голосъ пѣвца, томный, страстный, звучалъ, переливался, будилъ дальное эхо и исчезалъ постепенно, замирая въ отдаленіи.

„Не лихо постъ человекъ!“ скажетъ, бывало, Полковникъ, покуривая на крыльцѣ люльку.

„Такъ — себя!“ отвѣчаетъ Марина зарумянившись до ушей, а межъ тѣмъ, прислонясь къ разному столбу крыльца, жадно слушаетъ знакомыи звуки; слезы восторга сверкаютъ въ очахъ ея, и она завидуетъ мѣсяцу, который съ высоты можетъ глядѣти на пѣвца и ласкати его своими лучами. — „Чему я не звездочка,“ думала Марина, если падучая звездочка катилась въ то время по небу; — „я бы слетѣла къ нему съ высоты, горя и сверкая любовью; я бы рассыпалась передъ нимъ яркими искрами и осветила путь моему козаку неаглядному; его очи засвѣтились бы новѣмъ огнемъ — и умерти было бы весело...“

„Розспѣвались Пирятинцы въ нынѣшнюю весну; всѣхъ пѣсень не переслушаешь; пора спати!“ говоритъ бывало, Полковникъ.

Марина шла въ свою свѣтлицу; отворила окно. Въ отдаленіи едва слышно роз-

давались звуки пѣсни; съ послѣдними отголосками ей слышалась жаркая молитва бѣдной дѣвочки о Алексѣю; пѣсни умолкали, — но долго еще Марина лежала на колынахъ передъ образомъ Богоматери, украшеннымъ цвѣточными вынками, и молилась, и плакала, сама не зная зачѣмъ.

II.

Судячи по теперѣшнимъ образованнымъ, милымъ снисходительнымъ Полковникамъ, неможно составить себѣ даже приблизительнаго понятія о Полковнику малорусскомъ времени Гетманщины. Въ немъ сосредоточивалась власть военная и гражданская цѣлой области; онъ былъ и военачальникъ, и судья, и правитель; онъ безгранично, безответно распорядился въ своемъ полку. Правда, право жизни и смерти было закономъ предоставлено Гетману; но нерѣдко Полковники нарушали тое право и даже карали самовольно преступниковъ. Кто смѣлъ жаловаться на Полковниковъ? — Одѣты въ серебро и золото, украшенныи клейнодами, знаками своей власти, окруженныи многочисленною вооруженною свитою, съ азиатскою пышностію являлись они передъ народомъ — и города и села преклонялись, уважая ихъ воинныи доблести и трепеща передъ ихъ властію. Въ народѣ воинственномъ, полудикомъ, иначе и быти не могло. Суровость, важность и гордость украинскаго Полковника XVI вѣка были разумною необходимостію.

Пышны, грозны, суровы были Полковники, но грознѣйшій и суровѣйшій изъ всѣхъ былъ Полковникъ Лубенскій Иванъ. Въ молодости, онъ славился между козаками упорствомъ и бѣшеною отвагою въ сраженіяхъ, что тогда почиталось наибольшою добродѣтелью и доставило ему потомъ полковничье достоинство. Покойную жену свою онъ любилъ, и таки дуже любилъ, но, счи-

тая неприличнымъ доброму козаку показывать какое — нибудь чувство, особливо къ женщинѣ, онъ обходился съ нею сурово, деспотически. „Баба — дрянъ!“ часто говорилъ Полковникъ: „ни силы, ни характера! Кобы были на свѣтъ однѣ бабы, давно бы ихъ всѣхъ перебили Татары. На что былъ Гетманъ Сагайдачный, добрая голова! а промѣнялъ жену за тютюнь да люльку, — и еще сложилъ пѣсню:

Менѣ съ женкою не водиться,
А тютюнь да люлька
Козаку въ дорожѣ
Снадобится!..”

Въ Крымскомъ походѣ, Полковникъ Иванъ заболѣлъ на пропастилицу. Ему не сохотѣли ѣсти рыбу, для того, что пропастилица не любитъ рыбу. „Вотъ, хорошо!“ говорилъ Полковникъ: „еще жъ менѣ уважати на бабскіи капризы! Пропастилица баба, а я, благодаря Богу, козакъ.“ И три года жестокая пропастилица мучила полковника, и три года постоянно онъ ѣлъ рыбу и раки, говоря: „увидимъ, кто выиграетъ?“ Такъ и было: къ удивленію всего полка, на четвертый годъ пропастилица оставила упертого Полковника.

Не дивно, что покойная Полковница, не смотря на богатыи парчевыи одежи, собольи шубы и алыязныи ожерелья, которыми щедро дарилъ ю мужъ, все скучала, тосковала, сохла и въ молодости умерла, оставя маленькую дочь Марину.

Умирая, она горько плакала и просила мужа любить и лучше обходиться съ дочерью... „Ты никогда ни въ чемъ не вѣрилъ менѣ,“ говорила она: „мою болѣзнь ты называлъ капризами, мои горячіи слезы водою, изъ которой ніякій Нѣмецъ не вываритъ ни капли горьлки... Ты смѣлся надъ моею слабостію, и — вотъ, я умираю, рано умираю, оставляю дочь сиротою, все

черезъ тебе. Да простишь тебя Богъ; Ты дѣлалъ свое дѣло, ты былъ мой начальникъ по закону Божию; не твоя вина, что ты не понималъ мене. Не доведи жь до того дочеря; будь ей отцемъ и матерью. слышишь, Иване?... Слабая женщина, часто одинъ взглядъ убиваетъ ю...“

Полковникъ былъ ростроганъ; уже очистительная слеза раскаянія закрутилась было въ очахъ его; но вспомнувши, что онъ козакъ. Полковникъ пересилилъ себѣ, проглотилъ непрощенную гостью, вздохнулъ — и на похоровахъ жены напился до пьяна.

По смерти жены, Полковникъ сдѣлался еще сумнѣйшимъ; тайная задумчивость примѣшалась въ его характеръ; онъ запивалъ внутреннее безпокойство виномъ и майже каждого дня къ вечеру бывалъ въ такомъ состоянн, какъ-будто сейчасъ вернулся съ похоронъ покойной жены. Не угражъ онъ часто ласкалъ Марину, но, подхмѣлившись, тотчасъ удалялъ ю, говоря: „Ступай себя, донько, въ свою свѣтлицу. у мене суть свои козацкіи дѣла: не пристало тебѣ ихъ слушати; ты такая, какъ твоя... царство ей небесное! Такъ ступай; не бойся, не расплачусь!...“

Полковникъ посылалъ за кобзаремъ и пилъ, и слушалъ его пѣсни, и кидалъ ему дробныи гроши; если пѣсня подобалась, то щелкалъ его пальцемъ по лбу, проговаривая: „врешь, сиронаха! не такъ! ты пьянъ и не выпался!...“

А иногда онъ потѣшался съ Герцикомъ. Герцикъ былъ у Полковника что-то въ родъ дурачка и пріятеля; его жизнеописание немногосложно. Когда-то козаки розграбили и спалили одно польское мѣстечко. Что могло горѣти — сгорало, что могло убѣжати — разбѣжалось. Полковникъ Иванъ роскурнулъ головою изъ пожара свою люльку, сѣлъ на бочку и началъ судити

пѣнниковъ. Привели хлопчика лѣтъ шестнадцати, съ быстрыми сѣрыми очима и коротко-подстриженною головою.

„Ты жидъ?“ спросилъ Полковникъ.

„Нѣтъ, я Нѣмецъ,“ отвѣчалъ хлопецъ.

„Врешь! ты говоришь какъ жидъ, смотришь какъ жидъ; а голову подстригъ, чтобы обманути мене. Хлопцы! испыгивати его, пока не признается, что онъ жидъ — да и повѣсти.“

„Ей Богу я Нѣмецъ, завзжій Нѣмецъ; я не воевалъ съ вами, я люблю васъ.“

„Спаси — Богъ за любовь. Такъ повѣсьте его не допрашивая.“

Хлопецъ упалъ до ногъ Полковнику, умолялъ о пощаду, обѣщалъ служить ему вѣрно до гроба и обѣянулъ, что онъ знаетъ всякіи науки, даже дѣлаетъ часы.

„Посмотримъ,“ сказалъ Полковникъ, вынимая изъ кишени часы въ видѣ великого яйца: „вотъ та штука третого дня стала — и ни съ мѣстца; я и встряхивалъ ю, и дулъ въ середину — ничего не помагаеть, а штука дорогая, ваша, нѣмецкая. Коли поправишь сейчасъ — жити тебѣ въ свѣтъ, а непоправишь — не сердись... Начинай!“

Хлопецъ, дрожа отъ страха, присалъ на землю и со страхомъ отворилъ часы. Но чѣмъ больше розсмотривалъ, тѣмъ ставался спокойнѣйшимъ. Полковникъ не успѣлъ осудити десятка пѣнныхъ, уже Нѣмецъ, усмѣхаясь, подалъ ему часы.

„Хорошо,“ сказалъ Полковникъ съ удовольствіемъ прислушиваясь звонкому ходу маятника: „хорошо, а какъ зовутъ тебе?“

— „Герцикъ.“

„Хлопцы! дайте Герцику кафтанъ и шапку; онъ поѣдетъ съ нами.“

Съ тѣхъ поръ Герцикъ остался при особѣ Полковника, увеселялъ его различными штуками, дѣлалъ транспаренты, огнен-

ны колеса, особливо же — стронгъ удивительныи часы. Во всеи Лубенскои полку была известна такъ звана ходячая картина: на картини той былъ изображеный млынъ, истый вѣтренный млынъ, въ якиихъ Христиане нелютъ муку; только та не молола муку, а перемелывала старыхъ бабъ на молодыхъ. Истинно!... День и ночь шевелился на томъ млынѣ папъровыи крыла и въ одну дверь входили старыи — престарыи бабы; скверныи, прескверныи. — будто лѣкарство отъ трясавицы; а въ другу выходили изъ млына молодыи молодички и дѣвочки свѣжи, красенькии, чевнобровыи, полногрудыи, съ такими ямочками на щечкахъ, что поцѣловати хочется... Якъ жаль, что теперъ перемерли уже люди, видѣвши тую ходящую картину Герцика: они бы рассказали про ню лучше насъ.

И еще былъ у Полковника Ивана вѣрный слуга Гадюка; вѣчно безъ шапки, босый, нечесанный, съ немытыми руками, съ нечеловѣчьими ногтями на рукахъ. На войнѣ онъ всегда былъ за Полковникомъ съ огромною палкою на плечу и съ фляшкою въ рукахъ; въ мирное время спалъ, якъ медведь лѣтомъ, свернувшись въ клубокъ на полу, у порога полковничьей спальни, и готовилъ полковнику обѣдъ.

Про силу Гадюки до сихъ поръ ходять преданія межъ простолюдинами въ Парятинѣ. Одинъ только Гадюка могъ безкарно говорити Полковнику горькии истины, противурѣчь ему и даже сварилъ, якъ на ровного. Иногда Полковникъ напоминалъ Гадюцъ, что онъ слуга и привелъ его къ молчанію. Гадюка склонилъ голову, сверкнулъ изъ подлобья очима и замолчалъ; но ночью пошелъ до млына, спалъ огромный жерновый камень; принесъ его и завалилъ нимъ двери полковничьей спальни. Рано Полковникъ хо-

телъ выйдти — не можно, не пускаетъ камень.

„То твои штуки?“ спросилъ изъ — за дверей Полковникъ.

— „Мои,“ хладнокровно отвѣчалъ Гадюка.

„Отвали камень.“

— „Ты пань, старшій, сильнѣйшій отъ мене: тебѣ то легче сдѣлати.“ —

„Да я не могу.“

— „А мнѣ не хочется.“ — И сказавши тое, Гадюка вышелъ изъ комнаты. Позвали десять козаковъ, и на силу они отодвинули отъ дверей камень. Полковникъ вышелъ, посмотрѣлъ на камень, покачалъ головою, засмѣялся и возвавши Гадюку, далъ ему великіи стаканъ горькии.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НОЧЬ ЗИМОВАЯ.

(Два образки.)

I.

Ночь была дика, зимовая. По улицамъ бушевалъ полночный вѣтеръ, и никто изъ горожанъ не проходилъ ими; только сюда туда проѣзжали Панскіи повозы, глухо гуркотая по замерзлomu бруку. Молодой, богатый, веселый графъ Станиславъ давалъ подъ тотъ же часъ великолепный балъ, пиръ найоказальшій той зимы; великій свѣтъ столицы былъ къ нему спрошенъ. Дворецъ перемѣнился въ чародѣйное сѣдлице духовъ. Яркіи свѣтила, порозвѣшаныи густыми рядами по комнатамъ, блестяи якъ великіи перлы, разливая огненнымъ струи по пространному подворью и сосѣднимъ улицамъ, а пламя походней и несчисленныхъ лампадъ розсылало теплоту въ окрестность дворца на перекоръ пронизательной стужи. Для наблюданія порядка порозставляно сторожей и придворныхъ слугъ, такъ чтобы врывающимся со всѣхъ сторонъ тол-

пы любопытливыхъ людей низшого сословія, привабленныхъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, не задерживали съѣзжающихся совсюду гостей.

Хотя внѣшняя часть дворца графа Станислава блескомъ своимъ плѣняла зрѣтелей; но внутреннее его украшеніе превышало все, что доселѣ кто видѣлъ. Пространныя, богато приобзавленыя комнаты смѣнились въ цвѣтущіи огороды Италіи. Бальзамическое благоуханіе густо порозставляяныхъ деревьевъ помаранцовыхъ и заграничныхъ цвѣтовъ разливалось по простору комнатъ, сіяющихъ отъ золота и серебра ослѣпительнымъ блескомъ такъ, что счастливымъ высококороннымъ зрѣтелямъ казалось, яко бы они перенесены были мимовольно подъ чудовное небо Италіи въ край роскоши и изнѣженія. Графъ Станиславъ былъ первый, который съ надсвычайными издержками завелъ столько улюбленнымъ теперь зимовымъ огородамъ.

Мимо теплоты, огрѣвающей прозябшее тѣло, не было видно въ комнатахъ ни одной печи, бо за помощію искусныхъ руръ и трубокъ, прикрытыхъ драгоценными покрывалами, огрѣвался воздухъ во внутри дворца и наполнялъ его пріятною лѣтнею теплотою. Кромѣ того графъ Станиславъ, неисчерпанный въ помыслахъ, прилагодилъ все такъ хорошо, что въ комнатахъ, сѣняхъ и галереяхъ его дворца можно было совершати стомилевое путешествіе въ полгодинной прогульцѣ. Въ передномъ покоѣ цвѣли и воцѣли цвѣты южныхъ сторонъ Франціи, дальше плѣняли око пучки и пестрыя чашечки цвѣтовъ Испаніи, по различнымъ мѣстамъ блестяли испанскіи яблока въ тѣни темнозеленого листья. Въ иной комнатѣ представлены были Альпы; деревья и кусты, растущіи только по высокимъ горамъ, стояли въ нѣякомъ отъ себе отдаленіи, потомъ явля-

лись чѣмъ разъ рѣдше, наконецъ украсилась полумертвая природа тамъ и сямъ одинокимъ альпейскомъ цвѣточкомъ. Дальше представлялся видъ чѣмъ разъ мельшій оку, просторъ все розширялся, въ отдаленіи блескотѣло море синимъ своимъ зеркаломъ, а изумленный путешественникъ узрѣлъ себе въ салѣ, представляющей чудесную Италію, край помаранчъ и Мадонны, край солодкой лѣности и мягонькихъ тоновъ Беллини. Боковыми галереями можно было достатись до поважной тишины монашескаго житія Испаніи, где звуки гитаръ раздавались межъ розвалинами Альгамбры. Наконецъ открылись любопытному оку край Востока, съ пальмовыми деревьями и минаретами, съ благоуханьемъ розъ и чародѣйныхъ цвѣтовъ. Съ помощію множества искусно перемѣняющихся образовъ и картинъ продолжался сей упоительный видъ безконечно. Очаровательное впечатлѣніе подносилось еще содѣйствіемъ укрытой оркестры, которая играла соотвѣтныи всякой краинѣ мелодіи.

Не меньше занимательный видъ, якъ краснописно украшенныя комнаты, представляли запрошенныи на пиръ достойныи гости, а именно женщины. Найкрасшіи цвѣты столицы являлись на подобіе красавиць-Русалокъ, пріодѣтыхъ по цайновѣйшей Парижской модѣ, едва дотыкаясь атласовыми черевичками воскованного полу. Мужчины богато убраны бѣгали отъ красавицы къ красавицѣ съ поклонами и солодкими словами якъ зачарованныи фигурки.

Молодой графъ Станиславъ, взорець красоты и салонового уложенія, пріодѣлся въ якійсь уборъ народовой, сіяющій дорогими каменями и золотомъ. Съ найниивпою пріѣтливостію и сладкорѣчіемъ принималъ онъ каждого новаго гостя и сыпалъ именно дамамъ столь много ласкательныхъ словъ, сколько лишь могъ вынайти ихъ въ сало-

новомъ языкѣ.

Не только памяталъ онъ о томъ, дабы убавити око и ухо спрошеныхъ гостей, но не забылъ и о ихъ желудку. Множество бифетовъ въ искусныхъ пещерахъ, умяныхъ альтанахъ, манило пришельцевъ наилучшими яствіями, виномъ южныхъ краевъ, такъ что и правдивыи знатоки не знали уже ничего ни отнять ни додати, и удивляли только щедрость и розумъ господаря.

Веселіе и жизнь розгульная владѣли въ домнатахъ графа Станислава. Всяда радость, забавы и жарты; только за саями краины Востока вселилось изумленное пристрастіе. Тутъ укрытый отъ салонного свѣта и окруженный только лучшими игроками, графъ Владиславъ держалъ банкъ. Тутъ выигрывано и проигрывано тысяща. Банкъ и игроки обходились тутъ съ золотомъ якъ съ водою, а если одинъ или другій проигралъ нѣсколько сотъ люйдоровъ, то верталъ до головного салона съ выразомъ притворного хладнокровія.

Ночь зимовая становилась чѣмъ разъ грознѣйшею, студень дошла до высокой степени, звѣзды сверкали и блестяли еще яснѣйше на безконечномъ небесъ сводѣ. Любопытный народъ разбѣжался наконецъ изъ передъ дворца и сторожи отступили.

(Кон. слѣд.)

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ.

— Изъ Вѣд. „Вѣстника“ съ дня 28. Сент. дождуемся, что Его Величество, нашъ милостивѣйшій Монархъ благоволилъ подтвердить предложеніе министерства наукъ и богослуженія касательно поставленія постоянныхъ дѣйствительныхъ русскихъ катихитовъ при тѣхъ галицкихъ училищахъ, въ которыхъ они до нынѣ только провизорично поставлены были. Тѣ же русскіи катихиты, именованіе которыхъ въ короткомъ времени послѣдуетъ, будутъ поставлены на ровнѣ съ катихитами латинского обряда.

Министерство просвѣщенія именовало суплента при гимназіи въ Тернополь г. Ф. Погорецкаго дѣйствительнымъ учителемъ при тойже гимназіи.

— Г. Авансіевъ, членъ статистическаго Кіевскаго общества, составляетъ современно „Малорусскій словарь“, въ которомъ находятся будутъ почти исключительно слова, черпанныя съ живыхъ устъ народа.

— Въ Вѣденскомъ всеучилищѣ будутъ преподаватись въ теченіи зимоваго курса 1854 школьнаго года слѣдующіи словенскіи предметы: „Грамматика старословенская, о новѣйшихъ памятникахъ словенской литературы и о. Любописи Нестора“ проф. Миклосичемъ; „Грамматика польскаго языка“ г. Кавецкимъ; „Языкъ російскій“ г. Залескимъ; „Языкъ чешскій, и Слогъ и литература чешска“ г. Шеяберою, наконецъ „Стенографія въ чешскомъ языкѣ“ г. Гегеромъ.

— Въ Пеннсилскомъ всеучилищѣ преподавати будетъ въ семъ году г. Ференчъ „Литературу словенскую.“

— Дня 14 Сент. обходилъ славный путешественникъ и писатель Александеръ Гумбольдъ 85ую памятку своего рожденія въ добромъ здоровьи. Нѣкоторые остроумныи люди сровнивають его съ маршаломъ Радецкимъ: яко бо Радецкій есть старый и крѣпкій богатырь на полѣ войнъ, такъ есть А. Гумбольдъ великій богатырь на полѣ наукъ.

— Въ Брунсвику воздвигнуто величественнѣе памятникъ во честь славнаго нѣмецкаго писателя Г. Е. Лессинга, или лучше Лесика, происходившаго изъ словенской родины Лужицкихъ Сербовъ.

— На памятникъ, имѣющійся воздвигнути во честь нѣмецкаго философа Канта въ Королевцѣ, собрано доселѣ 2000 таларовъ.

ЗАМѢЧАНІЯ ГОСПОДАРСКІЯ.

— По новѣйшимъ техническимъ изслѣдованіямъ стоитъ сила теплоты дровъ розличнаго рода въ слѣдующемъ соотношеніи: 100 фунтовъ еловаго дерева производитъ такуюже теплоту, яку справляетъ 58 фунтовъ дубоваго, 59 грабового 63½ явороваго, 66 березоваго, 70 буковаго, 89 сосноваго, 91 вербоваго, 92 тополевого а 107 липоваго. Такимъ дѣломъ есть липовое дерево что до производимой теплоты нагорѣе; къ тому удостовѣрились техники, что березовое дерево лучше есть на онагъ якъ буковое.

— Гнилый славъ (плмъ) у пчелъ. Общество ниже-австрійскихъ пчеловодчиковъ, сошедшихъ передъ нѣсколько мѣсяцы ради совѣщаній, установилось съ особливимъ уваженіемъ надъ хобами пчелъ. За найвредлившую немощъ узнано односторонне такъ званый гнилый славъ. Она показывается тѣмъ способомъ, что хворныя пчелы урываютъ изъ себе въ большей мѣрѣ какойсь темно-червонный, дуже смородиновый плмъ, который увидѣти можно у очка и на досчицахъ у споду во внутрѣ улей. Противъ той немощи не нашли пчеловодчики доселѣ никакого средства: понеже однакоже она заразлива, такъ что въ короткомъ времени и наибольшу пастку погубити можетъ: для того совѣтуется, дабы, какъ только знаки оной немощи въ которомъ ульѣ покажутся, таковой сейжечасъ изъ пастки отдалити и уничтожити. — При той способности говорено также о такъ званомъ свичайномъ славѣ. Причину сей немощи бываеъ яглогое охладѣніе улей, особливо когда на весѣ послѣ теплой погоды случится ночаянно холодная слога. Въ соломяныхъ ульяхъ показывается она рѣдше, понеже тѣ суть теплѣйши, какъ деревянные. Хороба тая не есть заразлива: средства противъ ней поданы слѣдующія: спроваженіе теплѣйшого воздуха, старанное чищеніе улей, особливо же кормленіе пчелъ добрымъ старымъ медомъ.

— Обкладанье овощныхъ деревъ цеглою. Опытныя садовники замѣчали отъ давна, что овощныя дерева, обложенныя у кореня цеглами, растутъ далеко сильнѣйше и роскошнѣйше, какъ не обложены; происходитъ се отъ того, что цегла не вытаскаетъ изъ земли поживныхъ соковъ, которыми обыкновенно тучатся сосѣдныя былинныя и растѣнія, и такимъ дѣломъ тѣми соками нападается единственно овощное дерево. Къ тому прикрытіе земли цеглою препятствуетъ испаренію земли и вредному дѣйствію солнца.

— Новооткрытая американская швальня (машинна до шитья) находится теперь уже и въ Вѣднѣ. Машинна та, составлена весьма остроумно и съ великимъ знаніемъ швального искусства, можетъ употребляться къ шитью всякихъ веществъ. Работа на ней идетъ дуже скоро и всею машинною можетъ управляти даже дитя съ великою легкостію. По численіямъ выробляетъ она въ десять разъ больше, какъ одна швачка въ продолженіи того самого времени и выгодна есть особливо для шитья веществъ въ большемъ количествѣ.

СЕДМИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Львовъ. Дня 3. с. м. о 8. годнѣ совершалъ ВЧ. Крылошанинъ М. Куземскій Божественную литургію въ Церквѣ Успенской, которой присутствовали ученики училища образцоваго (Masterschule) со своими Учителями при началѣ года школьнаго 1854, съ которымъ помянутое училище приходитъ подъ управленіе Всечестнѣйшой и Всевѣтлѣйшой Митрополитальной греческо-каволической Консисторіи. Пѣніе было обыкновенное наше церковное, но гармонійно произнесенное учениками Института Ставропигійскаго: оно было такъ прекрасное, что не могло не тронуть глубоко сердце присутствующей молодежи, дабы благодарити Богу и Его Имп. цар. Апостольскому Величеству Францъ Іосифу I, и дабы молити Духа св. Просвѣтителя и Утѣшителя, чтобы съ Его помощію совѣстно успѣвати въ науцѣ для блага Отечества по желанію Его Величества, Императора и Царя нашего, которому да дастъ Господь Богъ много дѣла!

— Дня 4. с. м., въ день тезоименія Его Величества, священнодѣйствовалъ Преосв. Епископъ Іоаннъ Бохеньскій съ крылосомъ митрополитанскимъ, торжественную литургію, которой присутствовали Его Прев. Г. Намѣстникъ нашъ краевый съ чиновниками мірскими, воинство, и питомцы здѣшняго русскаго сѣженища. Въ концѣ литургіи пѣвскы были гимнъ амвросіянскій: Тебе Бога хвалимъ и многодѣтствіе Его Величеству, милостивѣйшему Монарху. Также для учениковъ первой, русскаго гимназіи отбылась св. литургія въ костелѣ Бергарднскомъ за многодѣтствіе Монарха.

— Его Величество, російскій Царь пребывалъ отъ дня 24 до 28 м. м. въ Голомудцу, где отбывались великія войсковыя маневры. Кромѣ Великихъ Князей царевича Александра и его сына Николая, были съ Нимъ въ Голомудцу также князь маршалъ Паскевичъ, генералы Орловъ, Философовъ, Чечевичъ, Лъвентъ, Гриввальдъ, полковники Ясимовичъ, Паткуль и Адлербергъ, державный канцлеръ Нессельроде, посоль при австр. дворѣ Массендорфъ, тайныя совѣтники Кудрявскій и Сакентъ, и державный совѣтникъ Емохинъ. Дня 28 о 10 годнѣ вечеръ поѣхалъ Его В. Царь російскій со своею свитою мимо Шакову до Варшавы.

— По телеграфической вѣсти проѣзжалъ Его Величество, нашъ Монархъ въ путешествіи своемъ до Варшавы дня 3 с. м. о 10 годнѣ передъ полуднемъ мимо Шакову въ сопровожденіи Его в. Архикнязя Короля Людвига и Его В. Короля Пруссъ,

съ которыми съѣхался былъ Его Величество въ Козлю.
— Дня 26 ж. м. играло въ Голомуду на-
разъ 32 пишемъ: тридцать три войсковыхъ гу-
дебныхъ бандъ: съ того можно заключити, въ какомъ
великанскомъ розмѣрѣ отбывались тамъ войсковыи
парады.

— Нѣкоторые временописи возвѣщаютъ „съ
достоверныхъ жерель,” что свадьба Его Величе-
ства, нашего Монарха опредѣлена на 24 Авг. 1854.

— Касательно открытія короны св. Сте-
фана сообщаемъ еще нѣкоторые извѣстія: Еще въ
Сентябрѣ 1849 г. донесено в. правительству съ Ви-
дина, что коронныи знамена закопаны были въ Ор-
шавской окрестности мадарскій бѣглець Семере. Въ
слѣдствіе того распочались тамъ поиски, которы по-
томъ прервано. Особлившій случай понудилъ одна-
кожь къ предпріятію новыхъ изслѣдствій: когда бо
весною с. г. на долинѣ коло холма Аліону близъ
Оршавы стала великая вода, поставившъ Кошутъ,
узнавшій о томъ заводненіи за границую, искали
способу, какъ бы знамена тѣмъ въ свои руки достати.
Къ той цѣли подкуплено было нѣсколько особъ, ко-
торы имѣли ихъ ночью выкопати и отдати потомъ
Кошуту. О тѣхъ замыслахъ узналъ заблаговремен-
но ц. к. подмаршалъ Кемпенъ, и сейчасть поручилъ
маіору Каргеру обновити въ окрестностяхъ Орша-
вы точнѣйшіи поиски. Окрестность тую обставлено
доброю стражею— и ото, поймано разъ одного 19
лѣтнего жидка, укрытого въ тамошнихъ мочарахъ,
который имѣлъ исполнити волю Кошута. Съ другой
стороны изъявлялъ бѣглець Семере въ Парижѣ, у-
знавшій о замыслахъ Кошута, что „лучше хочетъ
передати закопанныи драгоценности правительству,
какъ соизволитъ, дабы они попались въ руки са-
бѣлого Кошута, который привелъ народъ на про-
пасть пагубы.” Дня 28 Авг. с. г. прислано подм.

Кемпену съ Парижа письменное донесеніе, соста-
вленное по указаніямъ самого же Семере. Съ по-
мочію тѣхъ указаній приступилъ маіоръ Каргеръ къ
близшимъ изслѣдованіямъ и приказалъ дня 7 Сент.
роскопывать землю близъ холма Аліону. На другій
день о 8 часовъ рано ударили мотыки двохъ ко-
нающихъ граничаровъ о желѣзную раковъ. въ кото-
рой открыто коронныи драгоценности.

— Въ городѣ Кенигсбергу, где Кантъ съ
нѣмецкимъ хладнокровіемъ писалъ свою „Критику
чистого разума,” застрѣлился сими днями одинъ 60
лѣтній старикъ съ поводу, что нѣка молодая дѣ-
вочка не приняла любовныхъ его иффеетовъ!

— Въ Бельгійскомъ городку Пинкеръ
живетъ женщина, котора отъ Мая 1818 года ни-
чего не ѣсть, а отъ Марта 1822 не пьетъ ниче-
го. Еще въ г. 1826 съѣхала была туда комиссія,
состоящая съ лѣкарей, котора пребывая тамъ 4 не-
дѣль, подтвердила подъ клятвою, что въ продолженіи
того времени женщина сія не имѣла въ устахъ ни
кусника яствій цѣ капли якого напитка. Дня 20
ж. м. обходила она 66 годовицину своего житія. Лѣ-
кари и природоиспытатели заходятъ въ голову, какъ
можно такъ долго жити безъ корма и напитка.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣдильской дня 1 Окт.
Ажю ц. червоицевъ 14 1/2
„ серебра 10

Исправленіе.

Въ предыдущемъ числѣ нашей Временописи случилась на
стр. 34 въ 7 строч. съ долу 1. передѣлки ошибка; также должно
быти; Г. Гушалевиць преподаетъ „религіозную науку“ для
Русиновъ въ 2 высшихъ классахъ Доминиканской гимназіи
а въ 6 низшихъ г. Ю Сепбратовиць.

(Слѣдуетъ Число 31. „Поученій Церковныхъ“)

Съ нынѣшнимъ числомъ начинается теченіе третьяго четвертьгодія „Зори
Галицкой.” Тѣхъ почт. Читателей нашихъ, которы на сіе четвертьгодіе еще не
предплатили, просимъ о скорое надосланіе предплаты; Всѣхъ же Прочихъ, которыми
недостають или не доставати будутъ якии числа нашей временописи, просимъ упоми-
натися у насъ о тѣмъ незапечатаннымъ и неоплаченными листомъ. При томъ за-
вѣщаемъ, что можно еще немного ексемпляррей нашей временописи отъ 1 до нынѣш-
няго числа по обыкновенной цѣнѣ получить.

Изданіемъ и типою | Института | Стравровгійскаго.

Отвѣтственный Редакторъ Богданъ А. Лядицкій.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Среду два листа, по пять годовою въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четвертьрочно получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. в. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

СЛОВЕНСКОЕ ПЛЕМЯ.

(изъ чешской Чытанки.)

Поздно ли па роспѣваетъ,
Но полезный пѣтъ несетъ,
Человѣкъ съ него собираетъ
Лѣвки, пчелка сладкій медъ.

Такъ Словенъ прекрасно племя
Поздно выдаваетъ пѣтъ;
Но съ него — въ будущее время —
Много скорыстаетъ свѣтъ!

БОЛЬШИНСТВО ГОЛОСОВЪ.

I.

(по Рикергу.)

Днесъ болышесть голосовъ всѣ споры разрѣшаетъ,
Но скорше меньшести рѣшати подобаетъ;
Бо выше цѣнныи мы суаъ мудрыхъ якъ глупцовъ,
А меньше есть всегда на свѣтѣ мудрецовъ.

II.

(по В. Бесте.)

Хочете болышинствомъ о идеяхъ рѣшати? — но знайте:
Болышинствомъ голосовъ вбитый Спаситель на крестъ!

ДВА ДИСТИХА

по Коляру.

I.

Дѣъ суть межъ нами спорящихъ стороны; но усмирися:
Мы бо о дерево все дбаемъ, вы только о листь.

II.

Не говори: „чемъ пишете нахъ такъ высокии азыкомъ?“
Лучше скажи: „чему я знаю такъ мало азыкъ?“

Богданъ А. Д.

I.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ СТАРОСЛОВЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Письмена Старословенскіи. — Кирилль и Месодій. — Глаголитва. —)

Нѣтъ сомнѣнія, что Словене еще передъ Кирилломъ знали читати и писати. Найдено древнѣйшее свидѣтельство о письменахъ словенскихъ принадлежитъ Чехамъ и находится въ отрывку изъ поемы: „Судъ Любуши.“ которой содержаніе относится къ началу VIII. вѣка, а рукопись къ концу IXго. Тутъ говорится о доскахъ правдодатныхъ, на которыхъ начертаны были законы. Дитмаръ Мерзебургскій, писавшій въ XI вѣцъ, свидѣтельствуеъ, что на кумирахъ Словенъ языческихъ были вырзаны имена боговъ. Болгарскій черноризецъ Храбръ, которого Шафарикъ относитъ къ XI вѣку, говоритъ, что Словене, будучи еще поганамъ, не имѣли книгъ т. е. письменъ, но читали и гадали чертами и рзани (рзъбани); потомъ же перешли къ письменамъ греческимъ и римскимъ. Въ 1836 г. найдены были въ карпатскихъ горахъ неизвѣстными надписи: ученые полагаютъ, что суть то письмена старо-словенскіи, для того, что Карпаты,

— По новѣйшимъ извѣстіямъ, выбухла холера такожъ въ Сокалѣ и Пархачу.

— Въ Пештѣ отбудется назадолго любопытная проба съ новою машиною, такъ званною „всегда — движущеюся“ (perpetuum mobile). Машина таѣ введена будетъ въ движеніе самою только динамическою силою, котора. безъ содѣйствія пары или якого нибудь иного вспомогаельнаго средства, двигати будетъ всю машину вразѣ съ соотвѣтнымъ ей бременемъ по тому направленію, якое первобытно надасть ей человѣческая рука. Изобрѣтателемъ той машины, надъ еяже изготовленіемъ многиі механики голову себѣ ломали, есть вѣккіі столяръ изъ Сегедина. именемъ Карлъ Богачъ. Если проба удастся и машина окажется не самымъ пустымъ теоретическимъ мечтаніемъ, но дѣйствительнымъ орудіемъ въ практичѣ: тогда прочь всѣ паровыі машины — тогда будемъ ѣздити, плывати, молоти и всю тяжкую работу исполняти съ пошощію самой всегда — движимой динамической силы!

— Межи кождымъ 10,000 жителями австрійской Державы есть 7,039 римскихъ и ормянскихъ католиковъ¹, 987 греческихъ католиковъ (соединенныхъ), 844 православныхъ (греческого вѣроисповѣданія). 577 еванг. гельветского а 343 авгсбургско-го вѣроисповѣданія, 14 унитаровъ, 195 жидовъ и 1 изъ меньшихъ сектъ.

— Со времени заведенія постоянного войска ажъ до нынѣшняго дня упало 259 п. австрійскихъ генераловъ и полковниковъ въ битвахъ съ непріателемъ.

— Въ Темешварѣ росписалъ одинъ швецъ преиумерату на чоботы. За предплату 5, 10 и 20 р. ср. получить можно черезъ цѣльї годъ нужныі чоботы. — Вотъ, до чего то нынѣ люди берутся! Преиумерата на чоботы! Теперь когда времеписн мало нынѣютъ преиумерантовъ, найдутъ ихъ можетъ больше шведы

— Въ Пруссакъ, где всѣ публичныі дороги обсажены деревьями, приказано правительствомъ, чтобы вѣсто дикихъ лѣсныхъ деревъ или тополей сдѣлти теперь только овощныя дерева.

— Въ Крумовѣ въ Чехахъ живетъ одна 90 лѣтняя ждищина, которой выросли недавно 3 пойма зубы а вѣсто сѣдыхъ подстригаемыхъ волосовъ растутъ новыі черныі волосы.

— Найлучшій въ свѣтѣ млынь выбудовалъ одинъ Англичанинъ на островѣ Мадъгъ. На другомъ

падру того млына всыпается збожье, а на долѣ вынимаютъ хлѣбъ уже упеченный. Архимедоваѣ труба исполняетъ большую часть работъ. Она мететь збожье, пересѣваетъ муку, роздѣляетъ ю на роды, пересыпуетъ до бочокъ, скропляетъ водою, замѣшываетъ и выбиваетъ тѣсто, дѣлитъ на бошонки и всушаетъ тѣже до печи. Млынь тотъ припоминаетъ на оную поповѣстку Минхгаузена о машинѣ, до которой одною стороною вкладается теля, а другою выходятъ уже готовыі чоботы изъ телячей кожи.

— Амерпканская швальня заводятся уже по всѣмъ большимъ городамъ Европы. Изобрѣтатель ей, г. Муръ получилъ патентъ свободы на Пруссіи и Австрію, и такожъ російское правительство заковило у него 50 таковыхъ машинъ. Черезъ употребленіе той машины уменьшатся вскорѣ число крапечкой челяди.

— Въ одномъ мѣстечку случилось такое удивительное средство. Старый вдовецъ влюбился въ молодую дѣвчинѣ и оженился съ нею. По его веселью оженился такожъ и сынъ оного вдовца, а то съ матерью своей мачехи. Въ слѣдствіе женитбы сей сталъ отецъ зятемъ своего родного сына, а жена его, не только пасербою своего собственнаго пасерба, но такожъ тещею своей родной матери, а тая смовъ пасербою родной своей доньки, кромъ того мужъ ея отчимомъ, своей мачехи. яко и тещемъ своего родного отца!

— Средство противъ мышамъ и щурамъ въ стодолѣ. Нѣккіі старыі, опытный господарь совѣтуетъ, абы передъ свезеніемъ збожья въ стодолы, накидати якъ наибольше свѣжихъ галузокъ свычайнаго бзу на сполъ застѣковъ. где обыкновенно щуры и мыши пребываютъ. Господарь тотъ увѣщаетъ, что отъ много лѣтъ всегда уживаетъ того не коштовнаго средства, и что отъ того времени никогда не посѣщали вредныі тѣ звѣрята его стодолы.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣдєвской дна 5 Нов.	
Ажіо ц. червоиць	19
„ серебра	13%

ИСПРАВЛЕНІЕ.

В. 35 ч. на заглавной сторонѣ въ 3 строчкѣ 2 предѣлки изъ долу случилась ошибка; вѣсто: Первое полное старословенское Евангеліе печаталось, должно быти: Первая полная старословенская Библия печаталась.

Слѣдуетъ 36. ч. „Поученій Церковныхъ“ и „Справозданіе Комиссіи Народнаго Дожа.“

Изданіемъ и типою Института Ставропигіискаго.

Отвѣтательный Редакторъ Богданъ А. Дидицкіі.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедично въ Середу два лянты, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ чвертьрочно получать платитъ въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ВСТРѢЧА СЪ ОЛЕНЮ.

Отрывокъ изъ поемъ: „Дѣвѣ Елены.“

Въ селѣ Верблянахъ на горбку
Стоитъ приходскій домъ; докола
Зеленый садъ, а на боку
Оборы, стайня и столола.
Отъ вѣздныхъ головныхъ воротъ
Долой спускается городъ,
И тянется къ рѣцѣ Верблянской,
Надъ которою въ долгій рядъ,
Якъ косари на нивѣ панской,
Старыи вербы тамъ стоятъ.

Подъ самымъ плотомъ въ огородѣ
Рвутъ дѣти стручковый горохъ,
Тѣ изъ верху, а тѣ при сподѣ:
Дѣвчатокъ двѣ, и хлопцевъ двоухъ;
Межъ ними старшая дѣвица,
Голубоока, краснолица,
Горохъ съ найвысшей вѣтки рветъ;
Отъ солища скрывшиися зеленью,
Сорванныи стручки кладетъ
Въ коробку; дѣти рвутъ въ кишню.

А иногда и по грядамъ
Ребята скачутъ торопливо,
Сестра же старша братчианъ
Даеъ напомиини учтиво:
„Кто потоптаеъ нитъ стручки
Не получитъ забавочки,
Что вчера привезла Мамуни,
И не пойдетъ со мной на ланъ;
Такъ цыть Василько, цыть Маруни:
Цыть, днесъ прїѣдетъ къ намъ Стефанъ.“

Вырекши ния то солодко,
Она на стежку побѣгла,
Горохъ ссыпала во рѣшотко,
И снова стручки срывати шла.

Наразъ роздалось отъ подворья
Знакомое „говъ, говъ“ Григорья,
Что былъ извозчикомъ тогда
У старыхъ родичей Стефана.
Съ саду же кличуть: „Гей, сюда!
Сюда Олена и Тетьяина!

И дѣти всѣ скорѣйше птицъ,
Чрезъ садъ летать поперемѣно,
И радость имъ сверкаетъ съ лицъ,
Съ лица Олены особенно.
Якъ лишь прибѣгли ко крыльцу,
Всѣ поклонились молодцу,
А онъ къ Оленѣ приближился
И ручку еѣ поцѣловалъ,
Взглянулъ въ лице, и удивился,
За годъ едва же ю узналъ!

Она теперъ ужъ дѣвой стала
Хорошею, якъ майскій цвѣтъ,
Кого, кого бы не плѣнила
Та красота въ пятнадцать лѣтъ?
Онъ отъ ребенка съ нею знался
И отъ ребенка любовался,
Тожъ и не диво, что тогда,
При встрѣчѣ снова обновленной,
Такъ сердце билось во груди,
Что восхищался такъ Оленой!

Не дивно, что и въ еѣ лицу
Всѣ чувства радости играли,
И говорили къ молодцу
Еѣ очн, но уста молчали;
Молчали, ахъ, бо еѣ любовь
Не возмогла найти ни словъ,
Ни голоса, ни возраженій
Другихъ, якъ только тѣхъ знаменъ,
Кони говорятъ и геинъ,
И неученый, и ученъ! Богданъ А. Д.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII. ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.

Сочин. Антонъ Петрушевичъ.

(Продолженіе. *)

При всемъ томъ съ времянь княженія Данила, который былъ возобновителемъ и почти творцемъ своего княжества, больше чѣмъ его отецъ Романъ, стало наше отечество болѣе отчуждиватися отъ прочей Руси. входя въ самыя тѣсныя сношенія съ западными государствами. Какъ извѣстно, Данилъ, вышываясь въ дѣла западныхъ державъ, ходилъ весьма глубоко въ Чехію; хотѣлъ приобрести сыну своему Роману Герцогство Австрійское, посредствомъ брака съ сестрою послѣдняго Австрійскаго Герцога; принялъ даже новый, чуждый древней Руси титулъ короля (Rex), и искалъ въ бѣдственное время болѣе помощи на Западъ, какъ у прочей сѣверной Руси порабожденной Татарами. „Ясно (говоритъ Соловьевъ, стр. 369), что при такихъ отношеніяхъ древне-русскія родовыя понятія должны были исчезнути въ Галичъ, и король Данилъ не могъ смотрѣти глазами старинныхъ князей Русскихъ, но смотрѣлъ на право наслѣдства, какъ смотрѣли на него короли сосѣдніе; народонаселеніе Галицкое также не могло смотрѣти иначе: бояре давно приняли характеръ чуждый, что доказываетъ быстрое ихъ ополченіе, городское же народонаселеніе состояло преимущественно изъ Нѣмцевъ, Жидовъ и Армянъ, толпами стекавшихся въ богатую область 96.)

*) Многоцѣнная статья сія прервана была съ ч. 24 „Зорка“ по той причинѣ, что почтеннѣйшій Сочинитель ея, пребывая въ лѣтное время с. г. на купелахъ въ Перегваску, не имѣлъ подъ рукою свои историческія записки и такимъ дѣломъ не могъ заняться ея продолженіемъ.

Ред.

96.) Ипатъ. лѣт. 196. говоритъ, что Данилъ основалъ городъ Холмъ, „нача призывать прихо-

Такииъ образомъ также самыя понятія о собственности, о преемствѣ отъ отца къ сыну, о правѣ завѣщанія, которыя явились въ сѣверовосточной Руси извнутри, развились изъ ея собственного организма, въ Галичъ

жаѣ Нѣмцѣ и Русь, иноязычниками, и Ляхи: мѣду, дѣль и во ночь, и уношы п мастерь всяциѣ бѣжаху изъ Татаръ, сѣльницѣ, и лучницѣ, и тулицѣ, и кузницѣ желѣзу и мѣди и серебру, и бѣ жизнь, и наполниша дворы окрестъ града поле и села.“ На стр. 204. пишетъ, что въ Владиміръ Волинскомъ нѣкто „Марколтъ Нѣмечинъ зва къ собѣ всѣ князѣ на обѣдъ Василька, Лва, Войшелка.“ Кончину Владиміра Васильковича оплакивали въ Владиміръ „Нѣмцы и Сурожьцѣ и Новгородцы и Жидове плакахуся аки бо изгягъ Іерусалима.“ Ипат. лѣт. 220. Подъ названіемъ иноязычниковъ подразумѣваетъ кажется Ипат. лѣтопись Татаръ, Грековъ, и Армянъ. Послѣднимъ имѣлъ, по свидѣтельству Зиморовича (Triplex Leopoldis) Князь Левъ Даниловичъ опредѣлити на поселеніе сѣверную часть города Львова, при осадѣ котораго въ послѣдствіи княземъ Болеславомъ Мазовецкимъ, имѣли томуже государю между прочими народами и Армяне противитися. Sola Leopoldis a comilitonibus Leonis (sic) Tartaris, Sagaracenis (Сурожаны) Armenis... masculine defensa, peregrinis dominis (Мазовецкиамъ) rogatas claudit... По актамъ паходящимся въ Архивѣ Армянской капитулы въ Львовѣ были Армяне призваны на Русь какииъ то княземъ Θεодоромъ Дмитревичемъ. Грамота сего князи, писана на русскомъ языкѣ въ томже предмѣтѣ, называетъ иривываемыхъ Армянъ Косохацкими (sic) и имѣетъ на себѣ ошибочно выставленный 1.062 годъ. Погибшій подлинникъ ея осматривалъ въ Львовѣ ученый Чапкинъ, которому казался онъ быти недостовѣрнымъ. Тия грамота гласитъ въ латинскомъ плохомъ переводѣ слѣдующимъ образомъ: „Ecce Magni Ducis Theodori Dmytrowicz (sic) Cosachacensibus (sic) Armenis, qui huc volunt venire, venite in auxilium meum et ego dabo vobis libertatem ad tres annos, et cum fueritis apud me, ubiquis voluerit, ibit libere.“ По словамъ Захарьясевича (Wiadomości o Ormiańcach w

были занесены извѣстия, но привѣсьлись и утвердились необходимо въ слѣдствіе обстоятельство историческихъ.” Такъ по смерти Короля Данила, Василько остался на своемъ прежнемъ столѣ княземъ Владимірскимъ, Левъ Перемышольскимъ, Романъ, искатель Австрійскаго престола господствовавшій въ городахъ данныхъ себѣ Миндов-

гомъ. Новгородку, Слонимъ, Волковиску, кажется не находился уже во живыхъ; Мстиславъ Даниловичъ княжилъ въ Луцку и Дубнѣ, а меньшій Шварно въ Галичѣ, Холмъ и Дрогичинъ. Первымъ послѣдствіемъ кончины Даниловой была война наследниковъ его съ Болеславомъ Польскимъ: Русь соединена съ Литвою опустошила окрестности Люблина и Бѣлой, что Поляки отметили разореніемъ окрестностей Червоня и Бельза: наконецъ помирились сусѣдныи Государяи Болеславъ, Василько и Шварно и начаша быти въ любви велиць. (Ип. лѣт. 204. подъ 1268. г.)

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Polszcze. Bibl. Ossol. 1842. T. I. strona 71.) самъ подлинникъ былъ писанъ на куску пергамента безъ опредѣленія года и безъ подписи, изъ привѣшенной печати уцѣлѣлъ только кусокъ воска безъ всякаго знака. Годъ 1062 находился вставленный только въ латинскомъ переводѣ подлинника. Захарьясевичъ прибавляетъ что онъ изъ русскаго подлинника запечатлѣлъ слѣдующія строки: Oto kniazia Teodoga Dmytrowicza (sic) kosochackim Armenom. Prejdili (прійдетели) na moju ruku dam wam wilnost (sic) na try lita... и что Провинциаль Базиліановъ Михаілівъ признавалъ первый слогъ въ словѣ kosochackim за предлогъ ко; слѣдовательно должно читати „ко Sochackim Armenom.” По моему мнѣнію нужно исправить надпись грамоты или письма князя Θεодора слѣдующимъ образомъ: „Отъ (вм. ото) князя Θεодора Дмитреевича ко Солхакскимъ Армянамъ.” Кажу Солхакскимъ не Сохакскимъ, ибо въ XIII вѣцѣ въ самомъ дѣлѣ обитали Армяне въ Солхатѣ, т. е. Старомъ Крымѣ, откуда безъ всякаго сомнѣнія пришли Армяне въ наше отечество. Вотъ доказательства. Въ запискахъ князя Армянскаго Юсифа Долгорукаго, Архіепископа Армянскихъ церквей въ Россіи, сказано, что Татары завоевавъ Арменію въ 1262 году, перевели многихъ жителей въ нынѣшнюю Астраханскую и Казанскую Губернію; что нѣкоторые изъ нихъ ушли въ Тавриду и поселились отчасти въ Кафѣ, отчасти въ старомъ Крымѣ (древнемъ Солхатѣ) и близъ Судака. см. Исторію Тавриды Сестренцевича II. 177 Карам. И Г. Р. Т. IV. пр. 146. — Въ Армянской церквѣ города Каменца Подольскаго находится до сихъ поръ пергаменный литургиконъ на армянскомъ языкѣ, съ слѣдующей изъ тогоже языка на латинскій переведенною за-

пискою: Hoc missale est pro memoria Ecclesiae S. Nicolai Thaumaturgi Pontificis in urbe Camenecensi, scriptum aera armenica 798 ac dominica 1349 in Crimea in Civitate Sarchat (Сулхатъ) manu domini Stephani presbyteri, post autem quadraginta quinque annorum scriptionem hoc (sic) emit Camenecensis dominus Linan filius Chutlubei, deditque pro memoria supradictae Ecclesiae S. Nicolai aera armenica 847. et dominica 1394... смотри А. Przedzieckiego Podole, Wolyn, Ukraina. Wilno 1841 T. I. въ описаніи города Каменца — Есть слѣды о переселеніи Армянъ изъ полуострова Таврическаго въ городъ Львовъ. Тамъ по запискамъ находящимся въ Архивѣ Армянской капитулы въ Львовѣ, находилась въ томъ городѣ уже въ 1183. г (быти можетъ 1283.) деревянная Армянская церковь, пока въ 1363. году нѣкто Яковъ сынъ Тахиповъ изъ Кафы и Панось изъ Гайсараны не построили своимъ издѣвеніемъ каменную Церковь, которой зодчимъ былъ Игалаинецъ Дорхи (по Захаровичу Доре) построеншій передъ тѣмъ прежнюю Св. георгиевскую Церковь. смот. Dziennik literarac. Lwów 1853. str. 307. Кто былъ упомянутый князь Θεодоръ Дмитреевичъ не знаю, езуитъ Крусинскій (Prodromus ad tragicam vertentis belli persici historiam... Leopoli 1740) даетъ тому же князю прозваніе Зуба, не указавъ однако источника сего извѣстія. Не былъ ли князь Θεодоръ сыномъ В. князя Дмитрія господствующаго въ 1379. году въ Вла-

II.
КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ ЧЕШСКО-
СЛОВЯЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Первый Періодъ.

Отъ первого поселенія Чеховъ 550. г. по р.

Хр. ажъ до Іоанна Гусса 1400.

(Старинны чешскіи пѣсни. — Заведеніе школъ. —
Вліяніе Нѣмцевъ. —)

Изъ найстаршихъ памятниковъ чешской литературы, яко изъ именъ старинныхъ чешскихъ князей, поселеній и областей, явствуетъ, что старинный чешскій языкъ далеко былъ близшій къ старословенскому, нежели языкъ нынѣшнихъ Чеховъ. Первые варныи письменныи памятники ихъ языка не суть древнѣйшіи отъ введенія у нихъ Христіанства. Однакожь открыто передъ якиихъ 30. лѣты поетическіи отрывки, которыи содержаніемъ своимъ сягають въ предхристіанское время. Самый древнѣйшій отрывокъ большей якоиь поэмы есть такъ званый Любушинъ Судъ, подаренный въ 1818. г. неизвѣстнымъ лицомъ Чешскому Музею. Содержаніе его состоитъ въ томъ, что два Лехи (шляхтичи) Хрудошъ и Святославъ, посварились при роздѣленіи отеческихъ добръ и были вызваны Княжною Любушею, красною дочерью Крока, на судъ, где, послѣ народнаго приговора, недовольный Хрудошъ возстаеъ противъ Княжны, и оскорбленная Любуша отказывается отъ права обладати наследственными землями и проситъ со-

дѣлать и Луцку? см. Zubrzycki kron. Lwowa str. 49. — Евреи — Каранты пришли на Русь также изъ городовъ Солхатъ, Кафа, Мангуцъ, и поселились кажется уже въ XIV. вѣцѣ въ городъ Галичъ. см. Dzieła T. Czackiego Rozpań 1840. str. 271. Журналъ Министер. внутр. дѣлъ 1843. кн. 2. О неосновательной сказцѣ составленной Леоновичемъ раввиномъ галицкихъ Карантовъ, будто тѣже еще 1246. года переселились въ Галичъ, приведу ниже мое мнѣніе.

бравшихся къ ней Леховъ, Кметовъ и Владыкъ vybrati изъ среди своей правителя. Но выступаетъ защитникъ ей въ лицѣ Ратибора, указываеъ на святой законъ предковъ, но бесѣда его не кончена. Въ 1817 открылъ Линде Пѣсню подъ Вышеградомъ, котора принадлежитъ также къ глубокой древности. Въ томъ же году нашелъ В. Ганка въ склепѣ Краледворской церкви извѣстную Краледворскую рукопись, писанную около 1380 — 1390 г. Суть то отрывки изъ большей книги, которой начало и конецъ, будь сгорѣли, будь истреблены якимъ непріязнымъ церковнослужителемъ. Въ рукописи сей считается 6. эпическихъ пѣсней, содержащихъ историческіи, народныи событія. или событія, основанныи на древнихъ преданіяхъ. 2. лирико — эпическихъ вѣроятно тоже историческихъ, и 6. лирическихъ пѣсней, составленныхъ въ незапамятныхъ временахъ, написанныхъ въ послѣдствіи со словъ якого нибудь пѣвца. Когда именно появились тѣи пѣсни — опредѣлти невозможно; вѣрно только то, что они произошли позже тѣхъ событій, которыи въ нихъ описываются. Языкъ тѣхъ прекрасныхъ поетическихъ твореній значительно сходный, именно что до нѣкоторыхъ устарѣлыхъ видовъ, съ церковнымъ языкомъ; красота поезіи не во многомъ уступаеъ русскому „Слову о полку Игоревъ.“

Найстаршая перелись чешского Отче-Нашу существуетъ по словамъ Добровского, съ IX. или X. вѣка. Съ того же времени осталъ чешскій переводъ Киріе-елейсонъ, сочиненный вторымъ епископомъ Пражскимъ, Адальбертомъ. Въ продолженіи XI. и XII. вѣка создано въ Чехахъ много монастырей, съ ними же учреждено народныи школы; нѣмецкіи художники, зодчии, даже селане поселились на чешской земли. Вліяніе нѣмецкихъ свѣчаевъ и обычаевъ я-

вылось чѣмъ разъ выразительнѣе, и чешскіи вельможи стали употреблять нѣмецкій языкъ. Межъ всеми словенскими народами суть только одни Чехи, у которыхъ встречаемъ средовѣчное рыцарство, происшедшее изъ частыхъ съ Нѣмцами сообщеній. (П. с.)

ЧАЙКОВСКИЙ.

Украинская повесть.

XII.

Скромно стоялъ у дверей молодой козакъ. опутивши очи въ землю, судорожно поворочивая въ рукахъ красивую кабардинскую шапочку. Алексѣй взглянулъ на него, протеръ очи и почти шопотомъ сказалъ: „Боже мой! или я обманулся. или то Марина!...”

Два чистыя слезы покотились по лицу молодого козака; онъ поднялъ очи, выпустилъ изъ рукъ шапочку и уже лежалъ на груди Алексѣя, тихо повторяя: „Я, мой милый! я, мой ненаглядный Алексѣю!...”

И долго они ничего не говорили, глядя другъ на друга, смѣялись, плакали и, сливаясь горячими устами въ одинъ безконечный поцѣлуй, уносились далеко отъ земли.

За всѣ печали, заботы и страданія, за всю тяжесть туземной жизни, великій творецъ щедро нагородилъ человека, давши ему молодость и — любовь!..

— „Якъ же досталась сюда, моя голубко!” пыталъ Алексѣй: „якъ ты оставила отца и прошла пустыни вольныя степи?”

„Помнишь ты страстный вечеръ, когда отецъ засталъ насъ на островѣ?... Я сказала тебѣ: бѣжи скорше, бѣжи на Сѣчь, а тебѣ приказываю! И ты убѣжалъ, поцѣловалъ мене, а изъ за дерева вышелъ отецъ, грозно посмотрѣлъ на мене, поднялъ надо мною сжатую руку, — и остановился, будто неживый; потомъ ударилъ себе

кулакомъ въ чело и тихо, жалобно сказалъ: „но гледи на мене такъ страшно! ты похожа на мою покойницу... поведемъ домой!” отвернулся и пошелъ; я за нимъ вду и ногъ не слышу. Пришли къ берегу, тамъ стоитъ лодка, въ лодцѣ Гадюка и Герцикъ. Отецъ сказалъ имъ весело: „Я проходилъ по острову и дощку нашелъ; она гутъ же проходила!” Мы съѣли и пріѣхали домой.

— „А ты не видѣла здѣсь Герцика?” съ безпокойствомъ пыталъ Алексѣй.

„Якъ же! онъ съ нами встрѣтился у самой твоей палатки, и не узналъ мене. только сказалъ Никитѣ: проводи мене, добрый человекъ, къ Полтавскому куреню.”

— „И ты его съ разу узнала?”

„Узнала; мѣсяцъ бо святить яко въ день... Чего ты засумовался?”

— „Ничего. Тебѣ надобно бѣжати скорше изъ Сѣчи. Если узнаютъ, что ты здѣсь, будетъ лихо, мы можемъ заплатить жизнью.”

„Аншъ бы разомъ, я готова умерти — но съ тобою!”

— „Къ чему умирати, когда мы будемъ жити разомъ счастливо, спокойно? Нашъ Кошевий писалъ нынѣ къ твоему отцу: онъ тебе для мене сваталъ, а Кошевого требуетъ теперь твой отецъ. Якъ думаешь: благословить насъ отецъ?”

„Богъ знаетъ, его не розгадаешь! Разъ онъ пріѣшелъ до мене утромъ, а я плакала. „Знаю,” сказалъ онъ, „чего ты, дурна, плачешь. Кобы менѣ поймати того Алексѣя...” Такъ что бы было? спытала я. „О знаю, что бы съ нимъ сдѣлалъ!” отрекъ онъ грозно. Я больше заплакала и пошла въ садъ; мои цвѣты цвѣтутъ и наклоняются одинъ къ другому; на нихъ ползаютъ, вокругъ летаютъ мушки, жучки, пчелы, всѣ разомъ, всѣ роємъ, а я одна на свѣтъ, подумала я, якъ тотъ подсол-

нечникъ, что стоитъ одиноко надъ стежкою; но и ему есть весело, есть радость: онъ любить солнце, и куда оно пойдетъ, подсолнечникъ обертаетъ за нимъ свою цветную головку. И стало менъ совѣстно... Бездушный цвѣтокъ обертается къ солнцу; если бы у него сила, онъ оторвалъ бы ся отъ кореня и полетѣлъ бы къ нему, — а я? — мое солнце, моя радость далеко; знаю где онъ, и сижу будто связанная!... до-сизжусь, что просватаютъ мене за нелюбав... страшно!... Къ вечери моя цыганочка продала весь дорогин перлы и дукатовыи ожерелья, и въ ту же ночь я убѣжала изъ отцевскаго дому, пристала дорогою къ Запорожцу Касьяну, — и онъ, спаси-Богъ, провелъ мене до самой Сѣчи..."

— „Ахъ, ты моя ненаглядная Марино! И для мене ты кинула домъ, отца, родину? для мене рѣшилась ѣхать верхомъ, дикими сторонами, надѣла козацкое платье, обрѣзала свои долги, темныи косы!" *)

„На что они были менъ?... Я съ радостію взяла ножицы и обрѣзала ихъ... Но когда они упали передо мною на столъ темныи, долги, — будто что оторвалось отъ моего сердца; ахъ, и я заплакала. Косы, мои косы! подумала я: сколько лѣтъ я свивала и розвивала васъ, сколько лѣтъ я гордилась вами передъ подружками, когда вы, якъ черныи змѣи, красиво обвивались вокругъ моей головы и полная роза порою горѣла надъ вами будто пламя!... Думала я во гробъ легчи съ вами, темныи мои косы, съ вами, подружки моей одинокой радости и печали... И вотъ, я подняла руку на саму себе!... Такъ я думала, —

не сердись мой милый... но то было не долго: я вспомнила, для чего лишилась своей красы — и перестала плакати, даже сама сплела обрѣзанныи косы, сокрыла на груди своей и принесла тебѣ въ подарокъ. На, возьми ихъ, они твои!" Алексѣй прижалъ ихъ къ сердцу, обнялъ и поцѣловалъ Марину. — Алексѣй и Марина плакали.

— „Скажи менъ," спыталъ Алексѣй по долгомъ молчаніи: „зачѣмъ ты назвала себе Алексѣемъ?"

„Для того, что менъ подобалось тое имя... Охъ, вы козаки, козаки! думаете, что у бабъ ума нѣтъ; а когда возьмется на хитрости — пятнадцатилѣтняя дѣвочка проведетъ старика. Видишь, я назвалась Алексѣемъ, Пирятинскимъ Поповичемъ нарочно, чтобы найти тебе скорше. Я домышлялась, что будешь на Сѣчи; я не знала того на върно, но мое сердце вѣдало, что ты здѣсь. А якъ найти тебе? Стану допытыватись — можетъ догадаются. Я и подумала: назовусь сама Алексѣемъ; коли кто тебе не знаетъ, тотъ ничего не скажетъ; а другій, можетъ скажетъ: знаю и я одного Алексѣя Поповича Пирятинскаго, видѣлъ его ось тамъ и тамъ, или что подобное. И то менъ на руку..."

— „Ось яка хитрая!"

„Прійдется хитрость, когда силы нѣтъ. Едва я сказала въ курень свое имя, такъ всѣ и закричали: „Ось штука! есть у насъ уже одинъ Алексѣй Поповичъ, та еще и Пирятинскій; но его теперь нѣтъ, похалъ на Крыщевъ; а что за молодець, да онъ у насъ войсковымъ Писаремъ!" И я все узнала не пытаюсь про тебе, мой ясный соколе! Не сумуй же такъ! или ты уже не любишь мене?"

— „Мене Богъ покараетъ, если бы я не любила тебе! Для того я и задумался, что люблю тебе, что нева жалко тебе. Мои

*) И до сихъ поръ на Украинѣ считается наибольшимъ безчестіемъ отрѣзати дѣвочѣ косу. Ни за яку платню дѣвочка не соизволитъ добровольно позбавити себе того украшенія. „Коса вырастетъ, а позору не вернешь," самчайше отвѣчаютъ она на предложенія перукара или якого другого городского предпріимчика, ходящаго отъ села до села за покупкою хорошихъ волосевъ.

товарищи не злы, но суровы и неумолимы, когда кто нарушает ихъ законъ. Бѣда, если тебе узнають! У мене сердце замираетъ, коли подумаю... Я боюсь, чтобы тотъ Герцикъ...”

„Что за нужда Герцику изшатись въ ваши войсковы дѣла? Опъ не Запорожець, а твой пріатель; и онъ не узналъ мене!..”

— „Последному то я не вѣрю; у него очи якъ у кота; скажи лучше, что ему выгоднѣйше не измѣнати намъ.”

„Розумѣется... Остави свои черныя думы, посмотри на мене веселѣйше, пріатнѣйше!”

— „Радъ бы оставити, та сами лѣзуть въ голову. Снова думаю: таже Герцикъ зналъ, что ты убѣжала?”

„Онъ оставалъ въ Лубнахъ, въ нашемъ домъ. такъ вѣрно зналъ.”

— „Чемужь онъ менъ того не сказалъ? Якъ думаю, тутъ есть не доброе...”

„Ничего! Вотъ, ты менъ дай доброго коня, я поѣду прямо на зимовникъ Касьяна, и тамъ подожду тебе; отецъ вѣрно согласится на нашу сватьбу; а не согласится — Богъ съ нимъ; займемъ кусокъ степи, сдѣлаемъ землянку и будемъ жити.”

Тутъ начались толки, планы о будущемъ, уврєнія въ любовь, клятвы; наконецъ, Алексій наразъ будто вздрогнулъ и торопливо сказалъ: „Пора намъ вхати; ночь коротка; чуешь, якъ стало свѣжо въ палатцѣ, въ скоръ станетъ свѣтати. Менъ не можно отдалятись, я тебѣ дамъ за проводника Никиту; онъ человекъ добрый, любить мене и менъ не измѣнитъ; боюсь только, что онъ пьяный... Ну, пойдемъ! Боже мой! слышишь, кто-сь розговориваетъ за палаткою!...”

Марина молча кивнула головою.

— „Такъ, розговориваютъ; не бойся,

то запоздали гуляки, я сейчасъ прогоню ихъ...”

Алексій быстро раздвинулъ полы палатки и остановился: на дворъ уже совсемъ розсвѣтало; передъ палаткою стоитъ толпа козаковъ.

— „Что вамъ надобно?” спросилъ Алексій.

„Власть твоя, Пане Писарь,” отвачали козаки: „а такъ дѣлати не годится. Не долго будетъ стояти наша Свчъ, коли начальство само станетъ ругатись нашимъ законамъ; коли...”

— „Идите, братья, спати!... вы со вчерашного похмѣлья...”

„Дай Господи, чтобы то было съ похмѣлья! Ось, я сорокъ лѣтъ на Свчи, а никогда съ похмѣлья не проснилось такое, якъ на яву совершается,” говорилъ съдѣй козакъ: „якъ можно скривати на Свчи жєщину? отъ женщины и въ раю челєвкѣ житья не было; а пусти ю въ Свчъ...”

„Жаль, что изъ моего курєня вышелъ такій гръшникъ!” сказалъ Курєнный Атаманъ: „испокоивъку не было на Поповичевскомъ курєнѣ такого пятна.”

„Гей, якое беззаконіє!” говорили жєгєнє голоса громче и громче: „вотъ оно нечистое искушеніє! ось сидитъ она. Возьмемъ ю, хлопцы, и прямо къ Кошовому.”

„Вы врете!” сказалъ Алексій: „идите себѣ съ Богомъ, или вамъ зло будетъ.”

„Нѣтъ, нѣтъ;” кричали козаки: „лицари по врутъ; можетъ, врутъ письменни, въ школѣ выучились; еще передъ свѣтомъ намъ сказали, что у Писаря въ палатцѣ женщина; такъ мы собрались сюда и слышали вашу бесѣду, и ваши поцѣлуи, — все слышали, и Попа призвали...”

— „Коли такъ, да будетъ такъ; у мене въ палатцѣ женщина: она моя невеста. Не хотѣлъ я оскорбляти товариства и

нарушатъ законы Съчи; за минутку ю уже тутъ бы не было, а теперь ваша рука не дотронется ей чистой, непорочной; развѣ трупъ ей и мой разомъ вы получите...”

Алексѣй обнажилъ саблю.

„Стой, сыну мой!” закричалъ голосъ священника, выходящаго изъ толпы: „въ беззаконіяхъ зачатъ еси и во грѣсахъ рожденъ ты, яко человекъ; не придавай новой тяжести на свою совѣсть. Прочь оружіе! Смирись, грѣшнику, передъ крестомъ и Распятымъ на немъ!”

Священникъ поднялъ крестъ; козакъ снялъ шапку; Алексѣй кинулъ саблю и палъ на колѣна.

„Такъ, сыну мой, покорися Богу и законамъ; бери свою невѣсту и пойдемъ на судъ Кошевого и всего товариства. Не троньте его, братья, онъ самъ пойдетъ.”

„Пойдемъ!” рѣшительно сказала Марина, выходя изъ палатки: „пойдемъ, мой милый; наша любовь чиста. Богъ видитъ ю и спасетъ насъ.”

И окруженный козаками, Алексѣй и Марина пошли за священникомъ къ палаткѣ Кошевого.

Строго принявъ Кошевой вѣсть о преступленіи войскового Писаря; сейчасъ же собралъ совѣтъ, и въ нѣсколько минутъ, Алексѣй и Марина были осуждены на смертную кару. Изъ уваженія къ заслугамъ Писаря сдѣлалъ ему милость: позволили умереть разомъ съ Мариною. Въ Съчи не нашлось козака, который бы рѣшился стяти голову женщины.

— „Нѣтъ ли где Татарина?” пыталъ Кошевой.

„Извѣстно, мы не беремъ въ полонъ той сволочи,” отвѣчали ему: „а сотникъ Буланый, который теперь живетъ зимовникомъ, весной поймалъ на гуляньи старика Татарина и кажетъ ему молотъ въ жарнахъ

кукурузу; такъ чей привести того Татарина, если онъ не заколоса уже до смерти.”

Послали за Татаринимъ, казнь отсрочили до завтра, а преступниковъ посадили подъ стражу въ маленькой избѣ съ желѣзными кратами на окнахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВѢРОИСПОВѢДАНІЕ ХИНСКИХЪ ВОЗСТАНЦЕВЪ.

Отъ нѣякого времени ведется въ Хинахъ междоусобная борьба, которой цѣлюю есть: съ низверженіемъ татарско-монгольской династіи ввести религійную реформу. Возстанцы объявили недавно свое вѣроисповѣданіе, которое помѣщается въ нѣсколько книгъ, и весьма сходно есть съ Христіанскимъ. Первая есть „книга небесныхъ законовъ и установленій,” которыя Богъ и Есу объявилъ царю Тьенъ-те, приказывая, чтобы не разбивати, мужественно воевати и чтити жилища женщинъ. Вторая книга заводитъ новый мѣсяцесловъ о 360 дняхъ, 12 мѣсяцахъ съ однимъ днемъ отпочинка въ седмицѣ въ хр. недѣлю. Третія книга есть „Откровеніе Отца небесного, когда сошелъ на землю;” четвертая и пятая книга содержитъ Божіи повелѣнія, которыя упоминаютъ къ покаянію, къ почитанію истиннаго Бога, и прирекаютъ рай повинующимся, а въ преступникамъ. Потомъ слѣдуютъ предписи ритуала. Правовѣрный долженъ на колѣнахъ просити Бога о прощеніе грѣхамъ, мытиса въ рѣцѣ, при каждомъ обѣдѣ молитиса и праздники святити. Тогда будетъ спасенъ и прійдетъ въ царство небесное.

Ежедневная молитва хинскихъ Нововѣрцевъ есть слѣдующая: „И (А. Б.) ключи, съ сокрушеннымъ сердцемъ жалѣю за грѣхи мои и прошу Отца небесного, великаго Бога, чтобы полною милостію своею простилъ менѣ давнѣйшіи мои грѣхи не-

вѣщества, обновилъ жизнь мою, душу мою принялъ до небесъ. Кидаю всѣ мои давнѣйшіе распутія, особливо идолопоклонство. Молюсь къ Богу, чтобы далъ менѣ святого духа, чтобы перемѣнилъ мое испорченное сердце, избавилъ мя отъ искушеній, и имѣлъ надо мною попеченіе, чтобы далъ мнѣ кормъ и все потребное для тѣла, увольненіе отъ нужды, миръ въ семь свѣтѣ и славу въ будущемъ — милостію нашего Спасителя и старшого Брата, который избавилъ насъ отъ грѣха. Наконецъ прошу, чтобы воля Божія была въ небесахъ яко и на земли. Аминь.“ — Кромѣ того находятся въ книжцѣ сей молитвы утренній, вечерній, подобный, и при всякихъ замѣчательныхъ случаяхъ.

На недѣлю приписана къ пѣнію слѣдующая доксологія; „Хвалимъ тебе Боже, Отче небесный; хвалимъ Е-суса Спасителя міра; хвалимъ святого духа, найвысшую мудрость, хвалимъ три особы въ духу истины соединены.“ — Къ тому есть 10 заповѣдей согласныхъ съ еврейскими, только къ седьмому додано есть запрещеніе употреблять тютюнь и опиумъ. Пятая книга содержитъ „библейную исторію ветхаго и новаго завѣта;“ шестая книга „Ода для юношества,“ содержитъ уставы Конфуція, который также изрекъ; „люби ближняго твоего, якоже себе самого.“ Прочіи шесть книгъ подоютъ правила для воинства; изываютъ Хинчиковъ сорвати союзъ съ „погаными дьяволскими Татарами, и уважати правого, Богомъ избранного, Монарха, кинути идолопоклонство и вернуть къ почитанію единого Бога, сообразно съ давными писемъ мудрецовъ и съ народными преданіями.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ И СКУПОСТЬ.

Начальство одного малого мѣстечка вы-

брало разъ нѣсколько мѣщанъ и поручило имъ, чтобы они обойшли всѣ дома и собирали добродѣтельными жертвы для вспоможенія обѣднѣвшихъ родинъ того мѣстечка.

Выбранныи мѣщане пришли, межъ прочимъ, одного рана на подворье пѣкого богатого согражданина. Они застали его въ стайнѣ, и подходячи, слышали, якъ онъ со гнѣвомъ сварилъ на своего паробка за то, что тотъ оставилъ черезъ ночь мотузокъ на дождѣ, а не положилъ его где въ сухомъ мѣстцѣ.

„Ну, попали нѣ мы на человѣка! то якійсь скупецъ,“ говорилъ одинъ изъ мѣщанъ, „тутъ ни шеляга не выпросимъ.“

„Однакожь, не вредитъ попробовати,“ сказалъ другій; и они подошли ближе.“

Господарь встрѣтилъ ихъ ласково, и межъ тѣмъ, когда шли съ нимъ до хаты, они объявили ему, за чѣмъ прибыли. Якъ удивились они, когда онъ весьма охотно пожертвовалъ значительную сумму грошей, и кромѣ того прирекъ ежегодно жертвovati столько же. Тропутьи такимъ добродѣтельнымъ чиномъ мѣщане не могли не признаться благотворительному человѣку, что вспоможеніе его для нихъ вовсе неожиданно, понеже слышавши, якъ онъ сварилъ на паробка за такъ маленькую вещь, они думали, что онъ дуже скупой, и отпривить ихъ съ порожними руками.

„Отонъ для того, милыи сограждане,“ отвѣчалъ онъ, „понеже я всегда заботился о всемъ, пришелъ я, слава Богу, въ такое состояніе, что могу и другимъ помогати.“

Не стыдись бережливости, и не называй ю скупостію; стыдись одной скупости. Не избѣгай случая благотворити, и не считай ложно благотворительности за расточительность.

НОВЫЯ РУССКІЯ КНИЖКИ.

Межи новыми книжками, продающимися въ русской книжной лавцѣ во Львовѣ, заслугуютъ особеннаго вниманія: правоучительная повѣсть „Цвѣтныи Кошчохъ“, и учебная книга подъ заглавіемъ „Звѣрословіе“.

„Цвѣтныи Кошчохъ“ составляетъ собою вторую часть „Библиотеки благополезнаго чтенія для дѣтей“, которая, исполняя предложенную себѣ задачу съ наилучшимъ успѣхомъ, удостоивается всесторонней признательности. Якъ первая часть „Библиотеки“ сей предложила себѣ достохвальную цѣль подати русскому юношеству начала главнѣйшихъ свѣдѣній изъ круга различныхъ благополезныхъ наукъ, и такимъ дѣломъ содѣйствовать развитію душевныхъ силъ молоденькаго ума: такъ есть снова преимущественною второй части задачей дѣйствовать посредствомъ благонравной повѣсти на дѣтское сердце. И вѣстину, реченная повѣсть рѣшаетъ свою задачу въ полнѣ; она есть въ состояніи возбудити найкраснѣйшій чувства въ юношескомъ сердцѣ, укрѣпити природную привязанность дѣтей къ родичамъ, возвеличити любовь ихъ къ добру, хорошему и высокому, вознести душу ихъ къ Богу. Самое отличительное свойство ей заключается въ томъ глубокомъ религіиномъ, чувству, которое такъ высокую цѣну даетъ нѣкоторымъ новѣйшимъ повѣстямъ, именно „Хижинѣ стрыи Фомы“, а которое я тутъ отмѣчается въ каждомъ изреченіи богобоязненнаго Владимира и дочери его, колодевкы богатырки сея повѣсти, добросердечной Людмилы. Мы воздаемъ отъ сердца заслуженную хвалу и полную признательность юному переводчику той наилучшей Шмидовой повѣсти, г. П. Яновичу, и рекомендуемъ ю всѣмъ добрымъ Отцамъ и Матерямъ, которы могутъ сдѣлать нею найкраснѣйшій подарокъ для своихъ дѣтей въ день сближающагося Нового Года.

Такимъ же подаркомъ и во многократную пользу можетъ послужити такожъ учебная, издержками в. правительства изданная, книжка: „Звѣрословіе“ В. Воляна. Есть то утѣшительно для каждого Русина видѣти, что нашъ языкъ въ такъ короткомъ времени своего образованія развился уже о столько, что нимъ возможно нинѣ составлять учебники, принадлежащіи къ кругу опытныхъ и отвлеченныхъ наукъ. И то не меньше радостно для русского сердца, что къ тому хорошему и трудному дѣлу берутся такожъ молодые, ударованныи люди, на которыхъ прилѣжности полагаеть Русь на-

ша свои наилучшіи надежды. И каждый съ тѣхъ юныхъ соработниковъ трудятся на поприщѣ того предмета, который наиблизшій есть его званію и наилучше ему извѣстнѣй. Якъ г. Яновичъ, слушатель св. Богословія Прашевской епархіи, занялся составленіемъ правоучительной повѣсти, такъ г. В. Волянъ, слушатель медицина на Вѣденскомъ всеучилищѣ, работаетъ около природныхъ наукъ. Мы желаемъ ему на томъ полѣ наилучшаго успѣха, и похвалемъ не только слогъ его яснѣй, вразумительнѣй, якимъ г. Волянъ всегда отличается, но такожъ тую его скромность, по внушенію которой назвалъ онъ сочиненіе свое переводомъ, межъ тѣмъ когда оно въ многомъ отношеніи дополнено и исправлено по его же собственнымъ знаніямъ. Касательно языка замѣчаемъ, что оба тѣ сочиненія написаны образующимся у насъ книжнымъ малорусскимъ языкомъ, и различаються весьма малозначно только по правописи и нѣкоторымъ грамматическимъ формамъ.

Современно мило намъ изъ достоверныхъ жерель познати тую вѣсть нашимъ почтен. Читателямъ, что стараніемъ и издвеніемъ в. Правительства вышла сими днями уже „Первая языкоучебная Читанка.“ а незадолго выйдеть одна русская книжка по другой, яко: „Книжка рахункова“, „Катихисизъ великій“ и „малый“, „Грамматика“, и „Русская Читанка длявысшихъ школъ гимназіальныхъ.“

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ

— Недавно вышла изъ типографіи заведенія Оссолинскихъ въ Львовѣ замѣчательная книга въ латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Отрывки изъ Трога Помпея, съ которыхъ одни нашель въ рукописяхъ библиотеки Оссолинскихъ, другіи съ печатанныхъ уже сочиненій большею частію писателей польскихъ въ первый разъ узрѣлъ и дополнилъ ихъ отрывками давно извѣстными вразъ съ предисловіями исторіи Филипповъ и съ критическими замѣчаніями издалъ А. Бѣловскій.“

— Сими днями вышла во Вѣднѣ „Словни-ская читанка для V гимн. класса, составлена профессоромъ старословенскаго языка, славнымъ ученимъ Фр. Миклосичемъ.“

— Въ Лондинѣ учредилъ нѣкій г. А. Герценъ російскую типографію, въ которой напечатано уже одну російскую книгу.

— Учитель стенографіи (скорописанія) на Вѣденскомъ всеучилищѣ, г. Гегеръ написалъ въ

чешскомъ языкѣ: „Короткое наставленіе къ стенографіи для 4 головныхъ словенскихъ языковъ, с. е. чешского, польского, ширского и велико-русского.

— Слѣдующимъ вышло въ Парижѣ новое изданіе всѣхъ сочиненій теперѣшняго французскаго Царя Наполеона III въ 4 томахъ. Одинъ томъ содержитъ въ себѣ статьи политическаго содержанія, 3 прочіи „романтическую повѣсть подъ заглавіемъ „Марія.

ВСЯЧИНА.

— Славный историкъ Гиббонъ говоритъ въ 55 главѣ своего великанскаго дѣла, что еще въ пред-турецкое время извѣстно было въ Цареградѣ оно пророчество: будто Цареградъ попадетъ въ свое время въ руки Россіянъ.

— Въ Москвѣ вышло теперь въ моду ношеніе верхняго жупаника съ долгими петлицами съ переду, которое то одѣние называютъ тамъ свято славкою. Поводъ къ оной модѣ подалъ образокъ, сохранившійся въ старорусскомъ „Сборникѣ“, писанномъ въ 1073 году, на которомъ представленъ Черниговскій князь Святославъ Ярославичъ въ такомъ же одѣніи.

— Вѣдены, престольный городъ австрійской державы, имѣетъ 9452 домовъ, а 431,000 жителей.

— Иткари въ Пештѣ рѣшили межъ собою одногласно, дѣлать убогихъ хорыхъ всегда и всюду бесплатно. Слава имъ!

— Одинъ швецъ въ Сасварошъ въ Семиградѣ хотѣлъ къ своей возлюбленной послать любовныя стишки и пошелъ купить на ту цѣль драгоцѣннаго паперу. Продаваный по купеческимъ лавкамъ нѣсколько крайцавовый золоченный переперъ казался ему быти на такъ высоку цѣль надто дешевымъ и подымъ, и для того написалъ онъ свои соладкіи стишки на 4 реньсковомъ клеймованомъ паперѣ!

— Дня 8 с. м. породили въ Вѣднѣ двѣ сестры въ продолженіи одной и тойже годины 4 дѣтей; одна имѣла двоихъ сыновъ, друга двѣ дочери.

— По статистическимъ изчисленіямъ г. Еверта утратили Соединенныя державы въ Америкѣ въ продолженіи 10 лѣтъ съ powodu употребленія горѣлки 600 миліоновъ долларовъ. Черезъ тотъ напитокъ погубило 300000 людей житіе, 100000 пришло въ домы убогихъ, 150,000 до вязницъ, 1000 людей сошло съ ума, 1500 допустились самоубійства, 200,000 женъ стали вдовами, 1 миліонъ дѣтей сиротами, а на 10 миліоновъ долларовъ выно-

сятъ утраты черезъ пожары, случившіяся въ слѣдствіе пьянства.

— Средство противъ лишаянъ. Дуже простое средство, абы побытись лишаянъ есть: распускается кусекъ соли въ устахъ и тѣмъ солянымъ пльномъ смаруются лишаянъ: въ нѣсколько дней исчезнутъ они совсѣмъ.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣденской для 12 Нов.
 Ажіо ц. червоонецъ . . . . . 20'
 „ серебра 14 1/2

СЛОВО

КЪ НАШИМЪ ПОЧТ. ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Хотя уже нѣсколькократно объявлено было въ „Зорѣ“ мнѣніе наше касательно усовершенванія нашего языка и дополненіи его старорусскимъ или перковичемъ языкомъ, и тоуже стремленіе наше явственно есть изъ каждого числа нашей вреженописаніи: то однакожъ, бывшии возваны въ ч. 82 „Вѣстника“ ч. г. I. Лозинскимъ къ публичному объявленію нашего мнѣнія касательно употребляемого нами языка, и будучи къ тому принужденны на нѣкоторыя упреки, данныя намъ двома дописывателями „Вѣстника“, отвѣтити: предлагаемъ нынѣ почтеннымъ Читателямъ — откровенно и свободно — наше литературное исповѣданіе.

И такъ изъявляемъ во первыхъ: Языкъ, которымъ пишемъ, есть развивающійся у насъ, книжный малорусскій, языкъ: основу, корни и формы подастъ ему языкъ нашего народа, и недостающіи ему слова и глубокоосновную словенскую правопись образованный, священныи языкъ нашихъ Предковъ. Соотвѣтно тому правилу развивается онъ по единочисленному желанію всѣхъ образованныхъ Русиновъ и при пособіи и содѣйствіи в. Правительства со времени нашего возрожденія, усовершеншается съ днемъ каждымъ, и такъ усовершеншасмый употребляется не только въ выходящихъ ежевременно меньшихъ и большихъ малорусскихъ книжкахъ, но и во всѣхъ существующихъ у насъ русскихъ вреженописяхъ, именно въ „Вѣстнику“, „Ладѣ“ и „Зорѣ Галицкой.“ Единственное различіе, какое межъ тѣми тремя Часописями, яко и иными малорусскими словесными произведеніями заходитъ, заключается не въ языкѣ, но въ весьма малозначительной отдѣлѣ ихъ правописей, и въ частшемъ или рѣдшемъ употребленіи словъ изъ областныхъ русскихъ нарѣчій (провинціализмовъ), или такожъ нѣкоторыхъ словъ чисто-польскихъ. — При

тожь замѣчаетъ, что, говоря словами г. I. Лозни-ского, „нашъ языкъ съ російскимъ яко найближшимъ сосѣди до себе суть найподобѣйшии,“ и подобіе тое заключается, не въ выговорѣ словъ, но въ общей тѣмъ двоякъ языкамъ, словенской правописи и въ томъ многоважномъ обстоятельствѣ, что книжный російскій языкъ развивается отъ выше ста лѣтъ по тѣмъ же самымъ правиламъ, якія приняты суть нынѣ всѣми просвѣщенными Малорусинами, т. е. недостаточное простонародное Россіанъ нарѣчіе дополнялось и дополняется непрестанно словами нашего старорусского языка. И такъ якъ книжный старорусскій языкъ отличался отъ чистого старословенского выговоромъ, отъ части же правописію, и многими изъ простонародныхъ русскихъ нарѣчій принятыми словами (о которыхъ то различіи намѣрены мы говорить со временемъ пространнѣе): такъ различается и будетъ всегда различатися нашъ книжный малорусскій языкъ отъ книжного великорусского языка, и думаемъ, никогда не станется „московскимъ“ нарѣчіемъ.

Во вторыхъ: изъ вышесказанного слѣдуетъ, что мы пишемъ для просвѣщенной части русского народа, т. е. для тѣхъ честныхъ Русиновъ, которыя имѣютъ свои познанія въ нашемъ народномъ и старорусскомъ или церковномъ языкѣ. Къ такому способу писанія понуждаетъ насъ не только предложенная нами науковая цѣль нашей временписи, но еще больше то обстоятельство, что всѣ наши почтенныя Пренумеранты принадлежатъ къ сословію людей просвѣщенныхъ, учителей и духовныхъ пастырей любезного нашего Народа.

Сказавши откровенно, въ какомъ языкѣ пишемъ и для кого пишемъ, додамъ еще тое, что мы сказали оно мнѣніе во имени своемъ т. е. Редакціи „Зори Галицкой;“ что нашей правописи, нашего способу писанія и нашего временного Писла никому не накладемъ, всякіи же замѣчанія и указанія касательно нашихъ дѣйствованій, данными намъ въ добромъ намѣреніи, пріймаемъ отъ каждого просвѣщенного Русина съ благодареніемъ.

Наконецъ обязаны мы еще отвѣтити нѣсколькимъ словамъ на нѣкоторые упреки, данными намъ ч. дописывателями „Вѣстника.“ И такъ: въ числѣ 64 „Вѣстника“ г. Іосифъ Лознискій, говоря съ негодованіемъ противъ теперѣшней яко-то „московско-болгарской епоцѣ“ въ нашей литературѣ, замѣчаетъ, что, „прійде часъ, же може и Зоря иначе

свѣтити начне.“ Если г. Л. подъ словомъ иначе думалъ слово лучше (о чемъ нѣтъ сомнѣній), то и мы съ нимъ соглашаемся и желаемъ нашей „Зорѣ“ во всякомъ отношеніи улучшенія. И въ томъ можемъ почтенныхъ Читателей увѣрити, что мы посвящаемъ всѣ труды наши единственно занятіемъ на полъ русской словесности, преимущественно же поднесенію и улучшенію нашей временписи; и такъ якъ съ помощію Господа сдѣлаемъ якія большія успѣхи въ наукахъ и знанію русского языка, такъ начнетъ лучше свѣтити и наша „Зоря.“ — Другій дописыватель, Господинъ . . . ъ, упрекаетъ въ 71 ч. „Вѣстника“ нашу „Зору“ за то, что она „представляетъ три языки, едетъ въ повѣсткахъ, другій въ обзорѣ историческомъ а третій въ поученіяхъ церковныхъ.“ Хотя то очевидно сказано только жартомъ, о чемъ увѣренный такожъ и Господинъ . . . ъ, который безсомнительно не уважаетъ на правду малозначительныя отиѣны въ словѣ или еще меньшіи въ правописи или нѣсколькихъ грамматическихъ видахъ, нинѣмъ языкомъ или нинѣмъ нарѣчіемъ: то однакожь дѣлаемъ тутъ сіе замѣчаніе, что такъ якъ предлагаются въ „Зорѣ“ статьи по различнымъ предметамъ, будь поезіи, повѣсти и всякіи короткіи донесенія, будь чисто-научными розсужденіями и поважными бесѣдами церковными: такъ каждый изъ тѣхъ предметовъ wymagaетъ своего особеннаго способу выраженія, т. е. особенной, соотвѣтнотной себѣ формы. Тое замѣтити можно въ книгахъ и временписяхъ, писанныхъ для различныхъ цѣлей въ которомъ нибудь существующемъ книжномъ языкѣ. А что иногда оставаемъ нашимъ почт. дописывателямъ нѣкоторыми ихъ свойственностями по слогу или по правописи, то думаемъ, вовсе не есть зло, и скорше доказываетъ о нашей, въ нынѣшнемъ времени розбиванія книжного русского языка достохвальной, толеранціи. — Тотъ же дописыватель посуждаетъ насъ въ реченномъ ч. „Вѣстника“ о зарозумѣлость, однакожь не привелъ на то ніякихъ доказательствъ; также говоритъ ояъ (чей такожъ жартомъ) и о „незапереченыхъ въ прочемъ здатностяхъ Редакторства „Зори Галицкой,“ но тоже безъ доказательствъ. Мы скажемъ на то коротко: что съ незаперечеными въ прочемъ здатностями не всегда получена „зарозумѣлость.“ — На другіи меньше важныи и почти ничтожныи упреки, данными намъ тѣмъ же ч. дописывателями, отвѣтити при иномъ случаѣ. Отъ Редакціи.

(Слѣдуетъ Число 37. „Поученій Церковныхъ.“)

Изданіемъ и типою Института Ставропигіанского.
Отвѣтательный Редакторъ *Богданъ А. Дядицкій.*

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедично въ Середу два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четвертьрочно получить платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

СМОТРЪ КРЕСТОВЪ.

(Прягча, изъ Халиссо.)

Однажды путникъ, проходя горою,
Узрѣлъ долину красну предъ собой,
Освѣтлену вечерною зорю.

И въ солнечныхъ лучахъ, на молодой
Травѣ онъ утомленный уложился,
Моли Всевышняго о сонокой.

И томный взоръ его на сонъ склонился.
Но бодрый духъ, свивушивъ тѣла прахъ
И брѣвность всю, въ краю мечты носился.

Онъ будто видѣлъ въ солнечныхъ лучахъ
Лице Господне — а въ небесъ святинѣ
Его одежу въ чудныхъ зрѣль красихъ.

„О Боже,“ рекъ онъ, „ты о грѣшномъ сынѣ
Печешься, не вытѣняй во зло ему,
Коль онъ въ своей сознается провинѣ.“

„Ахъ знаю я: кто здѣсь рожденъ, тому
Съ терпѣльемъ нужно крестъ земный носить;
Но крестъ розличный далъ ты каждому.“

„Мой надто тяжкій! — а и уболышити
Силъ не могу — такъ дай мнѣ крестъ другій,
Или подъ тѣмъ прійдетъ мнѣ вѣкъ сгубити!“

Когда произносилъ онъ вопль такой,
Пришла внезапно буря — и ужала
Его съ собой насильно въ край другій.

И тутъ ему дорогу указала
Невидима рука въ пространный Храмъ,
Въ которомъ тма крестовъ всяда лежала.

Къ нему озвался громкій голосъ тамъ:
„Свою здѣсь пристань нужда вся имѣть,
Одинъ съ крестовъ тѣхъ выбрай ты самъ!“

Избрати самъ себѣ онъ и не смѣеть,
Но впрочемъ лишь такой избрати бѣ радъ,
Егоже легко онъ нести успѣеть.

Но выборъ не идетъ ему во ладъ:
Тотъ надто тяжкій крестъ, сей острогранный,
А съ тѣмъ не ступитъ ни въ передъ ни въ задъ.

Одинъ, изъ золота чей вылитый,
Свѣтился и его къ себѣ манилъ,
Но жалъ, онъ тяжкій былъ, якъ оловянный.

И сколько тѣхъ крестовъ ни подносилъ,
А все таки избрати неприятно
Изъ нихъ, бо каждый невыгодный былъ.

И пробу ту дѣлалъ онъ двоекратно,
И дармо силы снова свои терялъ
И время дорогое, невозвратно!

А крестъ, которого не замѣчалъ
Онъ прежде: тотъ наилучшій оказался,
Того онъ наконецъ себѣ избралъ.

Сей крестъ былъ дуже простый, но казался
Его отвѣтныи силамъ, — тотъ просилъ
Онъ Бога, чтобъ сей крестъ ему достался.

Когда жъ его онъ ближе изслѣдилъ
Очима, то узналъ, что крестъ избранный,
Былъ тотъ, противъ коему такъ вопилъ!

Онъ взялъ его и несть ужъ безъ роптаній.

Богданъ А. Д.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII.

ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.

Сочин. Антономъ Петрушевичемъ.

(Продолженіе.)

По смерти Даниловой произошло для отечества нашего еще далеко важнѣйшее событіе и естли бы зависть не препятствовала дѣлу, принесло бы было оно великія користи для югозападной Руси, пособствуя ей отрожденію, укрѣпленію и спокойствію сусѣднихъ земель. Войшелгъ сынъ Миндовга искренный другъ Василька и Шварна зятя своего, съ ихъ помощію овладѣлъ большею частью Литвы, раздробленной на многія области и окрестивъ много своихъ соплеменниковъ, отступилъ Литовскій престолъ Шварну (1266.), а самъ снова заключилъ въ Угровскій Монастырь св. Данила, 97.) Русь надѣялась напрасно, что такимъ образомъ прекратятся грабительства Литовскія, и что сей народъ оставаясь теперь подъ владѣніемъ одной русской династіи составитъ со временемъ одну державу съ Галицкимъ кня-

97.) Ипат. Лѣт. 204. подъ 1268. г. Покореніе Литвы Войшелгомъ относитъ Перва Новгородская Лѣт. стр. 58. къ 1265 году. Подъ тѣмъ же годомъ древній Лѣтописецъ (съ 1254 — 1379) напечатанный въ СП. 1774 стр. 14. пишетъ о Войшелгѣ, что, онъ услышавъ объ убійствѣ своего отца (1263 г.) „сня съ себе ризы иноческія и на третій годъ обѣщася паки положить ихъ на себе, и никако же не измѣни устава и правила иноческаго. И совокупн воиство много, и пріатели и друзи отца своего великого князя Миндовга, и иде на поганую Литву и Чюдъ и поплѣни вся тамо сущая. И стояше тамо лѣто все, и многихъ крести и церкви и монастыри въздвиже. Ини же отгуду убѣжаша въ Псковъ и съ женами и съ дѣтми и крестяшася божественнымъ крещеніемъ. Онъ же сія управивъ добре, и возводу большаго Андреа Даниловича

женіемъ; иначе хотѣло Провидѣніе, откладая тотъ предобразованный союзъ Литвы съ Русью къ позднѣйшему времени. Властолюбіе князя Льва забывающаго о блазѣ отечества довело его ко коварному убійству русилюбиваго Войшелка, изъ зависти какъ говоритъ Лѣтописъ (Ипат. Л. 204.) за то, что послѣдній отдалъ землю Литовскую, брату его, Шварну. Тотъ господствовалъ едва два года на Литвѣ. умеръ кажется 1268. года; города его Холмъ и Галичъ достались князю Льву, а Литва сдѣлалась опять самобытною признавая свирѣпаго Тройнату своимъ Государемъ.

Скоро послѣ Шварна скончался князь Василько, храбрый и неутомимый въ войнѣ и достойный братъ Даниловъ; въ Владимірѣ началъ княжити сынъ его Гоанъ — Владиміръ женатый на Ольгѣ дочери Романа Михайловича Брянскаго (1271.) 98.) Левъ и Мстиславъ пособствовалъ польскому Го-

(не было ли Андрей имя крестное Шварна) поставилъ тамъ великимъ княземъ.

„Тогоже года (пишетъ Софійская Первая Лѣт. стр. 192) въѣзгоша въ Псковъ Литва съ гриста мужъ и съ женами и съ дѣтми и крести ихъ князь Святославъ съ Псковскими и со Псковичи.“ Псковская Лѣт. стр. 180. подъ тѣмъ же годомъ говоритъ: „Взя Войшелгъ землю Литовскую; и приѣже Домонтъ (Гимоей) въ Плесковъ и крестиси.“ Такъ важную роль игралъ Войшелгъ въ распространеніи Христіанства по греческому обряду на Литвѣ; слѣдовательно Войшелгъ крестилъ первый Литовцевъ, которыхъ Ягайло почти перекрещивалъ по другому латинскому обряду. Войшелгъ (говоритъ Карамзинъ) имѣетъ право на благодарность Россіянъ, хотѣвъ, по усердію къ Вѣрѣ Христовой и любви къ нимъ, чтобы кровь св. Владиміра, браками Данила и Шварна соединенная съ кровію славнаго Миндовга, царствовала на Литвѣ.

98.) Зморовичъ (Triplex Leopol.) ошибается говоря, что Василько скончался монахомъ въ Святогеоргіевскомъ Монастырѣ въ Львовѣ, ибо по

свдариу Болеславу въ войнѣ его противу князя Вратиславскаго, содѣйствовали также своими полками въ битвѣ Владирира Васильковича съ Ятвигами, которыми теперь стали просити мира у русскихъ князей (1273).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

II.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ ЧЕШСКО-СЛОВЯЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Первый Періодъ.

(Лѣтописецъ Косма. — Чешское всеучилище. —

Ричюванми лѣтописи. — Сборники законовъ и Словари. —

Поэзія XIV. в. — Миланъ. Штитный. —)

Кромъ Краледворской рукописи, которой отрывки принадлежатъ отъ части также къ XII. и XIII. вѣку, и кромъ нѣкоторыхъ любовныхъ пѣсней и повѣстей, осталось съ того времени еще не много словесныхъ произведеній, почти все религіознаго содержанія; такъ на пр. отрывокъ изъ „Повѣсти о страсти Господней“ стихами, изъ

словѣхъ современной Волынской Лѣтописи (Ипат. Лѣт. 204) умеръ и былъ похороненъ Василько въ Владирирѣ „во церкви святой Богородицы въ пяскупнѣ Володимерской.“ Съ честью упоминаетъ о Василькѣ Сербскій историкъ и Архіепископъ Даниилъ, сочинившій Родословъ въ началѣ XIV. вѣка. „Въ Рускую землю (пишетъ онъ) многократно посылаше (Крзь Стефанъ Храпавый сконч. 1270 г.) слъ свои съ многочисленными дары къ божественнымъ церквамъ, и елико милостивъ къ нищимъ. Въ той бо землѣ Русибѣи имѣ любовнаго пріятеля, князя Василія, и тому должну честь издаваше, глаголы сладкія возсияла ему.“ см. Рачка Истор. Сербовъ кн. VII. гл. IX. стр. 424. У Василька кромъ Іоанна — Владирира (Ипат Лѣт. 222) былъ еще кажется другій сынъ именежъ Василій (Wazul filius Wazulae), о которомъ упоминается въ буллѣ Папы Григорія XII. съ 1272. года, вмѣстѣ съ Львомъ и Мстиславомъ Даниловичами, какъ о князяхъ русскихъ. см. Bullarium Franciscanorum — Romae 1756. Т. III. р. 181.

„Легенды о 12. апостолахъ“ и „хвалебная пѣсня во славу чешскаго патрона, св. Вячеслава.“ Къ тому осталась полная чешская Псалтырь, составленная въ набожныхъ пѣсняхъ или въ ричюванныхъ молитвахъ, подобныхъ молитвамъ католической церкви. Сюда принадлежитъ также, по сужденію Линда и Добровскаго „Плачь влюбленного на берегахъ Молдавы.“ списанный прозою. Первый лѣтописецъ Чехъ Косма и Виякентій, рожденныи въ серединѣ XI. вѣка, писали по латинѣ. Лѣтопись первого сохранилась до нынѣ.

Въ XIV. столѣтіи возмозлось вліяніе Нѣмцевъ такъ дуже, что противъ нему возбудилось недовольство великой части народа. Король призвалъ къ себѣ нѣмецкихъ дворянъ, на его дворѣ ишло все по нѣмецки, и даже, привилей для города Праги съ 1341. написанъ по нѣмецки. Но во владѣніе Карла I. (Царя Карла IV), вознеслась чешская Держава на наивысшій степень славы. Карлъ обмежилъ привилей Нѣмцевъ въ Чехахъ, и уважалъ чешскій языкъ столь высоко, что законно приказалъ учиться его всемъ Царевичамъ. Наибольше добра сдѣлалъ онъ для своего любимаго города Праги; въ г. 1348. учредилъ онъ тамъ чешское всеучилище, по образу всеучилищъ въ Парижѣ и Болоніи. Вліяніе добродѣтельнаго сего заведенія дѣйствовало не лишь на Чехи, но и на всю Нѣмечину, ба на всю Европу. Молодежь изъ Нѣмецъ, Швеціи, Польши, Угорщины стремилась численно къ тому единственному храму просвѣщенія. Для управленія различныхъ народностей, встречающихся другъ друга въ семъ одномъ училищѣ, призналъ учредитель его Карлъ I. въ академическомъ сенатѣ одинъ голосъ Чехамъ, а три прочіи чужинцамъ. Въ послѣдствіи выкажемъ, съ якою завистію смотрели Чехи на тое рѣшительное пре-

иущество чужинцевъ и якіи произвело оно противодѣйствія.

Въ XIV столѣтіи изъобиловали Чехи рнемованными сочиненіями, однакожь въ тахъ вовсе не было поезіи. Се доказательство, что тогдашнее всеучилище еще не могло врчинитись до розвитія истинныхъ поетическихкихъ дарованій. Съ того времени остала чешская рнемованная лѣтопись, такъ звана Далемилова хроника, сягающая до 1314. года. Она писана въ то время, когда вліаніе Нѣмцевъ дѣйствовало въ найвысшей степени, для того дышетъ она противъ нимъ ненавистію. Она была черезъ два столѣтія улюбленною книгою чешского народа. Имя сочинителя ей не извѣстно: но ю приписываютъ обыкновенно кривошанному Далемилу Мезерицкому. Такого же рода есть Лѣтопись Пржибика Пулкавы, переведенная по велѣнію Карла I. (яко вѣм. царя IV) изъ латинского. Сюда принадлежить и римская Хроника, переведена 1400. г. изъ нѣмецкого Бенешомъ, и друга римская Хроника, переведена съ латинского Лаврентіемъ съ Брезова.

Нѣкоторые ученые того вѣка составили Сборники законовъ, иныи Словари. Изъ первыхъ важныи суть „найстаршіи чешскіи уставы“ Антошіа съ Дубы; „гражданскій или феудальный законъ,“ переводъ съ латинского, славное Саксонское зеркало или законы Магдебурга. — Словарей считается въ томъ времени семь, съ которыхъ найизвѣстнѣйшій „Богемаріусъ,“ писанный 1309. г. гексаметрами. Словари тѣи были весьма неточны, и вмѣщали иногда такожъ энциклопедическіи знанія.

Поезія XIV. в. послѣдовала въ Чехахъ тому же направленію, якое имѣла въ Нѣмчинѣ, и сталась легкиѣ произведеніемъ воображенія, посредственныѣ аллегорическыѣ твореніемъ, предтечею нынѣшней новелы. То-

го рода суть: Тристрамъ, повѣстка въ 9000 стихахъ пер. съ нѣмецкого; „житіе Александра“ и „Исторія Троянской войны.“ обое съ латинского и больше сказочного якъ исторического вида; Молодыи Ткачъ, первотворъ, весьма улюбленный въ своемъ времени. Вся прочіи поетическіи творенія сего вѣка суть басни, сатиры, легенды или аллегоріи религіино-поучительного содержания, якъ то уже познати можно съ ихъ заглавій, на пр. девять радостей Маріи, десять заповѣдей, пять источниковъ грѣха и пр. У всѣхъ великій недостатокъ истинной поезіи.

Больше полезнаго и добраго произведено въ то время въ богословскомъ отношеніи. Священникъ Іоаннъ Милчъ написалъ 1370. г. „Розсужденіе о великомъ паденіи церкви;“ иныи сочиняли книги о истинныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ; чешскій дворянинъ, Штитный, составилъ для своихъ дѣтей „Христіанскую науку;“ къ тому переведено книгу еврейского Рави Самуила „о происхожденіи Мессіи“ и иныи подобныи дѣла. Такожъ большая часть Библии была уже въ XIV. вѣцѣ переведена на чешскій языкъ, хотя еще не состовлена въ якій порядокъ. На такихъ то хорошихъ сочиненіяхъ образовался славный Іоаннъ Гуссъ, основатель новой эпохи въ чешской словесности.

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повѣсть.

XIII.

У Запорожцевъ былъ обычай доставляти преступникамъ передъ казнію всѣ возможные удовольствія. Вкусныи яствія и дорогие напитки принесено на объѣдъ Алексѣю и Маринѣ; но они не тронули ихъ и сумно сидѣли, иногда поглядѣли другъ на друга и, съ якоюсь непонятною, предсмертною

радостью усмѣхаясь, сжимали другъ друга въ объятіяхъ. Но вотъ, уже солнце клонится къ западу; въ воздухъ стало холоднѣе; толпы козаковъ, шумно разговаривая бродили межъ куренями, въ дали выигривала бандурка плясовую пѣсню, раздавался топотъ розгульного тропака, неслись невнятные слова пѣсни:

Отъ Полтавы до Прилуки
Заломали закаблуки,
Ой лихо! закаблуки!
Дамъ лиха закаблукамъ...

И усиленный тропакъ заглушалъ послѣдній слова. Съ другой стороны раздавались торжественныи протяжныи звуки, и чистый мужескій голосъ пѣлъ:

На Черному Морѣ, на бѣлому камнѣ
Ясенскій соколъ жалобно квилить проквиле!...

Козацкій народъ, уставившись кругомъ, слушалъ пѣсню о храбромъ войсковомъ Писарѣ. — и самъ Писарь, сказанный на смерть, задумчиво стоялъ у кратъ, и слушая хвалебную пѣсню, тоскно глядѣлъ на солнце, идущее на западъ. Рѣзвая ласточка высоко носилась въ воздухъ, весело щебетала, и опускаясь къ землѣ, вилась около тюрмы; недалеко передъ окномъ на старой крышѣ вытягался одинокій стебель якой-сь травки; онъ сквозился, блестялъ отъ косвенныхъ лучей солнца и колебимый вечернимъ вѣтеркомъ съ легка наклонялся къ тюрмѣ, будто прощаясь съ заключенными. Въ очахъ Алексѣя показались слезы.

„О, не гляди такъ тоскно, мой милый!“ говорила Марина, заламывая бѣлыми рученьки: „твоя тоска разрываетъ мнѣ сердце! Я, нерозумная, довела тебе до смерти... знаю, что ты думаешь“

— „Перестань, Марино! перестань смущаться; не знаешь ты моихъ тяжкихъ думъ.“

„Знаю, знаю! Прощай, ты думаешь: ясное солнце, завтра не я уже буду гля-

дѣти на тебе! Завтра въ то время веселая ласточка станетъ пѣти и летати, якъ и нынѣ, и спокойно уснетъ вечеронъ въ своей гнѣздочку, и тая хилая травка завтра будетъ еще колебаться на Божіемъ свѣтѣ, и якій-нибудь залетный жучокъ посѣтитъ ю одинокую, а мене уже не будетъ! Нестанетъ молодого удалца: будетъ меньше на свѣтѣ одинъ добрый козакомъ, и надармо вороный конь станетъ ждати на вѣрнаго козака — не прійдетъ больше его козакъ! Другій сядетъ на коня! Закрываются, ты думаешь, мои свѣтлыи очи! Сорветъ хищный воронъ чубъ съ моей буйной головы и советъ изъ него гнѣздо для своихъ дѣтей!...“ Рыданія перервали слова Марины.

— „Богъ съ тобою, моя ласточко! Яки черныи мысли прійшли на тебе? Видитъ Богъ, я не думалъ того...“

„Знаю, ты думалъ, къ чему довела любовь наша?... Что изъ ней вышло, кромѣ печали и несчатья?... Алексѣю, мой ненаглядный соколе! Чей я хотѣла того? Я несла тебя мою чистую любовь, мое непорочное сердце, а принесла — смерть!... Завтра умрешь, такъ возьми нынѣ мою чистую любовь... и съ тою любовью понесешь тамъ — высоко, — и будешь жити съ нею, якъ не жил на семъ свѣтѣ, — весело, счастливо! — Такъ чего же ты тоскуешь, мой милый?“ сказала Марина, съ гнѣхимъ упрекомъ смотря въ очи Алексѣю.

— „Не за себе тоскую я; ахъ, я вспомнулъ Пиратинъ, мою старуху — матеръ! можетъ быти, въ то самое время она узнала отъ Герцика о моихъ почестяхъ, помолодѣла, думая скоро увидѣти мене... И можетъ быти, она глядитъ, тамъ далеко, въ Пиратинъ, на то самое солнце и проситъ Бога, чтобы сокрылось оно чѣмъ скорше за гору, выводило скорше другій день, та

чтобы и тотъ переходилъ скоро и пришло радостное время нашего свиданія! И теперь, коли я, глядя на солнце, прощаюсь съ нинь, можетъ быть, она въ замковской церкви, передъ образомъ Богоматери, лежитъ на колынахъ, радостно плачетъ и благодаритъ Ю... Чувствуй ли твое сердце, добрая Мати, что ты не увидишь больше сына. что онъ, убѣгая, якъ поганый чловѣкъ въ Пиратина, не попрощавшись съ тобою, оставилъ безпомощно на старости, и завтра умереть позорно?... Вотъ, что думалъ я, моя милая... А смерти я не боюсь, за гробомъ жизнь вѣчная!... Тамъ не плачутъ, не вздыхаютъ...”

„Такъ не разлучимся съ собою!” весело сказала Марина: „мы станемъ жить разомъ вѣчно, вѣчно! не правда ли? Наши души будутъ летать на свѣтломъ облачку, сядутъ на море и поплывутъ съ волны на волну далеко — далеко, и никто ихъ не скажетъ: куда вы? зачѣмъ вы? Мы будемъ свободнѣйши отъ небесныхъ птицъ, весело слетимъ на могилу, где будутъ поконтиись наши кости; я разроствусь надъ твоею могилою кустомъ калины, роскину въ точки широко, чтобы твой прахъ не топтали люди, не пекло солнце; темною ночью вспомню нашу здѣшнюю жизнь, наше горе — и тихо заплачу, но едва взойдетъ солнце, отру слезы, да никто не видитъ ихъ, весело зашевелюсь, засмѣюсь дробными листочками и благовонными цветками; молодой козакъ сорветъ въточку моихъ цветовъ подарить ихъ своей милой; милая вплететъ, мой цвѣтокъ себѣ межъ косы — и больше полюбитъ козака; я съумѣю навязать; нашептаетъ ей чары любви, — я любила на свѣтѣ... любила тебе, мой чернобровый козачо, тебе моя, радость!...”

„Ого! яки веселеньки!” сказалъ, входячи Никита.

„А чего же намъ печалиться?” спытала Марина.

„Чей васъ просити?”

„Нѣтъ; но мы тутъ разомъ, и умремъ разомъ и будемъ всегда разомъ...”

Никита покачалъ головою.

— „Якъ намъ не радоватися, брате Никито!” сказалъ Алексѣй: „попались въ бѣду; а тутъ якъ все насъ любятъ, все навѣщаютъ, приходятъ утѣшатъ...”

„Гмъ! Ось что! хитро сказано, по шляхоцки, пзъ политики. Но что людямъ перешкажати? Ваяъ, я думаю, веселѣйше безъ третого... А то немилу, что Алексѣй лихо думаетъ о Никитѣ, а Никита ось и теперь объщалъ вашини сторожанъ сорокъ михайликовъ вина, а меду сколько въ горло влѣзетъ, чтобы пустили увидѣти васъ, пару немудрыхъ Алексѣевъ... Господи прости, что бабу нарекаю мужескимъ именемъ!... На Никиту сердятся, а Никита цѣлый день помилъ стариковъ, говорилъ съ попомъ та съ письменными людьми якимъ бы средствомъ спасти Пана Писаря. Богъ вамъ судья, братику!...”

„Чтоже они говорили?” спытала Марина.

„У! яка быстра! довела до бѣды доброго козака та и не кается! Что говорили? Ничего неговорили. Ось, уже и плакати собирается!”

— „Оставь ю, Никита;” сказалъ Алексѣй, „грѣхъ оскорбляти женщину. Что? видно? нѣтъ надежды?”

„Та я только такъ, я знаю ихъ натуру; съ тобою другая рѣчь пойдетъ. Говорити то они говорили много, а толку мало; все ровно, что кашу варити изъ топора: хоть полъ дня кипитъ и шумитъ и пѣнится; сними съ огня котелокъ, хлебни ложкою — чистая вода, а топоръ самъ посебѣ остался... Помилъ я до объда стариковъ характерниковъ; ничего сказати, старо-

свѣтскіи люди, стародавніи головы. твердыи души, а до объѣда поддались, изъ ногъ повалились, я тогда за совѣтомъ къ одному, къ другому: молчать, ни пары изъ усть, лежать якъ осетры! Самъ виноватъ, подумалъ я, переліалъ матеріалу. По объѣдъ собралъ съ десятокъ письменныхъ душъ, поставилъ передъ ними цѣлое ведро горѣлки и говорю: вы, братья, народъ разумный, не пара намъ дуракамъ. вы часто въ письмо глядите и знаете, что тамъ до чего поставлено и что за чѣмъ руку тягнеть, дайте совѣтъ и помощь въ такомъ дѣлѣ. якъ оно будетъ?... „А будетъ такъ, якъ Богъ дастъ,“ отвѣчали они. — Разумно сказано! сейчасъ видно птицу по лету, додалъ я. Выпили они по два, по три михайлики, а все молчатъ; смотрю: пьютъ уже по десятому, я вспомнулъ сердечныхъ характерниковъ, что до сихъ поръ храпятъ подъ валомъ, и сказалъ: а что же, Панове, якій будетъ совѣтъ? якъ разрѣшите дѣло? — „Ось, что я тебѣ скажу, Никита,“ пачалъ одинъ: „а что я скажу, такъ и будетъ; вся Сѣчь знаетъ, что я найпрозумвѣйшій человекъ.“ — „Куда ты найпрозумвѣйшій? Я найпрозумвѣйшій;“ сказалъ другій. — „Вы дураки; я найпрозумвѣйшій;“ вскричалъ третій, четвертый — и такъ подпаян межъ собою письменныи души споръ, крики, сварню, якъ ваши перекупки на базарѣ въ Гетманщинѣ. Не успѣлъ оглядѣтись, подслухатись, а они уже одинъ другого за чубы; посварились, накулаковались, мовъ пѣтухи весною, и пошли до кѣрена позыватися; пропала только моя горѣлка!... А тутъ уже вечерѣетъ, такъ я пошелъ до Панъ — Отца. Панъ — Отецъ мене выслушалъ и говоритъ: „дѣло, брате, важное, не выскочити Алексью отъ смерти!“ — Будто, батьку, ніякъ не можно спасти? спыталъ я. — „Неможно,“ сказалъ Панъ — Отецъ:

„такій законъ на Сѣчи. Правда, коли найдется женщина, которая захотѣла бы изъ подъ топора или мотузка прямо вести преступника въ церковь и съ нимъ свѣнчатися, то его простать; но кто захочетъ опозорити себе? та и где возьмется на Сѣчи женщина? Люди въ старину нарочно сдѣлали такій законъ; знали, что женщины ни откуда взятися.“ — Ось и все тутъ, брате Алексью!... лихо!”

— „Лихо. Никита! Видно на то воля Божія! А все такъ спас — Богъ тебѣ. Господь тебѣ заплатитъ за твое стараніе.“

„Такъ, я выйду за Алексью!“ почти вскричала Марина: „я скажу передъ всѣхъ народомъ, что...“

„Опять свое. Что ты скажешь? Сама заварила кашу, та хочешь и росхлебати... Не до поросятъ свинь, когда ю смолить... Молчала бы лучше, та Богу молилась... Прощай, Алексью!”

— „Куда ты?”

„Такъ скучно, брате, хотя въ воду кинься, скучно! цѣлый день поилъ дураковъ, а самъ ни капли въ ротъ не бралъ; напьюсь съ досады...“

— „Не ходи, Никита, поголкуй съ нами.“

„Съ вами теперъ толковати, лучше воду толчи: только утомишься; и вамъ веселѣйше въ двоємъ; наговоритесь, пока есть время.“

— „Куда жъ ты?“

„Позду съ горя до Варки въ корчму!..“

— „Что тебѣ за горе?“

„Грѣхъ пытати, брате Алексью! Развѣ менѣ не жаль тебе? Чортъ васъ знаетъ, за что я полюбилъ васъ, самъ не доберу толку! Еще тебе, знаю, ты человекъ съ характеромъ, а то и ю полюбилъ... кто нибудь подслушаетъ, свѣнчатися станеть, а ей Богу полюбилъ! Будь она козакъ, и я бы ю полюбилъ — а она баба, но ей-

Богу, характерная баба! — Тожь якъ вспо-
ню про васъ, про обонхъ, точно ста-
нетъ, якъ бы три дни не влѣ... Прощай-
те! Тяжко душѣ; чей успокоюсь, якъ...
якъ похороню васъ...” Никита махнулъ
рукою и вышелъ.

XIV.

Только Богъ святой знае,
Що Кошевий думаетъ, гадае Укр. пѣс.

Встало утро, тихое, свѣтлое, радост-
ное; на востоцѣ показалось солнце, и на
встрѣчу ему повзлетали жаворонки съ ши-
рокой степи. взвились широко подѣ чистое
небо, запѣли звонкую привѣтственную пѣ-
сню; въ садахъ отозвались кукулки, засви-
стала иволга; бѣлый бузъко, дремавшій надъ
гнѣздомъ на кровлѣ хаты, закинулъ на
спину голову и, громко клекотая, съ лег-
ка приподнял ю и опустил до самого гнѣ-
зда, будто привѣтствуя тѣмъ наступающій
день. потомъ распустилъ свои широкии бѣ-
лыи крыла, поднялъ ихъ въ гору, и плав-
во отдѣлился отъ крыши вольными кругами;
поднимаясь все выше и выше, съ любо-
вью поглядывая на землю, на дѣтей своихъ,
протягнувшихъ къ нему изъ гнѣзда шейки.
Былъ веселый Божій миръ, а въ Свѣчи не
радостно встрѣчали свѣтлое утро. Сумно,
тоскливо сходился народъ на площадь; на
площади прохаживался рижій пласконосый
Татаринъ, въ червонной сорочцѣ, съ корот-
кими рукавами, въ червонной шапцѣ; лице
Татарина было блѣдо, измученно, но жи-
ластыи руки играли топоромъ. Ипогда Та-
таринъ дышалъ на свѣтлую сталь и внима-
тельно смотрѣлъ, якъ сбѣгало съ ней лег-
кое облачко, навязанное дыханьемъ, или о-
сторожно трогалъ пальцемъ остріе, при-
чемъ ипговенный, злый усмѣхъ быстро нель-
калъ на узкихъ губахъ мусулманина. Ко-
закъ съ презрѣниемъ отвергались отъ Та-

тарина, даже скидали на землю жупаны, до
которыхъ онъ случайно дотрогался.

Передъ тюмною вилась и щебетала вче-
рашняя ласточка, якъ и вчера тихо колеба-
лась на крышѣ одинокая травка; въ тюр-
мѣ Алексѣй и Марина лежали на козънахъ
передъ иконою и молча слухали наставле-
ній священника.

Но вотъ, роздался на площади глухой
громъ литавръ.

„Пора, дѣти!” поважно сказалъ священ-
никъ: „готовы ли вы?” Заключенныи взгля-
нули другъ на друга, вышли изъ тюрьмы за
священникомъ; четыре вооруженныи козакъ
ишли за ними. Кругомъ безчувственно глядѣ-
ли суровыи лица Запорожцевъ; порою съ со-
жалѣниемъ кивалъ въ толпѣ черной чубъ,
порою сплывала по съдымъ усамъ старика
блестящая слеза; но старикъ сейчасъ же
отеръ ю и гнѣвался на себе, что былъ столь
мягкосердеченъ.

Передъ церковью Покрова, Алексѣй и
Марина пали на землю, молясь со слезами,
потомъ встали, отерли слезы и бодро, смѣ-
ло подошли къ подмосткамъ (руштованью), на
которыхъ стоялъ страшный Татаринъ, съ
топоромъ въ рукахъ, въ червонной сорочцѣ.

„Христѣянскіи души!” замѣчали въ толпѣ.

— „Характерныи души!” говорили
други.

Площадь была набита народомъ; нику-
да было яблоку упасти, якъ говорилъ Ни-
кита. Противъ подмостковъ, где былъ катъ
— Татаринъ, стоялъ на возвышеніи Коше-
вий, окруженный старшинами; въ толпѣ на-
рода, у самыхъ подмостковъ, былъ Никита.
Глядя на Никиту, можно было подума-
ти, что онъ для бодрости въ такомъ пе-
чальномъ случаѣ отъ досвѣта былъ пьяный.
Его очи страшно сверкали, иногда накло-
няясь къ своему товарищу, закутаному въ
кобенякъ (плащъ съ капишномъ), таинствен-

но шепталъ, громко кашлялъ и самодовольно опускалъ руки въ карманы своихъ широкихъ шараваръ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ДОПИСЬ

Съ Коломыйскаго.

Dische sapientiam, quae mater est iustitiae.

„Изъ пыткаго думаня и дохоженя родятся ошибочныи мѣнія,“ сказалъ г. І. Лозинскій, и осудилъ пыткудумцами всѣхъ, которы только не соглашаются съ его мѣніемъ. Однакожь о сколько остерегался онъ же самъ того пыткаго думаня и дохоженя. оказываетъ все то, что написалъ онъ досель въ 64, 65, 78—82 ч. „Вѣстника“ и 36 ч. „Зори Галицкой.“ Самое ивѣйшее доказательство пыткаго думаня есть безсомнительно противорѣчіе себѣ самому. И вопетину, едва можно найти у которого нибудь изъ нашихъ писателей, разсуждавшихъ когда либо о русскоиъ языкѣ или русскоиъ литературѣ, столь много противорѣчій, сколько встрѣчается въ реченныхъ статьяхъ г. І. Лозинскаго, не вспомяная уже о его прежнихъ противорѣчіяхъ! Не имѣя, мимо его возванія, подробно разбирати всякое сказанное нимъ изреченіе, мы укажемъ только главнѣйшіи погрѣшенія и противорѣчія, возродившіяся изъ пыткаго думаня.

И такъ: разъ говоритъ онъ, что не повстаеъ на удаванься въ потребѣ до церковнаго или иного (безсомнительно польскаго и „наиблизшаго намъ россійскаго“) нарѣчія, и, якъ то явственню изъ многихъ употребленныхъ нимъ, нашему народу непонятныхъ, словъ старорусскихъ (по его ошибочному мѣнію болгарскихъ), самъ иногда весьма неумѣренно зачерпываетъ изъ тѣхъ

зерель,

Съ которыхъ Россіянинъ языкъ свой произвелъ;

другій разъ гнѣвается на „Зору,“ что и она беретъ

...отъ старыхъ ово,

Чѣмъ передъ свѣтомъ прославилась,

А именно: тія слова,

Въ которыхъ наша жизнь и сила.“

и утверждаеъ (г. Лозинскій не Зора), что народъ нашъ слова тія (корени словъ, не слова сами) имѣетъ, безусловно отвергаетъ всѣми Русинами прилатое правило, допоянати недостатки нашего языка старорусциною. Разъ желаетъ онъ, чтобы языкомъ науковимъ былъ исключительно языкъ нашето про-

стонародія и не хочетъ видѣти ніякого розличія между книжнимъ науковимъ а розгоноримъ простонароднымъ языкомъ; другій разъ, заглубившись въ практическіи изслѣдованія признаеъ потребу книжнаго, розличнаго отъ простой бесѣды, языка, и приводячи примѣръ изъ исторіи развитія польскаго языка, утверждаетъ, что и польскій языкъ, ставшися книжнимъ, „былъ заразы розличнымъ отъ бесѣды на Шлезску и Великоиъ Польщѣ звычайнои“ (простонароднои), соизволяетъ такожь и у насъ розвиватися такому розличному книжному языку, однакожь „безъ нашего свѣдѣнія и намѣренія. Разъ сердится онъ на дописывателя „изъ Будина,“ что тотже упрекаетъ „Вѣстникъ“ за кованье новыхъ, угорскимъ Русинамъ непонятныхъ, словъ, и такія дѣломъ самъ не похвалаетъ словокованіе; въ другій разъ доказываетъ потребу кованья новыхъ словъ стихами Горациа; онъ самъ доказываетъ иногда правду своихъ словъ стихами Горациа, а въ иномъ мѣстѣ упрекаетъ другихъ, что приводятъ въ такихъ же случаяхъ стихи Рикерта. Разъ нарекаетъ онъ на писателей нашихъ, которы употребляя сокращенныи формы (украинскаго нарѣчія), якъ: боюсь, колимъ, домой, дѣлатъ и пр. испорчиваютъ по его мѣнію „гармонію, мелодію, тактъ, словонѣпый характеръ“ народнаго языка; другій разъ радуется тому, что нашему языку прибываютъ новыи формы на пр. боюсь. Онъ упрекаетъ „Ладу“ за то, что она употребляетъ нѣкоторыи чужестранныи слова, якъ: кармакъ, гофмейстерина, жилетъ, жеманство, кофѣинный и пр. (съ которыхъ въ „Зорѣ“ нѣтъ ни одного), а самъ, пишучи будто языкомъ простонародія, пользуется многими, тому же народу непонятными словами, якъ: маяія, мелодія, тактъ, эпока, дипломатичный и пр., не подавая даже для простаго народа ніякого словъ тѣхъ изьясненія или словарца, якъ то въ нѣкоторомъ отношеніи похвалительно дѣлала „Лада,“ котора переводила таковыи слова на польское, къ сожалѣнію, на польское, бо наши женщины лучше знаютъ нѣмъ польскій языкъ, якъ свой матерній русскій. Г. Лозинскій узнаеъ потребу приводити для изобразенія жия въ верхонинцевъ слова изъ ихъ (подкарпатскаго) нарѣчія, для представенія жия Козаковъ, хорошихъ слова украинскаго нарѣчія (въ которомъ есть и ходять, дѣлатъ, и собой, домой, и сѣтѣтся, беретъ, и боюсь, пужаюсь и пр.), ба, для описанія частей корабля, искусства плавбы, для бесѣды моряковъ совѣтуеъ онъ удаватися къ Русинамъ ажъ надъ Черноое Море; а не прийдеъ также ю-

гически на тую мысль, или лучше не сказалъ того откровенно, что для научныхъ предметовъ и въ сочиненіяхъ, опредѣленныхъ для просвѣщенныхъ людей, нужно употреблять слова, соотвѣтны такъ предмету какъ и читателямъ; хотя въ прочемъ отъ части въ полунукаовой диссертациі своей самъ такіи слова употребляетъ. Г. Лозинскій предлагаетъ нынѣшнимъ Русинамъ тотъ русскій языкъ, которымъ говорили на дворахъ не только русскихъ князей, но также польскихъ королей, думая, будь то оба точнѣе подобны нашему народному; и въ томъ есть противорѣчіе, бо, если судити о дворскомъ языкѣ нашихъ князей и польскихъ королей изъ его письменныхъ памятникъ, то русскій языкъ тѣхъ дворовъ различался другъ отъ друга стократно больше, нежели различается языкъ Будиского дописывателя или нашего историка Петрушевича отъ языка дописи г. Лозинского. Къ тому можемъ г. Лозинского увѣрити, что онъ самъ ни однимъ изъ тѣхъ дворскихъ языковъ не пишетъ и со истину не радъ бы даже писати. Г. Лозинскій взываетъ всѣхъ австрійскихъ Русидовъ; чтобы такъ писали, какъ пишетъ „Вѣстникъ“; а самъ иногда ни слога ни даже правописи его не наблюдаетъ, какъ то явственно изъ подлинной дописи его помѣщенной въ 36 ч. „Зори Галицкой“. Тамъ пишетъ онъ: вИтИкалъемъ, смИсленныи, пазИвають, иИсли, формИ, вИродИхъ, правдИслячого и пр., когда напротивъ въ „Вѣстнику“ въ такихъ случаяхъ стоятъ майже всегда правильно И; Г. I. А. пишетъ вИпоВильемъ доВжнность, доВжныи, когда всѣ русскіи писатели и также „Вѣстникъ“ приняли въ тѣхъ случаяхъ вмѣсто народнаго В книжное Л, яко и самъ г. Лозинскій въ противорѣчіе той своей безправильности не пишетъ никогда ходИвъ, держАвъ, но ходИлъ, держАлъ; онъ пишетъ разъ ошибочно: вИжши цѣнать, другій разъ правильно: лучшЕ было, разъ писателИИ, другій разъ писателѢВъ разъ чужу, другій разъ (въ 64 ч. „Вѣстника“ отчуждило (вмѣсто правильного отчудило); онъ пишетъ: говорѣти, какъ народъ говорѣтъ, но такъ народъ не говорИтъ! Онъ пополнилъ даже яко грамматикъ велику грамматическую ошибку, яку не найти уже ни въ одной русской книжцѣ, онъ написалъ: въ каждИиъ россійскиИиъ словарѣся находятъ. Правда, г. Лозинскій сознается, что нѣтъ у него той зарозумѣлости, дабы свой языкъ (и розумѣется свою правопись) за наилучшій представлялъ, „бо при улонности людской, и начинающей розвивати словесности нашей никто совершенностей похвалити-

ся не возможе;“ однакожъ г. Лозинскій имѣетъ славу русскаго грамматика, г. Лозинскій выступилъ съ настрожшимъ судомъ противъ языку другихъ нашихъ писателей, онъ распочалъ на ново, уклоненную уже почти, борьбу за азбуку, онъ рѣшился вести ю со всѣми нашими известными языкословиями, бо выступилъ противъ ихъ основному мнѣнію, онъ навпередъ упоминалъ своихъ литературныхъ противниковъ, чтобы не писали пустое, упоминалъ словами: *verba volant, ast scripta manent*; не свободно ли съ другой стороны и намъ желати отъ него, чтобы къ азбучной борьбѣ той приступалъ вооруженный лучшимъ знаніемъ языка, чтобы не надѣвалъ на себе пестрого одѣяна безконечныхъ противорѣчій, чтобы или сотворилъ себѣ, яко истинный реформаторъ, кую нибудь свою собственную, но на логическихъ правилахъ основанную, правопись, или употребляя словенскую правопись „Вѣстника“, наблюдалъ ю точнѣе и не дѣлалъ касательно ней и касательно грамматики такіи ошибки, якіи подчеркиваются въ письменныхъ заданіяхъ ученикамъ въ самыхъ низшихъ школахъ. Если не вымагаемъ того отъ тѣхъ ч. нашихъ братьевъ, которы по недостатку времени или способности, не приучились еще донимѣ наблюдать съ точностію правила принятой всѣми словенской орфографіи: то необходимо требуемъ сіе отъ известнаго грамматика, который предпринялъ учити всю австрійскую Русь, какъ ей писати подобаетъ. Въ противномъ же случаѣ пытаемъ, кто удостоитъ такъ противорѣчащаго себѣ учителя уваженіемъ, и кто за достойно почтитъ съ такъ безслышнымъ литературнымъ противникомъ сразатися?

Закѣмъ приступимъ къ дальшему розбиранию дописи г. I. Лозинского, въ 36 ч. „Зори“ помѣщенной, хочѣмъ застановитися надъ тѣмъ, чего vlastиво г. Лозинскій желаетъ? Помимо противорѣчій, на якіи мы въ известныхъ дописяхъ его указали, можемъ однакожъ съ приблизительнымъ правдоподобіемъ заключити, что онъ не желаетъ для насъ такого книжнаго языка, якоимъ пользуется всякій образованный народъ въ свѣтѣ, т. е. такого, который своимъ высшимъ слогомъ и научными словами различается отъ простонародной бесѣды; то явственно также изъ его словъ: „нашѣреніе и стремленіе мое есть писати чисто народнымъ (т. е. не смѣшеннымъ со старорусскими или иного новословенского — съ изытіемъ польского — нарѣчіи словами) „русскимъ языкомъ, и по той воли, додаетъ онъ, „изволѣтъ ия судити. Мы выскажемъ

яснѣйше его желаніе: онъ хочетъ, чтобы о всѣхъ предметахъ, будь научныхъ, будь ненаучныхъ, будь практическихъ, будь отвлеченныхъ (абстрактныхъ, якимъ по строгому сужденію есть всякая наука, Wissenschaft), писати простонародныхъ языкомъ: онъ хочетъ, чтобы такимъ дѣломъ въ научныхъ нашихъ подвигахъ имѣлъ самое большее участіе и добрый нашъ, но бѣдный черезъ свою темноту народъ, или чтобы учителя его подавали ему полными горстями свѣтло высшей науки въ простой его бесѣдѣ, и вознесли его сей же часъ на тую просвѣщенія степень, на какой нынѣ самы стоятъ. Добрая то воля, похвалительное намѣреніе! И мы, когда были молодшии, имѣли ту же самую мысль, и мы такъ само мечтали, и мы бывали въ той Аркадіи! Такъ говорило тогда юношеское наше сердце, а практическому разуму еще мы не совѣтовались. Мы думали: „Христосъ и Апостолы проповѣдали найвысшу мудрость простыми словами, и не заставлялись, что Апостолы писали найобразованнѣйшимъ книжнымъ греческимъ языкомъ. Мы видѣли въ простонародной нашей бесѣдѣ верхъ всего совершенства: и ю похваляли такоже нѣкоторые ученые, именно польскіи, якъ „Бандке, Мицкевичъ, Мациевскій, Раковецкій“ (и М. Грабовскій и Бѣловскій, знавшіи языкъ нашъ народный изъ прекрасныхъ украинскихъ пѣсень, или изъ средновековой польской его спокни, или наконецъ только по наслуху: они захвалили намъ по многоразличнымъ своимъ видамъ и намѣреніямъ тое, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, поднарѣчіе польского языка; и многіи съ насъ вѣрили имъ, или лучше вѣрили себѣ и своимъ силамъ. Искренніи любители малорусского народа стали писати съ перва только пѣсенки, сказочки, повѣстки, и простонародный языкъ доставлялъ имъ къ тому довольно выразеній. Они не думали тогда еще много о высшихъ наукахъ,— и найдлучшій знатокъ всѣхъ словенскихъ нарѣчій, глубоководный Шафарикъ, похвалялъ тѣмъ подвигъ нашихъ и украинскихъ писателей слѣдующими, многоважными словами: „Въ новѣйшемъ времени начали нѣкоторые любители матерняго нарѣчія сочиняти и выдавати пѣсни, повѣсти и нынѣ забавныя творенія въ простой, чистой, милосдушней малорущинѣ, что яко особенность, въ томъ своемъ обмеженіи, единству литературы невредящая, всегда свою хвалу имѣетъ.“ (Slov. Narodopis v Praze. 1842. str. 28). „Въ томъ обмеженіи,“ сказалъ патриархъ словенской литературы, великій Шафарикъ,— и мы сперва словъ его непоняли; мы думали еще въ 1848

г., что даже и для научныхъ предметовъ и для высшихъ понятій довольно будетъ того одного милосдушного, простонародного языка, и съ цѣлымъ жаромъ русскихъ народолюбцевъ приступили мы къ переводу научныхъ сочиненій, писанныхъ въ которомъ изъ образованныхъ языковъ, преимущественно въ нѣмецкомъ.— И чтоже? ото явилось, что въ простонародныхъ нарѣчійхъ нашихъ недоставааетъ словъ для высшихъ понятій, для наукъ; что въ нихъ суть только корни, зароды, а нѣтъ развитыхъ, полнорѣчивыхъ словъ, которыми бы ясно и полно высказати можно отвлеченныи мысли; нѣтъ строго научныхъ выразеній (терминовъ); бо и откуда могли бы они у народа взятись, коли онъ столько вѣкомъ пребывалъ безъ тѣхъ наукъ, коли онъ столько вѣкомъ языкъ его не образовалъ ученыи, коли онъ позабылъ умную бесѣду нашихъ Предковъ! И тогда поняли мы Шафариково: „въ томъ своемъ обмеженіи!“ Мы стали раздумывати надъ собою, стали раздумывати, якъ бы тотъ недостатокъ нашъ заполнить: по теоріи были различныи межъ нами голоса и мнѣнія, но въ практицѣ рѣшились всѣ безъ изытія удаватись о помощь къ старословенщинѣ, или лучше къ старорусскому, Прадѣловъ нашихъ образованному, языку, отъ которого уже давнѣйше замѣтствовали мы глубоководную, на самыхъ неопровержимыхъ началахъ основанную, правопись. Съ того времени отдалсь мы съ большимъ прилежаніемъ изученію церковного языка, познали близше тотъ драгоценный скарбъ, влюбились цѣлымъ сердцемъ въ тую священную и единственную спадщину нашихъ любезныхъ Предковъ, и выбирая изъ того неисчерпаемого жерела прензобильныи, многорѣчивыи слова, припоровляя тѣмъ же къ духу малорусского, и исправивши по его правильнымъ видамъ нѣкоторые исперченныи формы нашего народного необразованного языка, мы наполнили отъ части и безпрестанно заполняемъ наши недостатки, украшаемъ языкъ нашъ и возношаемъ его на равную степень съ другими, дѣлаемъ его книжнымъ, и дѣлаемъ то со свѣдѣніемъ, съ намѣреніемъ! Съ каждымъ днемъ видимъ мы передъ собою, якъ наша нынѣшняя литература, развиваясь на народной почвѣ и насыщаясь здоровыми соками литературы нашихъ Предковъ, стремится безпрестанно къ тому, чтобы съ сею послѣдною составить одно цѣлое, крѣпкое, самымъ Богомъ предназначенное, единство. И высокое Правительство, ведѣвши преподавати въ высшихъ классахъ русскихъ гимназій „св. Псалмы“, Слово о полку Игоревѣ, Нестора, под-

полагаеть тѣже само развитію такого научоваго языка, и выдавая ежевременно школьнымъ учебники, составленными въ книжномъ малорусскомъ языкѣ, похваляетъ и укрѣпляетъ то наше литературное стремленіе.

Вотъ вамъ въ короткихъ очеркахъ раскрыто начальное развитіе нашего книжнаго языка, который употребляютъ, съ малозначными отбѣнами въ правописи или нѣкоторыхъ грамматическихъ формахъ, всѣ наши малорусскіи писатели, всѣ наши временописы, и „безъ свѣдѣнія и намѣренія“ даже самъ г. І. Лозинскій.

А однакожь г. І. Лозинскій выступилъ неприязно противъ тому нашему литературному стремленію, и вѣсто, чтобы, какъ намѣрялъ онъ, критиковать (т. е. разумно разбирати) его основаніе, и съ честію говоритъ о противномъ другихъ, заслуженныхъ людей, мнѣніи, обругалъ онъ всѣхъ не много иначе отъ него пишущихъ русскихъ литераторовъ, о чемъ, понеже нынѣшнее письмо мое странствомъ своимъ вышло уже за предѣлы обыкновенной временописной дописи, позвольтъ мнѣ ч. Редакція сказать нѣсколько словъ въ будущемъ.

Андрей Ивановичъ К.

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ

— Въ Будиянъ печатаатся современно старіишемъ многозаслуженного о нашу литературу Пряшевского Кривошанна, А. Дукиновича, русскій „Молитвенникъ съ тропарями и пѣснями;“ яныи тамъ же вышедшіи книги, какъ: „Хлѣбъ души“ (два изданія) и „Литургическій катихисисъ“ цѣлкомъ раскуплены, такъ что не найти одного экземпляра въ книжныхъ лавкахъ угорской Руси.

-- Сочинитель „Цвѣтнаго Кошечка,“ г. С. Яковичъ, преподаеть въ Пряшевской гимназіи русскій языкъ.

— Въ Познанъ вышло сими днями достоважное сочиненіе славного польскаго историка Лелевеля: „Народы въ словенскихъ земляхъ передъ началомъ Польши.“

— Славная угорская родина Зринскихъ (Зринихъ) имѣла межъ своими членами такожъ одного словенскаго поэта. Въ цѣсарской Вѣденской бібліотекѣ нашель тамошній архиварь г. Кукулевичъ рукописную поему подъ заглавіемъ: „Сирена адрианскаго моря,“ составленну гр. Петромъ Зринскимъ.

— Оставшии, досель неизданныи сочиненія умершаго недавно въ Парижѣ астронома Араго, закупили два книгопродавцы за 100.000 фр.

— Англійскіи литераты пользуются дуже великими пѣняжными доходами; такъ, извѣстному писателю Боу-Дейкенсу принесла найновѣйшая его повѣстка 300,000 р. срб.

СЕДМИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Дня 20 с. м. яко въ день св. Михаила, возносили Львовскимъ Русины во всѣхъ церквахъ искрепнии молитвы къ Небесамъ за многолѣтствіе и благоденствіе нашего Преосвященнѣйшаго Архипастыря, Митрополита и Примаса всеа Галичины, Михаила, благодаря Всевышняго, что созволилъ Ему доспѣти такъ многолѣтнего вѣка и сохраниеть Его во здравіи и крѣпкихъ сплахъ для блага св. Церкви и нашего Отечества. Якъ ежегодно, такъ и нынѣ не преминули прилжыми питомцы здѣшняго сѣменища поздравити въ тотъ священный день своего Архипастыря доброжелательнымъ стихомъ, который отлчается содержаніемъ и красотою слога.

— Съ достовѣрныхъ жерель узнали мы, что Его высочество, архикнязь Кароль Людвикъ приѣдетъ до Львова въ первыхъ дняхъ Декабря с. г. Здѣшніи жители ожидаютъ прибытія Его съ радостію и наилучшими надеждами.

— Число ежегодно умершихъ жителей въ Англии стоить къ числу живыхъ въ такомъ отношеніи якъ 1: 46 (т. е. изъ 46 людей умираеть въ году одинъ); во Франціи якъ 1: 20; въ Россіи якъ 1: 27. Такимъ дѣломъ наименше людей умираеть въ одномъ году въ Англии, что тѣмъ удивительнѣе есть, якоже тамъ находится премного мѣстъ фабричныхъ, где обыкновенно люди не живутъ долго. Но тотъ недостатокъ вознаграждается въ Англии значительнымъ числомъ заможнаго сословія земледѣльцевъ, якого не найти нынѣ въ ніякой иной державѣ, и отъ того слѣдуетъ, что число умершихъ бываеть тамъ сравнительно менше, якъ въ иныхъ краяхъ, где земледѣльцы не имѣють такъ добраго быта.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣденской дна 19 Нов. Ажіо и червоонецъ 21½
„ серебра 15½

Слѣдуетъ число 38 „Почтеній Церковныхъ.“

Издвѣненіемъ и типою Института Ставропигіанскаго.
Отвѣчательный Редакторъ Богданъ А. Андрицкій.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся еженедельно въ Середу два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четверьечно получить платитъ въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ЧЕГО НАМЪ НЕДОСТАВАЕТЪ ?

(Подражаніе Коляру.)

Все имѣемъ, вѣрьте братія
И друзья мои, что украшаетъ
Умъ и сердце, и что насъ ставляетъ
На высокую степень житія :

Правдѣловъ языкъ, и красныя
Пѣсни, что народъ нашъ сохраняетъ,
Главы, руки; лишь намъ недостаетъ
Просвѣщенья и согласія!

Дайте гѣи намъ, и мысль одну
А словесность наша будетъ нишъ,
Какъ не бывала въ старину :

Межъ нѣмецкой и греческою
Станетъ тая русска въ серединѣ,
И прославитъ Отчину свою!

Богданъ А. Д.

ВЫШНЕВЫЙ КУСТЪ.

(Басня.)

Вышневыи кустъ росъ во углу,
И не давалъ уже два дѣта

Не только что плодѣвъ — ни даже цвѣта!
„Что такъ ты невеселъ?“ сказалъ другій ему;
„Что ты стоишь такій и вялый, и безсилный?“
„Ахъ приносилъ бы я плодъ зрѣлый и обильный,
Когда бы дали мнѣ на солнцѣ жити;
Я въ холодѣ, въ тѣни, съ крапивою въ сосѣдствѣ,
Не на своемъ я тутъ посаженъ мѣстцѣ,
Не можно въ той глушѣ мнѣ и силъ развить!“
Дх.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПО- ЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII. ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.

Сочин. Антоній Петрушевскій.

Начальное опустошеніе Дорогичина свирѣпымъ Тройденемъ вооружило Русь противо Литвы. Озлобленный Левъ просилъ помощи у Татаръ: Ханъ Менгу — Тимуръ прислалъ къ нему воеводу своего съ Татарами, Романа Брянского съ сыномъ Олегомъ и иными Задѣпровскими князьями, „ибо говоритъ летопись, все князья были въ волѣ въ Татарской.“ (Ипат Лѣт. 205.) Намѣреніе Львова, истребляти враговъ врагами не осуществилось; союзнымъ князьямъ поссорившись въ походѣ, и достигши едва Новгородка Литовского, нехотѣли идти далѣе въ Литву; Татары на обратномъ пути опустошили отечество наше, такъ что современный летописецъ повѣствуя о томъ произшествіи, былъ принужденъ въ предостереженіе потомства замѣтити, что дружба съ невѣрными, не лучше брани (1274.) 99.)

99.) См. Троицкая Лѣт. у Карам. И Г. Р. Т IV. пр. 150. Въ описаніи того похода Волыскою Лѣ-

Около сего времени появилось на северозападныхъ предѣлахъ Владимірскаго княжества, новое съ Литовцами родственное племя т. е. Прусссы и Борты, которые сильно тѣснимы Нѣмецкимъ Орденомъ, искали убѣжища у Тройдена, поселившаго ихъ въ городахъ Городнѣ и Слонимѣ: такое близкое сосѣдство ихъ не нравилось Русскимъ князьямъ. — Владиміръ со Львомъ взялъ за то у Тройдена города Слонимъ, Турійскъ и села на рѣцѣ Нѣманъ, Тройденъ же опустошилъ окрестности новопостроеннаго Каменца (1276) 100.) Хотя теперь русскіе князья заключили были миръ съ Тройденомъ, однако гордый Ханъ Татарскій Ногай, недовольный худымъ успѣхомъ могольскаго оружія въ Литовской земли, прислалъ въ самую позднюю осень своихъ пословъ, говоря имъ: „мы постоянно жалуетесь мнѣ на Литву; вотъ я вамъ даю рать и съ нею воеводу Мамшея, пойдите же съ нимъ на враговъ своихъ.“ Владиміръ, Мстиславъ Даниловичъ и Юрій Львовичъ ходили снова безуспѣшно съ Татарами на Литву, и когда послѣдніе опустошали окрестности Новго-

тописью, упоминается южная часть Литвы подъ именемъ Полѣсья (Ипат. Лѣт. 206.), какъ до сихъ поръ еще южная часть прежняго Воеводства Минскаго и Брестолитовскаго именуется, съ раздѣленіемъ на Волинское и Литовское Полѣсье.

100.) Такимъ образомъ южная страна древняго воеводства Минскаго и Троицкаго, стала быти позднѣе населена Литовцами уходящими предъ мечемъ Нѣмецкаго Ордена, тѣмъ болѣе, что та часть земли русской для частыхъ стычекъ Руси и Литвы, была мало заселенна. Русскіи князья Владиміръ и Левъ кажется опасаясь такого колонизованія русской земли Литовцами, взяста ѣ, а быша землѣ не подѣлать. Ипат. Л. 206. О первоначальномъ русскомъ народонаселеніи упомянутыхъ странъ свидѣтельствуютъ русскіи названія тамошнихъ городовъ и деревень. Память Прусссовъ сохрани-

родка, русскіе князья осаждали Городно: но тѣ и другіе взяли единственно добычу въ окрестностяхъ, потерявъ много людей. Городенскіе Прусссы захватили были даже въ нечаянномъ нападеніи лучшихъ бояръ Галицкихъ и только предложенный честный миръ съ стороны Русскихъ освободилъ ихъ изъ плѣна (1277). Тотъ походъ русскихъ князей съ Татарами не сдѣлалъ кажется великаго урона Литвѣ, ибо съ слѣдующимъ годомъ опустошали Литовцы съ Ятвягами, въ великой силѣ, окрестности польскаго Люблина. Князь Мазовецкій Конрадъ иста Ятвягамъ за опустошеніе Польши пограбилъ подъ своимъ городомъ Полтускомъ русскіи лоды съ хлѣбомъ отправившіяся изъ Берестія р. Бугомъ и Наровою въ Ятвязскую землю 101). Владиміръ не получивъ

лась до нинѣ въ названіи городка Прушаны (Pruzanu ср. Прузи Ипат. Лѣт. 207.) въ повѣтъ Городенскомъ. Впрочемъ русскословенская земля смежная съ областью населенной настоящими Литовцами называлась такожъ Черною Русью, обвиная въ себѣ прежнее воеводство Литовско Новгородское съ частью Троицкаго (около Городка) и Минскаго; хотя названіе Черной Руси употреблялось нѣкоторыми географами и для древней Московской Руси.

101.) Ипат. Лѣт. 207. „Господине княже Володимере! (говорили Ятвязскіе послы прося хлѣба у ки. Владиміра Волинскаго) прѣхали есмь къ тобѣ ото всихъ Ятвязъ, надѣючесь на Богъ и на твое здоровіе; господине, не помори насъ, но перекорми ны собѣ; пошли, господине, къ намъ жито свое продать, а мы ради купимъ: чего восхочешъ, воскуль, бобровъ ли, черныхъ ли куль, серебра ли мы ради дамы.“ Приводя часто выписки изъ русскихъ Лѣтописей, желалъ бы я такожъ обратити вниманіе нашихъ полурусскихъ грамотѣвъ на русскій языкъ XIII. столѣтія, особенно на нѣкоторыя слова и формы его, которыя кажутся имъ быти странныя, получивъ отъ нихъ ложное названіе словъ и формъ московскихъ, російскихъ... Дѣлаемъ

никакого удовлетворенія отъ Кондрата, во-
евалъ его волости съ сей стороны р. Вис-
лы и принудилъ Мазовецкаго князя проси-
ти у него мира (1279).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повѣсть.

(Продолженіе.)

Осужденный, подошедши къ подмосткамъ,
низко поклонился Кошевому и всему на-
роду. Никита значительно посмотрѣлъ на
своего товарища, закутаннаго въ кобе-
някъ, мигнулъ ему усомъ и наконецъ тол-
кнулъ локтемъ подъ бокъ; товарищъ сто-
ялъ, якъ статуя.

„Вотъ, братья...“ началъ было Никита,
но сейчасъ замолкъ, его молчаливый това-
рищъ ровнымъ крокомъ выступилъ на пло-
щадку, поклонился народу, снялъ шапку и
опустилъ изъ плечей кобенякъ. Народъ съ у-
жасомъ подался въ сторону: на площадкѣ
стояла женщина.

„Урожай на бабъ въ то лѣто!“ замѣ-
тилъ кто-то въ толпѣ.

Блѣда, дрожащая стояла сія женщина
роспустивши по плечамъ долгиі каштановы-

нии упрёки русскому языку и заслуженнымъ
русскимъ писателямъ, носятъ на себѣ рѣзкій
отпечатокъ грубого невѣжества и пристрастія.
Незная различати языкъ русскій отъ его мно-
гочисленныхъ нарѣчій, не вѣдаютъ они даже о
томъ, что когда именемъ кончающимся на скій
надобно означати языкъ извѣстнаго народа или
издѣлія его искусства, тогда имя тое произ-
водится отъ имени народа, а не отъ имени
земли, въ которой живетъ народъ, потому что
говоритъ и дѣйствуетъ народъ а не земля. Та-
кимъ образомъ не слѣдуетъ говорить: языкъ
Россійскій, Франціискій, Данійскій и т. п.,
а языкъ Русскій (отъ Руссы или Русь),
Французскій (отъ Французъ), Датскій (отъ
Датчанинъ).

выи косы, съ легка повела очима надъ пло-
щадію и остановилась на Алексѣя. На разъ
лице ей розгорѣло, очи заблестали, рѣчки
вытянулись, и рѣшительный голосомъ ска-
зала она: „Волею или неволею я возьму у
смерти Алексѣя Поповича; хоть падутъ на
мене грѣхи его, я отвѣчу за нихъ Богу.
Алексѣю, обними мене, жену твою.“

„Ай, Тетьянна!“ сказалъ въ толпѣ мо-
лодой козакъ. — И все утихло.

Въ якой-то торжественной красотѣ сто-
яла передъ Алексѣемъ Тетьянна, сознав-
ши въ душѣ всю цѣну своей заслуги пе-
редъ любимымъ человекомъ; ей очи бле-
стали, лице горѣло; полная, круглая грудь
высоко поднималась.

Алексѣй молчалъ; толпа притаила ды-
ханье.

„Хочешь ли ты, вмѣсто смерти, об-
ручиться со мною?“ спытала Тетьянна; но
уже голосъ ей дрожалъ, прежняя блѣдность
скоро сгонила съ лица румянецъ.

Алексѣй поглядѣлъ на Тетьянну, по-
далъ Маринѣ руку — и сѣло взойшелъ
на подмостки. Никита плюнулъ и махнулъ
обоимъ руками; Тетьянна шатаясь упала на
землю.

„Молодецъ! отказался!“ раздавалось въ
толпѣ: „характерно, чортъ возьми! и пога-
ная Тетьянна хотѣла его взяти за мужа!
хотѣла извести добрую душу! прочь съ ба-
бою! гоните ю палками, коли не хочеть
прогуляться межн небомъ и землею...“

И съ посмѣшками и толчками толпа пе-
редавала съ рукъ на руки Тетьянну. На пло-
щадкѣ поднялся шумъ и говоръ. Уже не вид-
но стало Тетьянны, а толпа все еще вол-
новалась и только замолкла, когда Коше-
вый взмахнулъ булавою.

„Тише!“ раздавалось въ толпѣ: „Ко-
шевый проситъ слова.“

— „Войсковый Писаръ Алексѣй Попо-

вичь нарушилъ законы нашего товариства,” сказалъ Кошевой: „то вамъ вѣдомо.”

„Вѣдомо, вѣдомо!”

— „Старшины войсковыи и рада присудили Алексѣя съ его искусителемъ, Мариню, укарати смертію, хоть Алексѣй и вѣрно служилъ войску и въ ніякіи художества не мѣшался. — но законъ велить!”

Народъ молчалъ.

— „Что же вы. Паны товарищи, согласны?”

„Ничего дѣлати, коли законъ велить,” печально отвѣчали козаки.

— „Хорошо, хлопцы! знаменитыи рыцари вы есте! законъ прежде всего, а тамъ уже прочее... Зачѣмъ же мы до сихъ поръ беззаконно поступали съ нашимъ войсковымъ писаремъ? даже самъ я, каюсъ за грѣхъ мой, я поступилъ беззаконно.”

„Не знаемъ. батьку.”

— „А я такъ знаю. Не должно ли всякому чловѣку нашего товариства давати благородное рыцарское прозвище?”

„Должно, должно! якъ же безъ того?...”

— „Самы говорите; а якое достойное рыцарское прозвище дали вы своему собрату Алексѣю Поповичу?”

„Якое? извѣстно якое... Поповичъ.”

— „Съ тѣмъ же прозвищемъ прїехалъ онъ изъ Гетманщины; и то не прозвище: мало ли у васъ есть Поповичей. а все они титулуются по рыцарски: вотъ, передъ вами Лапотъ, вотъ Чубарый.”

„Ось, и я, Максимъ Поповичъ изъ Чигирина,” отозвался одинъ козакъ: „а зовутъ мене Недоздокъ, и за то Спаси-Богъ!”

„Тшш!...”

— „Не шикайте, братья!” продолжалъ Кошевой: „не перебивайте хорошей бесѣды свободнаго козака; козакъ вольный говоритъ толковыи рѣчи. Такъ ось вамъ и

Недоздокъ, ось Брехунъ, ось Бродяга, а все они суть Поповичи. И якъ мило имъ носити добрыи имена; и посмотрите, якъ весело глядитъ на нихъ солнце. для того, что они законно живутъ на свѣтъ.”

„Правда, правда.”

— Самы знаете, братья, что правда; вы народъ розумный — а согрѣшили, не дали имени храброму козаку; за томожегъ быти, Богъ караетъ его и насъ разомъ, отнимая у Сѣчи характернаго козака.”

„А можетъ и такъ!...” сказалъ кто-то въ толпѣ.

„На правду такъ, дѣло ясное!” почти вскрикнулъ Никита и за нимъ нѣсколко голосовъ.

— „За что же мы оскорбили христіанскую душу?...” продолжалъ Кошевой: „не дали запорожскаго имени рыцарю-товарищу? Безъ имени овца — баранъ, говорятъ мудрыи люди... Но якъ же явится на свѣтъ добрый козакъ безъ законнаго прозвища? Грѣхъ намъ всѣмъ, великій грѣхъ! Готовились въ походъ на Крымъ, а забыли законъ исполнити.”

„Винноваты, батьку! что жъ намъ дѣлати?”

— „Дадимъ ему хоть теперь доброе имя, снимемъ грѣхъ съ души.”

„Добре, батьку! добре, дѣльно сказано! Якое жъ ему имя дати?...”

— „Вотъ послушайте, братья, моеи рады. Вамъ извѣстно, что Алексѣй Поповичъ самъ хотѣлъ умерти за наше войско, просилъ, чтобы его кинути въ море, лишь бы спасти наши головы, — исповѣдалъ передъ Богомъ, моремъ и нами, старшинами-товарищами свои грѣхи, и умилостивилъ Бога своими молитвами и тѣмъ спасъ все наши чайки. Многимъ изъ насъ не стоить бы на площади, не думати бы о Сѣчи и о

нихайликъхъ безъ заступленія Алексѣя.“

„По вѣкъ не забудеть того!...“ громко закричали козаки.

— „И хорошо дѣлаете. Такъ не называли ли Алексѣя Поповича, во память избавленія чаетъ, Чайковскимъ? Якъ вы думаете?“

„Ты намъ батько, голова, ты думаешь, и мы думаемъ: да будетъ Чайковскимъ!“

Громкое „ура!“ отозвалось на площад; шапки полетѣли въ гору.

— „И такъ.“ продолжалъ Кошевой, поднимая булаву, отъ чего народныи восклицанія утихли. „отъ нынѣ никто не смѣетъ подѣ смертною карою иначе называти бывшего Алексѣя Поповича, якъ Алексѣемъ Чайковскимъ. Слышите, храбрыи рыцари?“

„Слышимъ, батьку! никто не смѣетъ!“

— „Теперь на прощанье не заспывать ли намъ, братья, Алексѣю Чайковскому про Алексѣя поповича Пирятинского? Вотъ бы услышалъ человекъ въ послѣдній разъ нашъ козацкій, рыцарскій напѣвъ про свои добрыи дѣла для нашего воинства! Хорошо, братья?“

„Добре, добре!“ кричали козаки: „начинай Данило.“

И Данило кобзарь чистымъ ровнымъ голосомъ затянулъ:

На Чорному Морѣ, на бѣлому камнѣ,
Ясенькій соколъ жалбно квилить, проквиле.

Мало по малу окружающіи принимали участіе въ пѣсни, и подѣ конецъ вся площадь слилась въ одинъ звучный, дикій, но стройный хоръ. Пѣсня видимо розжалобила Запорожцевъ...

— „Жалко доброго козака!“ сказалъ будто самъ себя Кошевой, когда козаки окончили пѣсню и стояли въ печальной раздуміи.

„Жалко, жалко!“ со всѣхъ сторонъ отозвалось въ народъ: „жалко, а дѣлати

ничего, когда законно...“

— „Еще, хлопцы, я прошу у васъ одной рады: войсковый Писарь, Алексѣй Чайковскій хочетъ жениться съ дочерію Лубенского Полковника Ивана. Полковникъ Иванъ одурѣлъ на старости и было признанъ думался; но его дочка знаетъ, что такое Запорожскій рыцарь, кинула отца и пришла на Сѣчь просити у товариства благословенія!... Согласны вы на то?“

Козаки въ недоумѣніи молчали.

— „Знаю, братья,“ продолжалъ Кошевой: „вамъ жалко лишитись характерной души, якъ Алексѣй Чайковскій, но надобно ему заплатити за заслугу. Онь общается всегда помогати намъ на войнѣ и дѣтей своихъ пришлетъ служить на славное Запорожье.“

Козаки любили Алексѣя и уважали за личную храбрость и непреклонный характеръ, и для того съ радостію согласились на его сватьбу.

„Ой такъ, собака нашъ Кошевой!“ кричалъ Пикита, розмашисто толкая товарищей: „доказалъ штуку!“

„Штука!“ говорилъ народъ: „и справедливо, и законно, и весело!“

„А для чего жъ я привезъ Татарина?“ спыталъ печально съдмый козакъ.

— „Чтобы казнити Алексѣя Поповича,“ отвѣчалъ строго Кошевой: „найди его и прикажи казнити.“

„Да, найди его Дмитро,“ кричали козаки: „прикажи казнити! ось штука! дай Богу штука!“

„Смерть Алексѣю Поповичу, а шибже льта Алексѣю Чайковскому!“ гремѣла толпа, ломая подмостки и торжественно уводя Алексѣя и Марину къ церкви Покрова.

„Бійте для потѣхи поганого Татарина!“ Подмостки рухнули, и долго еще было видно межн досками тѣло Татарина, оде-

тое въ червоную сорочку, когда народъ отойшелъ и окружилъ церковь, въ которой въичали Алексѣя Чайковского съ Мариною.

Послѣ вѣнца сейчасъ выпроводили новобранцевъ за ворота Съчи: тамъ старшины простились съ Чайковскимъ; Кошевой подарилъ ему пару добрыхъ коней и порядочный кушокъ дукатовъ. совѣтовалъ ѣхать на зимовникъ старого Касьяна и тамъ ждать вѣстей отъ полковника, общался пріѣхати къ нимъ на свадьбу въ Гетманщину и быти старостою.

Алексѣй и Марина были въ наибольшемъ восхищеніи; мы не беремся радость ихъ описывать: суть минуты въ жизни, суть чувства, которы не подлежатъ ніякому описанію, хоть они доступны майже всякому. Кто изъ насъ не понимаетъ въ полнѣ красоты и величія солнца, и кто изъ прославленныхъ живописцевъ изобразилъ его, хотя многіи изображали, изображаютъ и будутъ изображать?

XV.

Когда повхалъ Кошевой и старшины. Алексѣй съ Мариною, упавши на колѣна помолились Богу, обнялись, и повхали на зимовникъ старого Касьяна. И вотъ, они уже въ чистой степи; Съчь уже скрылась изъ виду; кругомъ зеленая пустыня — только земля и небо; по землѣ серебристою волною, будто море, лоснится степовый бурянь, когда вѣтеръ съ легка его заволнуетъ; на небѣ горитъ одинокое солнце. Тихо, пусто... но нашимъ путешественникамъ степь не казалась пустынею, ихъ души были полны внутренней жизни, сердца близко бились другъ подлѣ друга, имъ усмѣхался Божій міръ, и они усмѣхались глядя на него и пожимали себя дружно руки, якъ бы стараясь увѣрити себе, что се не сонъ, а истинное происшествіе. Счастье было надто великое, надто неожиданное...

На далекомъ небосклонѣ показалась черная точка; она, казалось, не росла, не уменьшалась, не двигалась въ стороны.

— „Уже не ворогъ ли то?“ сказалъ Алексѣй.

„Кустъ или камень,“ отвѣчала Марина.

— „Сколько я помню, тутъ не бывало ни куста ни камня! Въ прочемъ, посмотри.“ додалъ Алексѣй, остановилъ коня, поднесъ къ очамъ нагайку, и прижмуривши лѣвое око, долго смотрѣлъ правымъ черезъ пагайку.

„А что?“ спытала Марина, когда Алексѣй, опуская нагайку, сомнительно пожалъ плечами.

— „Не ростолкую, что бы то было, а вѣрно что живое; когда приложу пагайку, сходитъ немого въ сторону съ пагайки. Для чего жъ оно ни ѣдетъ къ намъ, ни уходитъ отъ насъ?“

„Можетъ быти, орелъ теребитъ зайца.“

— „Похожо на то; пріѣдемъ ближе, увидимъ.“

Чѣмъ больше подъѣзжали они къ незнакомому предмету, тѣмъ больше точка увеличалась. яснѣйше обозначался образъ предмета, и вскорѣ легко можно было различити стоящего коня и возлѣ него въ задѣ человека, припавшого надъ чѣмъ-то на колѣна. Человекъ былъ въ однихъ шараварахъ и сорочцѣ; куртка и черкеска лежали въ сторонѣ на травѣ; засучивши рукавы по локоть, казалось, онъ что-то связывалъ или развязывалъ и такъ былъ занятъ, что не слышалъ, когда его конь, увидѣвши провзжающихъ, чутко выпрямилъ уши, вытянулъ шею и заржалъ въ полъ голоса: онъ ажъ тогда обернулъ свою голову, когда Алексѣй былъ отъ него на два кроки.

— „Никита!“ закричалъ Алексѣй.

„Да, Никита! Хорошо тебѣ выкрики-

вати! Посмотри, ось твоя работа.” При томъ онъ всталъ, держа въ рукахъ окровавленный ножъ и показалъ нѣзъ на лежащую мертвую женщину.

— „Бѣдная Тетьянна! чей ты ю зарѣзалъ Никита?...”

„По словамъ видно Гетманца! справедливый Запорожець не скажетъ того. Никита рѣжетъ Турка, рѣжетъ Татарина, и всякую нехристь, а бабъ не станеть рѣзати: ты убилъ ю своими быстрыми очами, та черными бровями, та солодкою бесядою!... Дурна была покойница, — а подумаешь — то и я дуракъ.”

— „Богъ съ тобою!...”

„Богъ со мною, всегда со мною, для того, что я христіанскій рыцарь, а все таки моя правда: дурно я сдѣлалъ, что похалъ до Варки въ корчму: думалъ то разумно, а вышло дурное — думалъ тебе спасти, Алексю, а погубилъ добрую бабу!.. Я, видишь, якъ услышалъ отъ Паизъ-Отца, что есть способъ тебе вызволити отъ смерти, отвелъ на сторону Тетьянну и розсказалъ ей, въ якожъ ты несчастнн находишься; гляжу, она поблѣднѣла, бѣдная, якъ полотно, вѣрно душею почула близкій конецъ. Я вижу, что розжалобилъ Тетьянну и сталъ просити ю: спаси, ахъ, спаси войскового Писаря, коли мене любишь; черезъ тебе, говорю, пропасть старый Писарь, — такъ, да черезъ тебе молодой поживетъ на свѣтъ! Якъ кинетса она менъ на шею, якъ стала цѣловати мене и говорить: „я тебе теперь такъ люблю, Никита, якъ никогда не любила; я пойду на Сѣчь, вырву Алексю изъ рукъ смерти!...” и опять кинулась цѣловати, менъ даже стало якось неспокойно, что дѣвка такъ мене любитъ, а будетъ твоею женою... Я пилъ всю ночь, прикинулся пьянымъ, оставилъ въ корчмѣ Крымское золото, и спонлъ съ ногъ и сво-

его товарища Бурулку и Варку и ей сестрянницъ, а по полуночи похалъ домой; я подождалъ неинного въ долину недалеко оврага на Тетьянну; она вскорѣ прѣехала ко мнѣ на Бурулкинномъ кони и въ его кобенацъ; мы поскакали и раненько были на площади у подмоствокъ, где гулялъ невѣрный Татаринъ, нахвалиаясь на твою крещеную голову... Что было потомъ, ты самъ знаешь... Гей! бѣдняжка! видишь, якъ ю вытягнуло! Жаль... весела была Тетьянна!”

— „Зачѣмъ же теперь ты здѣсь? что ты сдѣлалъ съ нею?”

„А что жъ? чей грѣхъ помочи христіанской души? Покойница хоть была баба, но все таки христіанка. Видитъ Богъ, якъ жаль менъ стало, когда выгнали ю хлопцы изъ Сѣчи, хоть и я смѣялся надъ нею и толкалъ изъ политики якъ собаку. Хорошо еще, что на Сѣчи было много знакомыхъ покойницъ межъ молодыми козаками, тѣм ю и защитили: окружили, будто толкая, а сами все дальше и дальше выводили изъ Сѣчи, бо бы старики затолкали ю были на смерть. Съ начала бѣдная Тетьянна шла пошатываясь, спотыкалась немного, ворочая головою, будто человекъ, только — что вынырнувшій изъ воды, а потомъ ничего, обошлась, та привыкла. Вывели мя ю за ворота Сѣчи, и сказали: „убѣгай теперь на все четыре стороны, теперь твоя воля.” Изъ политики никому неможно было провожати ю, и притомъ все торопились на площадь, узнати, что тамъ дѣлается. А когда я увидѣлъ, что дѣло пошло хорошо, и тебе повели вѣнчати съ Мариною, то и подумалъ: теперь Чайковскому и чортъ не брать; онъ счастливъ и счастлива его баба; теперь мене никто не видитъ, пояду за Тетьянною; сѣлъ на коня, махнулъ по свѣжому сѣзду, якъ собака за зайцемъ — и нашелъ ю тутъ!...”

— „Мертвую?...“

„Якъ бы мертвую? лучше бы мертву засталъ, а то сидитъ на травѣ, задумался и смотритъ на мѣдный дукатъ, что висѣлъ у ней на шеѣ разомъ съ крестикомъ. Здравствуй, Тетьянна! сказалъ я: ждешь мене? — „Здравствуй, Никита.“ отвѣчала она, „и не думала ждать!“ — Зачѣмъ же сидишь тутъ, дурная баба? — „Бѣжала, Никита.“ говоритъ она, „утомилась, дуже утомилась, сала отдохнуть. А ты, зачѣмъ туга вздишь, дурный козакъ?“ — Вольному козаку никто не запретитъ вздти куда ему хочется. Я прѣхалъ тебе провѣдати, моя уточка, и привезъ тебѣ хорошую вѣсточку: нашъ Алексѣй живъ, здоровъ и тебѣ кланяется. —

„То жъ то вы“ закричала она: „отняли его у Кошевого? Ай, молодцы Запорожцы! розскажи же скорше, якъ то было.“ И где взялась сила у покойницы! прежде ни жива ни мертва сидѣла, а теперь быстро вскочила на ноги, схватила за поводы коня и кричитъ: „розсказывай!“ Я розсказалъ ей все якъ было; оставилъ, говорю, ихъ въ церковь... Гляжу, выпустила Тетьянна изъ рукъ поводы, поблѣднѣла, опустила руки, вытягнулась, и смотритъ на мене такъ страшно, будто съести хочетъ, а сама смѣется... Что съ тобою? спыталъ, я „А! старый дурень!“ сказала она: „ты, менѣ такъ вѣсти носишь?... Мой милый, мой Алексѣй съ другою, а ты зачѣмъ тутъ?.. Слухай пѣсню:

Ты думаешь дурню,
Что я тебе люблю,
А я тебе дурню,
Словами голублю!...

Понимаешь, Никита?... Я думала, онъ умеръ... Жаль было, душа болѣла, только я радовалась, что ни ей, ни менѣ не достался!... А теперь, охъ! сватъба!... сватъ, гробъ!... Слышишь! поють:

Жукъ гудеть
Сватъба будетъ...

Слышишь?... поидежь, поидежь!...“ Тутъ она залилась слезами, а я догадался, что кругомъ дуракъ; что она тебе, Алексѣю, любила, а мене голубила словами, и такъ горько стало, не для того, чтобы я любилъ ю, якъ тамъ Паны любятъ въ Польщѣ, а съ досады, что баба, та еще молодая, извела мене. Турокъ не извелъ, Татарникъ не извелъ, а извела баба!... Проспится, такъ перекрестнишься!... Немного поплакавши Тетьянна заговорила со мною, но я ничего уже не понималъ: то кланялась тебѣ, то цѣловала крестикъ и мѣдный дукатъ на шеѣ, но глядя на дукатъ, вспоминала свою мать, просила у ней благословенія, потомъ запѣла свадебную пѣсню, — на разъ остановилась, будто кто ей ротъ заперъ рукою, и повалилась на землю! я къ ней — не дышетъ, очи отверты и не двигаются... Что будешь дѣлать? подумалъ я, ось въ прошломъ году въ походѣ совсѣмъ такое случилось съ моимъ гвздымъ, совсѣмъ издыхалъ конь и ноги откидалъ; посоветовали тогда люди пустити степную кровь — онъ и ожилъ. И теперь взялъ я ножъ, пустилъ Тетьяннѣ степную кровь якъ пошла кровь дѣвическая порядочно, гляжу, вздохнула Тетьянна, повзла очима, посмотрѣла на мене и шепчетъ: „Прощай, Никита, кланяйся Алексѣю... и сними съ моеи шеи и отдай ему тотъ мѣдный дукатъ; въ немъ, говорятъ, много силы, онъ...“ и не договорила... Богу душу отдала. Я уже и тру ю суконкою и горьку лью въ ротъ, ничто не помогаетъ, холодная якъ ледъ...

— „Бѣдная Тетьянна!“ сказалъ Алексѣй: царство ей небесное; добрая была душа! Что же ты, Никита станешь дѣлать?“

„Вырию саблею яну, сновлю молитву, в похорою небогу.“

— „И я поногу тебѣ.“

„А куда вы ѣдете?“ спыталъ Никита.

— „На зимовникъ Касьяна.”

„Ось, что я тебя скажу: здь ты съ женою своею дорогою; дорога тебя еще далекая: дай Боже за свѣтла добратись не заморивши коней; а якъ со мною еще простоишь часъ, другій, то придется заночевати въ полѣ; козаку то въ полѣ ночевати — здоровья набывати, но ты не одинъ, съ тобою такая птица, что въ вечеръ и росы бонтся. Вдь брате Алексю, а я одинъ похороню Таньку, у тебе есть теперъ о чемъ заботитись... Прощай Алексю, и возьми дукать, что тебя оставила Танька.”

— „Богъ съ нимъ! Что она меня была? таки ничего. Зачѣмъ же я возьму дукать?”

„Отдай его менъ Никита.” сказала Марина: „она менъ родная. она любила моего Алекся, я буду носить ей подарокъ... Ты менъ отдашь его, Алексю?”

— „Бери. коли тебя хочется, мое золото!” говорилъ Алексій, надѣвая на шею Марины спурокъ съ мѣдною татарскою монетою, и глядя ей въ очи, полныи слезъ.

„А теперъ ступайте.” говорилъ Никита: „не пристало вамъ быти подлѣ мертвого. — Прощайте! да хранитъ васъ Богъ, и защищаетъ отъ напастей святая церковь Покваро...”

Алексій и Марина попрощались съ Никитою и быстро поскакали по степи, будто убѣгая отъ страшного зрѣлища смерти. Никита добылъ изъ ноженъ саблю, перекрестился и началъ копати могилу, напѣвая въ полѣ голоса:

„Вѣтеръ вѣетъ, трава шумитъ,
Въ степи лежитъ козакъ убитъ:
Не для него вѣтеръ вѣетъ,
Не для него солнце грѣетъ;
На голову, покрытую
Зеленою ракитою,
Ужъ свѣтъ воронъ, шумно кричетъ,
А вѣрный конь у ногъ плачетъ.
„Не кушанье, не медъ готовъ,

Менъ, мамонько тробъ ковай новъ, тку
Въ менъ три доски сосновыи,
Четвертая иленовая!... (Прод. слѣд.)

ДОПИСЬ

Съ Коломийского.

Es ist die größte Ungerechtigkeit, wenn man Gesinnungen, die, vom anderen Standpunkte aus betrachtet, auch gut, und unserem Gegner heilig sind, mit Hass und Spötteleien angreift.

Geistl.

Мы уже сказали, яково есть властивое желаніе г. І. Лозиньского, мы похвалили добрую его волю, мы даже сознались, что было время, когда и насъ пѣняли мечтанія о простонародно-учебномъ языкѣ, но мы указали (отъ части словами самого г. І. А.) непрактичность того противорѣчающаго себѣ мечтанія, и различивши языкъ научный отъ простонародного, воздали тому послѣдному съ ученымъ Шафарикомъ принадлежащую честь въ обмеженіи его на простонародной литературѣ, — и такимъ дѣломъ отдали мы съ нашей стороны честь его защитнику, г. І. Лозиньскому.

Но что же, пытаемъ, далъ намъ съ своей стороны г. Лозиньскій? — поруганіи и имя: „перекличковъ, невѣжливыхъ, выродивыхъ сыновъ народа!... Правда, г. І. А. извиняетъ себе въ 36 ч. „Зори, что онъ „не вытыкалъ при томъ случаѣ ничіей osoby,“ и кинулъ свои порипанія только „на тѣ письма публичныи (т. е. одну книжку), въ которыхъ названъ нашъ языкъ простымъ, грубымъ, языкъ черни и пр., а плекателя его мрачными изступленіици, низкии невѣждаи и пр.“, но се не подавало ему права порицати и тѣ письма публичныи (с. е. двѣ наши временописа), въ которыхъ подобныи выраженія доселѣ вовсе не находились; не подавало ему права обругати, высѣяти все тое, что само по себѣ добро есть, а сердцаиъ многихъ дорого и свято! — Мы не напѣраемъ вступатись тутъ за оного Писателя, который вѣистину не совѣмъ прилично сказалъ вышеприведенныи слова въ поважномъ своемъ историческомъ сочиненіи; Писатель сей есть человекъ со своимъ умомъ, онъ, навѣрно будетъ въ состояніи самъ за себе отвѣчати. Мы только скажемъ въ защищеніе его нѣсколько такихъ словъ, якіи бы сказати собственная его скромность и другіи обстоятельства ему не соизволили, имено то: что онъ мужъ многозаслуженный на полѣ литературы не только нашей надорусской, но и польской и великорусской, извѣстный яко глубокость-

души историкъ ученому свѣту такъ въ Австріи якъ и за границею, вѣковій человекъ, который говорилъ и трудился много въ пользу малорусского народа, и прославлялъ и очищалъ изъ калу зависти и предрасудковъ его исторію еще тогда, когда, не велика въ сравненіи съ поприщемъ его славы, просвѣщенная часть Австрійской Руси о г. І. Лозинскомъ, о Зорѣ и Вѣстнику, и о Андреѣ Ивановичу К. еще ничего и не знала. Пытаемъ, свободно ли на такого человека, если бы онъ разъ и потянулся, обратити почестное имя „перекличника, невдячного, выродного сына народа? — того народа, для котораго онъ посвящалъ всю жизнь юншескую и мужескій вѣкъ, для котораго и нынѣ посвящаетъ всѣ дни трудными, ночи бессонными старческихъ лѣтъ свои? Заслужилъ ли онъ на то имя и тогда, когда написалъ былъ Исторію Галичского Княжества въ польскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, арабскомъ или даже хинскомъ языкѣ? О Гне Юснѣ Лозинскій! если уже у васъ и было великое отвращеніе къ тому языку, на которомъ заслуженный историкъ нашъ писалъ дѣло свое о древней Галичской Руси, если уже свободно вамъ было безъ всякихъ критическихъ разбираний назвать его Исторію „не Исторіею а только матеріалами для Исторіи,“ если уже свободно вамъ было назвати нѣсколько нелѣпыхъ его выраженій въ простомъ вѣщаннѣ способѣ картанья „нечуваную безчельностію, заслѣпленную зарозумѣлостію: то никогда не имѣли вы права нарицати (не письма его, бо письма не „сыны народа, но) доброго, и сердцамъ многихъ драгоцѣннаго человека, честнаго старика, брата по матери Руси, „перекличникомъ, невдячнымъ, выроднымъ сыномъ народа!“ И солнце имѣетъ свои туманные пятна, но никто не дерзнетъ за то протявъ всему солнцу роптати; и первостепенными геіи не разъ погрѣшаютъ, но никто не имѣлъ сердца предвѣщати имъ за жива, что о дѣлахъ ихъ и „слухъ загине!“ — Ото послушаемъ, якъ при подобномъ случаѣ, где одно мнѣніе ученаго Добровского оказалось подъ критикою глубоумнаго Шафарика невѣрнымъ, якъ сказалъ сей послѣдній о старшемъ отъ себе историкѣ и филологу все-словенскомъ: „ему (Добровскому) случилось тутъ въ преклонной старости то, что всѣмъ великимъ и взысненнымъ предметамъ къ вечеру свичайно приключаются; что долгу и велику тѣмъ по за себе кладутъ. Такъ говорити, значить говорити со связхожденіемъ, съ ненарушеніемъ чести другихъ заслуженныхъ людей, якимъ есть такожъ — со мною

скажетъ вся Русь Австрійская — нашъ Денисъ Зубрицкій!

Но г. Лозинскій не удовольнися тѣмъ, чтобы посрамити „письма публичныя, писанныя въ мношъ, ненавистномъ ему, словенскомъ языкѣ: онъ обругалъ такожъ тѣмъ наши „публичныя письма, которыя правописею, слогомъ, и во обще цѣлымъ складомъ языка весьма малозначно розличаются отъ захваляемыхъ нимъ же самымъ твореній нашей малорусской литературы, тѣмъ письма, которыя никогда не допускались напротивъ нашего простонароднаго языка якимъ либо поруганій. — Уже въ началѣ своей дописи, помѣщенной въ 64 и 65 ч. „Вѣстника,“ говоря о „невдячныхъ сынахъ народа“ указываетъ на нихъ приводячи имена: „Ивановичъ, Гавриловичъ, Федоровичъ. Онуфріевичъ а т. д., и высмѣиваетъ добрый обычай нашихъ Предковъ, сохраненный нашимъ простонародіемъ донынѣ, по которому благодарный сынъ принималъ къ своему крестному имени такожъ имя своего отца съ законченіемъ на вичъ или овъ; тотъ обычай, егоже злоупотребленіе со стороны украинской шляхты справедливо высмѣивалъ когда-то славный повѣстеписатель Гоголь, введенный нынѣ на ново нѣкоторыми галицкими Русинами, ставшия дорогимъ и священнымъ, якъ всякое добро е наслѣдіе, для сердецъ многихъ, не имѣетъ самъ по себѣ ничего злого, и обвинители его не заслужуютъ вовсе Гоголевыхъ или — якимъ горьшихъ поруганій. Г. Лозинскій прорекаетъ съ остроумною насмѣшкою дальше, что „прииде часъ, же и московско-болгарска (эпока) не удержится, же може и Зоря иначе свѣтити начне, и модна Лада жежи боги утѣкне, и о иныхъ подобныхъ письмахъ слухъ загине“: а въ 65 ч. „Вѣстника,“ представляя за единственный образецъ (книжный, не якъ онъ думалъ, простонародный) языкъ Вѣстника, законовъ державныхъ, распорядженій и пр. пытается съ негодованіемъ: „чижъ и. п. Зоря и Лада коньче потребуе якогось иншого языка?,“ а приводячи сей же часъ слова изъ одного примѣчанія въ Исторіи Гал. Ки., которую однакожъ не цитуетъ, обращается непосредственно „потомъ къ якимъ — то „зарозумѣлымъ паничкамъ, и „каргаетъ яхъ за то вѣрно не отъ нихъ подходящее насмѣваніе слѣдующею желчи полною апострофомъ: „а вы зарозумѣлыя панички и глядайтеся языка тоненького, мягонького, пѣщеного, кусого, якій бы вамъ до слаку припалъ, но на нашъ народный языкъ не клеветайте!.....“ Изъ приведенныхъ тутъ словъ г. Лозинского явственно, что „перекличникомъ, вырод-

ныхъ сыновъ народа,“ не есть самъ сочинитель тѣхъ „публичныхъ писемъ, въ которыхъ языкъ нашъ названъ простымъ, грубымъ и пр.“, но и всѣ наши братья, которыя употребляютъ чинъ нмъ по отцу съ законченіемъ на вичъ, и тѣмъ „зарозумѣлы панички, подъ которыми вовсе не можно себя представляти сѣдоглавого старика, нашего Историка. Г. Лозинскій не именовалъ ихъ особы, то правда; но нужно ли тутъ еще именовать особы, когда поименно обруганы известныхъ же особъ произведенія? „Зоря“ и „Лада“ годъ два письма, которыя поставлены въ реченной дописи г. Лозинского въ противоположность съ „Вѣстникомъ“. Якъ сей послѣдній удостоился отъ него всякихъ похвалъ, всякой признательности чей можетъ за то, что не пишетъ по забытой всѣми „Грамматикѣ“ Юсифа Лозинского, такъ двѣ первыя надѣлены отъ него всею неласкою, всѣмъ опроверженіемъ за тотъ же самъ вопіющій грѣхъ литераткн! Не беремъ на себе говорить за „Ладою“, котора о сколько различна была отъ „Зоря Галицкой“ не только своимъ слогаомъ но и весьма частымъ употребленіемъ словъ чужестранныхъ, знаютъ самыя ихъ Читатели, котору однакожь, яко третью русскую времечонистъ, яко юную подружку и по радушному выраженію Духнобича „кормилницу дѣвицъ русскихъ“, безсердечно было отсылати съ руганіемъ межн боги зато что не писала слово въ слово такъ само якъ Вѣстникъ, тѣмъ больше, что она сама прирекла нѣкоторымъ грѣхн исправиѣти. Не намѣряемъ такожъ вступатися тутъ за „Зорю“, котора такъ своимъ многоцѣннымъ содержаніемъ, якъ своимъ русско-словенскимъ народолюбіемъ и правильностію русского слога сама себе наилучше противъ подобнымъ враждамъ защищаетъ: мы вступаемся только за тѣхъ „зарозумѣлыхъ паничкнхъ“ г. Лозинского, которыя будто „на нашъ народный языкъ клеветаютъ.“ Если, якъ справедливо, исключимъ отъ тѣхъ паничкнхъ нашего многолѣтн ого, заслуженного Историка, который одинъ въ жарѣ обуренія противъ нѣкоторыхъ ругателей старорусского языка („жертвой бабусъ“) ех regula пристрастныхъ поборникнхъ противорѣчного фантома простонародно-науковой бесѣды, сказалъ нѣсколько горькихъ словъ и противъ необразованному нашего народа языку, если, кажемъ, исключимъ отъ тѣхъ паничкнхъ сѣдоглавого Историка; то не встрѣтимъ больше въ ніякой у насъ изданной книжцѣ или выходящей донимѣ времечонисты подобныя руганія на языкъ народный. Если же такъ есть воистину, то киненное на тѣхъ „заро-

зумѣлыхъ паничкнхъ“ (т. е. молодыхъ, трудолюбивыхъ, ударованныхъ людей, съ которыхъ большею частію состоитъ наша пишущая интеллигенція) обвиненіе о клевету на нашъ языкъ народный, есть обвиненіе о „ложно выдуманннхъ ваднхъ и блуднхъ“, есть клеветою по дефиниціи самого же г. Лозинского!

И послѣ столь явннхъ доказательствъ оклеветанія нашихъ публичныхъ писемъ, или лучше ихъ сочинителей, сутрудникнхъ и въ нѣкоторой степени даже любителей ихъ и покушкнхъ (кто бо выродннхъ сыновъ любить и вспираетъ, тотъ и самъ недалекій отъ того, статися выродкомъ), послѣ такого обруганія всѣхъ нашихъ похвалительныхъ литературныхъ подвиговъ, сомзволенихъ и подкрѣпленнхъ в. Правительствомъ, желаемыхъ здоровымъ разумомъ и цѣлю высшего народного просвѣщенія, послѣ такого несприязненного нападенія на друзей литератовъ, послѣ раздѣленія согласннхъ братьей на Болгаръ, и не-Болгаръ, на Москалей и не-Москалей, на перекнчкнхъ и не-перекнчкнхъ, на выродннхъ и не-выродннхъ, на волки и овцы, послѣ того всего — г. Лозинскій выпирается обруганія, закидаетъ клевету тому, кто первый посылъ на ню у него указать, и даже увѣряетъ насъ съ рѣшнмостію невинно преслѣдованного мученика, что онъ, „боронячи народной справы, готовъ за ню и поруганія (отъ насъ, боронящнхъ такожъ народную справу) терпѣти!“ О Гне Лозинскій! вы чѣряли для другихъ такъ несправедливою жѣркою, вы осуждали другихъ такъ строго, такъ безпомядно, а озлоблястесь за то, что люди дерзнули говорить о томъ вашемъ сужденіи, что обруганннхъ вами братья изрекли слово въ свое защищеніе!

Но пытаемъ еще, чего хотѣлъ г. Лозинскій тѣмъ пристрастнымъ противъ насъ выступленіемъ осягнути? Думагъ ли очъ, что своимъ „картаньемъ“ отведетъ старика-историка, якъ тую неслѣдущую дѣтину отъ небеспечной съ огнемъ забавки, отъ противного ему мнѣнія, — или насъ отъ той природной, глубоковкорененной любви къ священному Предковъ нашихъ языку? Обруганіе и „картанье“ кажется намъ въ томъ случаѣ найневертѣйшимъ средствомъ! — Г. Лозинскій утверждаетъ, что „пишущи критку, имѣлъ право до картанья; но то доказываетъ, якъ низкое понятіе имѣлъ онъ тогда о криткѣ. Наилучшее понятіе о криткѣ, и о раздѣленіи ей въ практикѣ на два рода, изъявилъ, по нашему мнѣнію, любимецъ нашъ, великій Гете, которого слова приводимъ тутъ въ поученіе для всѣхъ.

русскихъ критиковъ: „Es giebt eine zerstörende Kritik und eine productive. Jene ist sehr leicht, denn man darf sich nur irgend einen Mastab, irgend ein Musterbild, so bornirt sie auch seien, in Gedanken aufstellen, sodann aber kühnlich versichern: vorliegendes Kunstwerk (что тут сказано о искусственномъ дѣлѣ, тоже само разумеется и о мнѣніи другихъ) passe nicht dazu, tauege deswegen nichts, die Sache sei abgethan, und man dürfe ohne Weiteres seine Forderung als unbefriedigt erklären; und so befreit man sich von aller Dankbarkeit gegen den Künstler.— Die productive Kritik ist um ein gutes Theil schwerer, sie fragt: Was hat sich der Autor vorgesetzt? Ist dieser Vorsatz vernünftig und verständig, und in wie fern ist es gelungen, ihn auszuführen? Werden diese Fragen einsichtig und liebevoll beantwortet, so helfen wir dem Verfasser nach, welcher bei seinen ersten Arbeiten gewiss schon Vortschritte gethan und sich unserer Kritik entgegen gehoben hat.“— Который съ тѣхъ двохъ родовъ критики избралъ г. Лозинскій въ статьи своей, въ 64 и 65 ч. „Вѣстника помѣщенной, явственно изъ всего вышесказаннаго нами.

Что касается нашихъ двохъ вопросовъ, предложенныхъ къ рѣшенію г. Лозинскому, то признаемъ со всею справедливостію, что они разрѣшены лишь въ полнѣ, и только слова, заключенныя послѣ признанія его, что межъ каждою сотнею словъ въ его дописи есть около 90 такихъ, которыя въ каждой россійскомъ словарѣ находятъ, а около 80 такихъ, которыя употреблялъ Несторъ и старинныя русскія писатели: только, кажемъ, заключенныя также слова его: „(сли правда?),“ мѣшаютъ намъ лучшее наше о немъ понятіе. Яко малорусскій грамматикъ, яко литератъ, учившійся, по собственному его признанію, „церковнаго и россійскаго языка двадцать нѣсколько лѣтъ еще перелъ 1846 годомъ,“ г. Лозинскій не на своемъ мѣстѣ поставилъ тѣмъ скептическій вопросъ „(сли правда?).“

Однакожъ, застановившися надъ его откровеннымъ отвѣтомъ; изъ котораго явствуетъ, что мимо того, же въ нашемъ письменномъ языкѣ есть много словъ, сходныхъ со словами старорусскаго и „наиблизшаго намъ россійскаго“ языка, не можно языкъ нашъ назвати „московско-болгарскимъ,“ но

всегда малорусскимъ,— застановившися надъ тѣмъ, — якъ же то недостойно и противорѣчно окажется намъ ово порицаніе и обруганіе яко-то „московско-болгарскаго эпоки“ нашей литературы тѣмъ же самымъ г. Лозинскимъ!

Но, Господи! прости ему, онъ не въдалъ, что творилъ!.....

Андрей Ивановичъ К.

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ

На желаніе и съ помощію одного ревнѣйшаго Покровителя и Любителя нашей литературы печатается современно въ типографіи Став. Инст. во Львовѣ „Сборникъ русскіихъ стихотвореній,“ и „Земль Хотайскій“ повѣсть, извѣстная нашимъ почт. Читателямъ изъ 25—29 ч. „Зори Галицкой.“— Современно доносимъ, что „Матица галицко-русская“ перепечатываетъ изъ „Зори“ историческія статьи нашего ученаго Петрушевича.

— Въ чешской Читаниѣ для IV класса гим. находятъ также переводы словесныхъ произведеній нѣкоторыхъ нашихъ Русиновъ, именно: „Первое сраженіе Галичанъ съ Уграми,“ изъ Ист. Гал. Ки. Д. Зубрицкаго. „Городъ Галичь“ и „Торговля подкарпатскихъ Русиновъ,“ изъ путешествія по угорской и галицкой Руси Я. Головацкаго, „Гуцулы,“ И. Вагилевича. и „Поменьшія народности галицкія и буковинскія,“ В. Ковальскаго.

— Полуриядовыя „Словяцкія Новины,“ выходящія подъ редакціею дра Лихарда въ Вѣднѣ, которыя до сихъ поръ печатались въ большей части такъ званымъ швабахомъ, т. е. нѣмецкими буквами, начнутъ отъ 1 Января 1854 г. употреблять исключительно латинскія буквы съ чешскою правописію. Редакція тѣхъ же Новинъ замѣчаетъ, что „употребляеть книжный (письменный) языкъ, которыя пишутъ Моравляне и Чехи,“ а который различается отъ простонароднаго словацкаго языка далеко больше, нежели книжный малорусскій языкъ отъ бесѣды нашего простонародія. Мы дѣлаемъ еще то замѣчаніе, что в. Правительство, не смотря на усилія нѣкоторыхъ защитниковъ простонародной словацкой бесѣды, приказало переводити для Чеховъ, Моравлянъ и Словаковъ, всѣ законы и роспоряженія на одинъ книжный чешскій языкъ.

Слѣдуетъ числу 39 „Поученій Церковныхъ.“

Изданіемъ и типомъ Института Ставропигіянскаго.
Отвѣтственный Редакторъ Богданъ А. Дядицкій.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Середу два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четвертьечно получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИСПЫТАНІЕ САМОГО СЕБЕ.

(Изъ Платона.)

Очей до сна ты не смыкай,
Пока себе не спросилъ:
Якъ имѣвшій я день прежилъ?
Якоо дѣло залишилъ?
Такъ передъ сномъ себе пытай;
Кому бо грѣхъ свой снится,
Тому не мило спится.

Служилъ ли ты лукавому?
Иль дѣло оставилъ любви?
Тогда не можетъ Богъ тебе
Любити, ни ты самъ себе.
Скажи то сердцу своему,
И всяку склонность злую
Брани якъ дрянъ якую.

И то, что вчера доброго
Не сдѣлалъ ты — днесь учини
И завсегда сіе помни:
Что, кто дорогой истинны
Идетъ, и отъ душевного
Зла есть всегда свободный,
Тотъ Богу есть угодный.

ЖИЗНЬ ПРИМѢРНАЯ.

(изъ того же.)

За истинной слѣднати
И жизнь вести по ней,
Другимъ благотворити,
Но лишь не для очей;
Сближаетъ смертного
Къ Творителю его! Я съ Я.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПО- ЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII. ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.

Сочин. Антоній Петрушевичъ.

(Продолженіе.)

По смерти польскаго Государя Болеслава, возникли въ Польшѣ несогласія въ томъ, кому быти княземъ, ибо бездѣтный Болеславъ оставилъ пять племянниковъ, изъ которыхъ претендентовъ польскіе бояре избрали одного Лешка (Лестка) и посадили его княземъ въ Краковъ. На противъ тому властолюбивый Левъ замышлялъ самъ быти наслѣдникомъ Болеслава и Государемъ всей Польши, или по крайней мѣрѣ присвокупити при сей способности нѣсколько польскихъ украинныхъ городовъ, смежныхъ своей волости: но, когда польскіе вельможи сопротивились его намѣренію, въ досадъ поѣхалъ онъ самъ въ Орду къ Ногаю и просилъ у него помощи для похода своего въ Польшу 102.). Ногай въ самомъ дѣлѣ отпустилъ съ нимъ трехъ своихъ воеводъ съ

102.) Ипат Лѣт. 208. „По смерти же великаго князя Болеслава не бысть кто княжа въ ядской

